

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

ВОЙНА
С ДЕМОНАМИ
КНИГА 2

КОПЬЕ ПУСТЫНИ

Абсолютный шедевр... В буквальном смысле неотрывное чтение.
И безусловно заслуживает титула «новое достижение» в фэнтези.

HorrorScope

ПИТЕР В. БРЕТТ

Annotation

Демоны тьмы, с которыми сражаются герои, — не простая нечисть. Это лишь верхушка айсберга — хищные, но безмозглые слуги гораздо более опасных, наделенных изощренным разумом существ, которые образуют костяк древней подземной цивилизации. Справиться с ними под силу лишь Избавителю, второго пришествия которого ждет людской род. Но кто он, легендарный спаситель? Арлен Тюк, Меченый, отчасти сам превратившийся в демона и приобретший сверхчеловеческие способности? Или его некогда верный друг, а ныне заклятый враг Ахман Джардир, правитель жаркой Красии, вероломно похитивший у него чудесное копье Каджи? Приближается Дневная война, но только не с демонами, а между людьми — за право объединить человечество и повести его на решающий бой с силами Недр. И на этой войне каждому предстоит сделать свой выбор.

Питер В. Бретт

Копье Пустыни

Война с демонами. Книга 2

Посвящается Дэни и Кэсси

Peter V. Brett
DESERT SPEAR
Copyright © 2010, 2011 by Peter V. Brett
Artwork © by Lauren K. Cannon
All rights reserved

Карты выполнены Юлией Каташинской

© А. Киланова, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Сиквел более брутален, в нем усиливается политическая и романтическая интрига, причем война с демонами не теряет своего накала.

Booklist

Роман, продолжающий знаменитый дебют Бретта «Меченый», расширяет панорамную картину мира, насыщенного как доброй, так и злой магией. Любителей эпической фэнтези в духе Роберта Джордана и Джорджа Р. Р. Мартина порадует сильный голос нового мастера.

Library Journal

* * *

Благодарности

«Копье Пустыни» — моя самая объемная и сложная работа. Мне едва удалось справиться с мыслями, чтобы сплести истории восьми главных персонажей в одну, и я бы ни за что не справился без поддержки друзей и родных, но больше всего мне помогли читатели черновиков. Если бы не их критика и добрые советы, вы не держали бы в руках эту книгу. Огромное спасибо Майку, Мэтту, Дэни, Стейси, Амелии, Джею, маме, Денисе, Коби, Джону, Нэнси, Сью, моему агенту Джошуа, редакторам Анне и Эмме, литературному редактору Лоре, зарубежным издателям и переводчикам и всем фанам первой книги, которые не поленились написать мне и подбодрить, пока я старался сочинить лучший в моей жизни роман на фоне неразберихи из-за вопящего младенца и карьеры. Спасибо, ребята! Я вас обожаю.

Пролог

Мозговые демоны

333 П. В., зима

(После Возвращения)

Стояла последняя ночь перед новолунием — самые темные часы, когда не видно даже ломтика месяца. На клочке непроглядного мрака под густо переплетенными ветвями деревьев злой дух просочился из Недр.

Темная дымка медленно сгустилась в пару огромных демонов с бурой шкурой, грубой и шишковатой, как кора. Девяти футов в холке, они глухо заворчали и принялись, вонзив когти в мерзлую землю подлеска. Черные глаза цепко оглядели окрестности.

Не обнаружив опасности, демоны разошлись и присели на корточки, напружиненные, готовые прыгнуть. Клочок мрака за их спинами потемнел еще больше, землю тронула порча.

Сгустились еще два бесплотных силуэта: тощие, едва пяти футов ростом, с мягкой темно-серой плотью, столь не похожей на шишковатую броню более крупных собратьев. Хрупкие когти на тонких пальцах рук и ног — плоские и ровные, как ухоженные женские ноготки. Зубы — острые, но короткие, всего в один ряд.

Раздутые головы с огромными глазами без век и высокие конические черепа. Шишковатая узорчатая плоть на черепах пульсировала вдоль рудиментарных роговых гребней.

Новички долго смотрели друг на друга. Лбы у них подрагивали, воздух между ними вибрировал.

Один из демонов покрупнее заметил движение в кустах, пугающе быстро метнулся и схватил крысу. Подземник с любопытством поднес грызуна к носу. Морда демона превратилось в крысиную, нос и усы задергались, выросла пара длинных резцов. Подземник облизнул их, проверяя остроту.

Тощий демон обернулся и взглянул на него. Плоть на его лбу пульсировала. Демон-хамелеон вспорол крысе брюхо когтем и отшвырнул ее в сторону. По команде подземных князей хамелеоны сменили форму и превратились в огромных воздушных демонов.

Мозговые демоны покинули клочок непроглядного мрака и зашипели, когда их коснулся звездный свет. От холода из пастей вырывались клубы пара, но они безмятежно ступали по снегу, оставляя отпечатки когтистых лап. Хамелеоны низко склонились. Князья поднялись по их крыльям, уселись на спины и взмыли в небо.

По дороге на север они встретили множество трутней. Большие и малые демоны съезжались при виде князей и тянулись за вибрирующим зовом, который плыл следом.

Хамелеоны приземлились на высоком холме. Мозговые демоны спустились и окинули

взглядом картину. На равнине стояла лагерем огромная армия. Утоптаный смерзшийся снег был усеян белыми шатрами. Горбатые вьючные животные были стреножены в кругах силы и укрыты одеялами от мороза. Метки надежно защищали лагерь, часовые с прикрытыми черной тканью лицами патрулировали периметр. Мозговые демоны ощущали мощь их меченого оружия даже издали.

За лагерными метками десятки мертвых трутней ждали, когда дневная звезда спалит их дотла.

Огненные трутни первыми достигли холма, на котором остановились князья, и принялись плясать на почтительном расстоянии, визгом выражая свое рвение.

Волны вновь разошлись, и трутни затихли. В мертвой тишине огромная стая демонов явилась на зов князей. Лесные и огненные демоны стояли бок о бок, забыв о вековой вражде; воздушные кружили над ними.

Не обращая внимания на стаю, мозговые демоны глядели на равнину. Их черепа пульсировали. Через мгновение князь взглянул на своего хамелеона, отдав мысленный приказ. Плоть чудовища расплавилась и раздулась, приняв форму гигантского скального демона. Собравшиеся трутни молча последовали за ним со склона холма.

Князья и второй хамелеон ждали наверху. И смотрели.

Когда стая под покровом темноты приблизилась к лагерю, хамелеон замедлил ход и послал вперед огненных демонов.

У огненных трутней, самых мелких и слабых из подземников, светились глаза и пасти. Часовые сразу их заметили, но трутни передвигались стремительно и, прежде чем те успели поднять тревогу, набросились на метки, плюясь огнем.

Огненные плевки с шипением разбивались о метки, но трутни по приказу мозговых демонов сосредоточились на сугробах вдоль периметра и мигом превратили их дыханием в обжигающий пар. Часовым за метками ничего не угрожало, но лагерь окутался густым раскаленным туманом, который разъедал глаза и ноздри, несмотря на покрывала.

Часовой промчался по лагерю, громко звоня в колокольчик. Его товарищи бесстрашно выбежали за метки и накололи ближайших огненных демонов на меченые копья. Железо пронзало колючую чешую, лежащую внахлест, и магические искры рассыпались по сторонам.

Другие трутни атаковали с флангов, но часовые сражались как единое целое и прикрывали друг друга мечеными щитами. В лагере раздавались крики — все новые воины бросались в битву.

Стая с хамелеоном во главе подошла под прикрытием тумана и мрака. Когда демоны выступили из мглы, победные крики часовых сменились воплями ужаса.

Хамелеон легко справился с первым встреченным воином — сбил на землю тяжелым хвостом и схватил за ногу. Злосчастный воин взмыл в небо, его позвоночник хрустнул, как пруттик. Следующие жертвы хамелеон уже молотил телом их павшего товарища. Другие трутни последовали его примеру — с переменным успехом. Демоны легко справились с горсткой часовых, но не успели воспользоваться преимуществом, потратив драгоценные секунды на растерзание мертвецов вместо того, чтобы готовиться к следующей волне воинов.

Все больше закутанных мужчин выходило из лагеря. Они стремительно строились и убивали — уверенно, жестоко и эффективно. В темноте раз за разом вспыхивали метки на их

копьях и щитах.

Мозговые демоны на холме бесстрастно наблюдали за битвой и ничуть не переживали за трутней, гибнущих от копий врага. Череп князя запульсировал — он послал на поле приказ своему хамелеону. Хамелеон немедленно швырнул труп в один из меченых столбов, стоявших вокруг лагеря. Столб упал, образовалась брешь. Еще одна пульсация на холме, и подземники, оставив воинов в покое, бросились через пролом во вражеский лагерь.

Воины, сбитые с толку, обернулись и увидели, как пылают шатры, как огненные трутни носятся по лагерю, как крупные подземники пробиваются сквозь обугленные, сожженные внутренние метки; услышали, как вопят женщины и дети.

Воины закричали в ответ и бросились к своим родным. Ряды их расстроились. Мощные неуязвимые отряды мгновенно рассыпались на тысячи жалких созданий — добычу, не более того.

Казалось, лагерь будет опустошен и сожжен дотла, но из центрального шатра вышел человек. Он был одет в черное, как и воины, однако его верхнее платье, головная повязка и лицевой покров были белы как снег. Лоб охватывал золотой венец, в руках человек держал длинное сверкающее копьё из металла. Князя подземников зашипели. При виде белого воина раздались крики. Мозговые демоны презрительно поморщились, услышав жалкие хрипы и скулеж людей, но все было ясно и так. Остальные — трутни. Этот — их мозг.

С появлением белого воина люди вспомнили о своих обязанностях и восстановили былое единство. Один отряд отправился латать брешь. Два — тушить пожары. Еще один — увести беззащитных женщин и детей в безопасное место.

Остальные воины, руки у которых были теперь развязаны, принялись рыскать по лагерю, и трутни больше не могли им противостоять. Через несколько минут в лагере стало не меньше трупов подземников, чем снаружи. Хамелеон, все еще под личиной скального демона, вскоре остался последним живым. Он проворно уворачивался от копий, но не мог пробиться сквозь стену щитов, не обнаружив своей подлинной сути.

Пульсация на холме — и вот хамелеон растворился в тени, истаял, просочился сквозь узкую щель в метках. Враги еще искали его, когда демон вернулся на свое место рядом с господином.

Два тощих подземника несколько минут стояли на холме, обмениваясь бесшумными вибрациями. Затем они дружно обратили взгляды на север, где, по рассказам, находился еще один человеческий мозг.

Мозговой демон повернулся к своему хамелеону, который снова превратился в гигантского воздушного демона, опустил на колени и вытянул крыло. Князь подземников поднялся ему на спину и растворился в ночи. Его товарищ вновь повернулся к дымящемуся вражескому лагерю.

Часть I

Бесчестная победа

Глава 1

Форт Райзон

333 П. В., зима

Стена Форта Райзона оказалась никудышной.

Иных укреплений в городе не было, а она — едва десяти футов высотой и всего фут толщиной — не могла сравниться хотя бы с последним из многочисленных дворцов Дамаджи. Дозорным даже не понадобились подбитые сталью лестницы; большинство просто подпрыгнули, ухватились за край низенькой стены и перебрались на другую сторону.

— Беспечные слабаки заслуживают, чтобы их завоевали, — заметил Хасик. Джардир хмыкнул, но промолчал.

Авангард элитных воинов Джардира подобрался к городу под покровом темноты. Тысячи обутых в сандалии ног скрипели снегом и топтали оставшиеся под паром поля. Пока землепашцы ютились за метками, красийцы отважно наступали в ночи. Даже подземники рассеялись перед несметными полчищами Праведных воинов.

Закутанные в покрывала воины подошли к городу, но нападать не спешили. Люди не сражаются друг с другом ночью. Когда небо порозовело, воины опустили покрывала, чтобы враги видели их лица.

Несколько коротких, хриплых стонов — дозорные скрутили городских стражников. Скрип ворот, распахнутых перед воинством Джардира. Шесть тысяч даль'шарумов с ревом бросились в город.

Не успели райзонцы опомниться, как красийцы уже ворвались в дома, вытаскивая мужчин из постелей и голыми швыряя на снег.

На бесконечных пахотных землях Форта Райзона жило намного больше людей, чем в Красии, но райзонцы были мирным народом, и вышколенные воины Джардира срезали их, словно коса траву. Тем, кто сопротивлялся, порвали мышцы и переломали кости. Тех, кто вступил в бой, убили.

Джардир с горечью смотрел на происходящее. Ни один покалеченный или убитый мужчина не сможет обрести славу на Шарак Ка, Великой войне, но это вынужденное зло. Нельзя выковать оружие против демонов из северян, не закалив их, как кузнец закаляет наконечник копья.

Визжали женщины — воины Джардира закаляли их на свой лад. Еще одна суровая необходимость. Грядет Шарак Ка, и новое поколение воинов должно родиться от семени мужчин, а не трусов.

Спустя какое-то время Джайан, сын Джардира, опустился на колени в снег перед отцом. Наконечник его копья был алым от крови.

— Отец, внутренний город наш.

Джардир кивнул:

— Кто владеет внутренним городом, владеет равниной.

Джайан хорошо показал себя, впервые командуя войском. Битву с демонами Джардир

возглавил бы сам, но не хотел мараить человеческой кровью Копье Каджи. Джайан был слишком молод для белого покрывала полководца, но он являлся первенцем Джардира, кровью Избавителя. Юноша был силен, не обращал внимания на боль, войны и священники расступались перед ним с равным почтением.

— Многие убежали, — добавил Асом из-за спины брата. — Они предупредят деревенских, и те тоже убегут от очищения законом Эведжана.

Джардир взглянул на него. Асом был на год младше брата, меньше ростом, более хрупок. Он был облачен в белое одеяние дама и не носил ни оружия, ни доспехов, но Джардир видел его насквозь. Его второй сын был намного честолубивее и опаснее первого, хотя оба превосходили в этом смысле десятки своих младших братьев.

— Убежали, — согласился Джардир, — с пустыми руками, а зимой зеленые земли покрыты мягким льдом. Слабые умрут, что хорошо — не придется их убивать, а сильным я в свое время надену ярмо. Вы хорошо потрудились, дети мои. Джайан, прикажи найти помещения для пленников, пока они не замерзли до смерти. Отбери мальчиков для Ханну Паш. Если не получится выбить слабость из северян, то сыновья, возможно, превзойдут отцов. Из сильных мужчин сделаем живой щит, слабых превратим в рабов. Женщин детородного возраста пустим на племя.

Джайан ударил себя кулаком в грудь и кивнул.

— Асом, дай сигнал другим дама начинать, — приказал Джардир, и Асом поклонился.

Джардир проводил сына взглядом. Священники донесут слово Эверам до чинов и затолкают его в глотку тем, кто не примет сердцем.

Необходимое зло.

Через несколько часов Джардир расхаживал по толстым коврам облюбованного райзонского дворца. Жалкая лачуга не шла ни в какое сравнение с его хоромами в Красии, но он, расставшись с Копьем Пустыни, много месяцев ночевал в шатрах и был рад вернуться к цивилизации.

В правой руке Джардир сжимал Копье Каджи, опираясь на него, как на трость. Разумеется, в опоре он не нуждался, но древнее оружие вознесло его на вершину власти, и он с ним не расставался. С каждым шагом Джардир ударял по ковру его древком.

— Аббан опаздывает, — заметил Джардир. — Хотя он путешествует с женщинами при свете дня, ему давно пора появиться.

— Не понимаю, почему ты терпишь этого хаффита, отец, — поморщился Асом. — Пожиратель свинины заслуживает смерти уже за то, что осмелился поднять на тебя взгляд, а ты советуешься с ним как с равным.

— Каджи тоже использовал хаффитов, — возразил Джардир. — Аббан знает о зеленых землях больше любого из нас, и мудрый властелин не откажется от ценного знания.

— Да что там знать? — фыркнул Джайан. — Все землепашцы — трусы и слабаки, ничем не лучше хаффитов. Из них не выйдет ни толковых рабов, ни живого щита.

— По-твоему, ты все знаешь? Только Эверам знает все. В Эведжахе сказано: познай врага своего, а мы почти ничего не знаем о севере. Если я хочу привести северян на Великую войну, то мало просто убивать их, мало покорить. Я должен их понять. И если все северяне ничем не лучше хаффитов, то кто лучше хаффита поможет заглянуть в их сердца?

Тут в дверь постучали, и в комнату, хромая, вошел Аббан. Толстый купец был, по его обыкновению, одет как баба — в роскошные шелка и меха. Казалось, он намеренно

оскорбляет своим щегольством аскетичных дама и даль шарумов.

Стражники насмеялись над хаффитом и толкали его, но никто не посмел преградить ему путь. Задержать Аббана значит навлечь гнев Джардира, а этого никто не хотел.

Хромой хаффит приблизился к трону Джардира, всем весом налегая на костыль. Несмотря на холод, на его красном одутловатом лице блестели бисеринки пота. Джардир с отвращением смотрел на Аббана. Очевидно, купец принес важную новость, но вместо того, чтобы сообщить ее, молча пыхтел, пытаясь отдышаться.

— Что еще? — рявкнул Джардир, когда его терпение иссякло.

— Сделай что-нибудь! — выдохнул Аббан. — Они жгут склады с зерном!

— Что?! — Джардир вскочил, схватил купца за руку и стиснул так сильно, что хаффит вскрикнул от боли. — Где?

— На севере города. Выгляни за дверь, и увидишь.

Джардир выскочил на парадное крыльцо, увидел столб дыма и повернулся к Джайану.

— Иди, — приказал он. — Пожары потушить, виновников привести ко мне.

Джайан кивнул и растворился в лабиринте улиц; вышколенные воины потянулись за ним, словно косяк диких гусей. Джардир снова повернулся к Аббану.

— Тебе нужно это зерно, чтобы прокормить людей зимой, — произнес купец. — Каждое зернышко. Каждая крошка. Я предупреждал.

Асом бросился на Аббана, схватил за запястье, заломил руку за спину. Купец взвыл.

— Не смей говорить с Шар'Дама Ка таким тоном! — прорычал Асом.

— Довольно, — обронил Джардир.

Асом отпустил Аббана. Купец упал на колени, положил ладони на ступени крыльца и приник лбом к камню.

— Десять тысяч раз прошу меня простить, Избавитель.

— Я выслушал твой трусливый совет не покушаться на холодный север...

Аббан заскулил.

— ...но я не стану испытывать терпение Эверама из-за этой, — Джардир пнул снег на ступенях, — ледяной бури. Если нам понадобится еда, мы отнимем ее у местных чинов, которые живут в сытости.

— Разумеется, Шар'Дама Ка, — произнес Аббан в землю.

— Ты слишком долго добирался, хаффит. Отыщи своих знакомых купцов среди пленников.

— Если они еще живы, — пробормотал Аббан. — Улицы завалены мертвецами.

Джардир пожал плечами:

— Сам виноват, нечего было медлить. Иди опроси своих товарищей и найди местных вождей.

— Дама убьют меня, если я осмелюсь командовать даже от твоего имени, о великий Шар'Дама Ка, — напомнил Аббан.

Он был прав. По закону Эведжана любой хаффит, посмеявшийся приказывать тем, кто выше его, карался смертью на месте. Положению Аббана при Джардире завидовали многие, и с ним охотно расправятся.

— Отправлю с тобой Асома, — решил Джардир. — Даже самый ревностный священник не осмелится тебе возражать.

Асом шагнул вперед. Аббан побледнел, но кивнул.

— Как угодно, Шар'Дама Ка.

Джардиру было девять, когда даль'шарумы забрали его у матери. Слишком мало даже по меркам Красии, но племя Каджи потеряло в тот год много воинов, и нужно было пополнить ряды, пока другие племена не попытались перехватить власть.

Джардир, три его младшие сестры и их мать, Кадживах, жили в тесной каморке в глинобитных трущобах Каджи у пересохшего колодца. Отец, Хошкамин, пал в битве два года назад — маджахи зарубили его, когда пытались захватить источник. Обычно кто-то из товарищей павшего воина брал его вдов в жены и заботился о его детях, но Кадживах родила трех девочек подряд, и мужчины боялись привести в дом злочастие. Семья питалась жалкими подачками местного дама. Они были нищими, но жили в любви.

— Ахман асу Хошкамин ам'Джардир ам'Каджи, — объявил наставник Керан, — ты отправишься с нами в Каджи'шарадж, чтобы найти свой Ханну Паш — путь, назначенный тебе Эверамом.

Он стоял в дверях с наставником Кавалем. Высокие воины выглядели чрезвычайно грозными в своих черных одеяниях и красных покрывалах наставников. Они равнодушно смотрели, как мать со слезами обнимает Джардира.

— Ахман, теперь ты наша опора, — сказала Кадживах. — У меня и твоих сестер никого больше нет.

— Да, мама. Я стану великим воином и построю тебе дворец, — пообещал Джардир.

— Даже не сомневаюсь, — кивнула Кадживах. — Говорят, я проклята, потому что родила после тебя трех дочерей, но Эверам благословил нашу семью таким великим сыном, что братья ему ни к чему.

Она крепко обняла Джардира, и его щека увлажнилась от материнских слез.

— Довольно ныть. — Наставник Каваль схватил мальчика за руку и дернул. Младшие сестры Джардира смотрели, как его выводят из крошечной каморки.

— Вечно одно и то же, — сплюнул Керан. — Матери цепляются за сыновей.

— О ней некому позаботиться, кроме меня, — ответил Джардир.

— Тебе слова не давали, щенок, — рявкнул Каваль и отвесил Джардиру подзатыльник. Мальчик ударился коленом о мостовую из песчаника и едва не закричал от боли. Ему ужасно хотелось дать сдачи, но он сдержался. Даль'шарум раздавит его, как скорпиона, и даже глазом не моргнет, как бы остро Каджи ни нуждались в воинах.

— О ней заботятся все мужчины Красии. — Керан кивнул в сторону двери. — Мы проливаем кровь по ночам, чтобы она могла спокойно плакать над своим никчемным сыном.

Они повернули к Великому базару. Джардир прекрасно знал эту дорогу, поскольку часто бегал на базар, хотя в карманах у него было пусто. Ароматы пряностей и духов кружили голову, и ему нравилось глазеть на копья и жутковатые кривые клинки в палатках оружейников. Иногда он дрался с другими мальчишками, готовясь стать воином.

Даль шарумы редко посещали базар, это было ниже их достоинства. Женщины, дети и хаффиты брызнули в стороны. Джардир пристально следил за воинами, стараясь подражать их манерам.

«Когда-нибудь, — подумал он, — разбежаться будут передо мной».

Каваль сверился с исписанной мелом грифельной доской и взглянул на большой шатер, увешанный цветными знаменами.

— Сюда, — произнес он. Керан хмыкнул. Воины подняли полог и вошли в шатер, не удосужившись сообщить о своем появлении. Джардир последовал за ними.

В шатре пахло благовониями, на полу лежали пышные ковры. Повсюду громоздились горы шелковых подушек, висели ковры, стояли расписные горшки и другие сокровища. Джардир провел пальцем по рулону гладкого шелка и вздрогнул.

«Моя мать и сестры должны щеголять в таких же шелках», — подумал он и опустил взгляд на свои рваные и грязные коричневые штаны и безрукавку. Скорей бы облачиться в черные одежды воина!

Женщина за стойкой завизжала при виде наставников. Джардир взглянул на нее, но она уже закрыла лицо покрывалом.

— Омара вах'Хаман вах'Каджи? — спросил Керан.

Женщина кивнула, тараща от страха глаза.

— Мы пришли за твоим сыном Аббаном, — сообщил Керан.

— Его здесь нет, — ответила Омара, но ее глаза и кисти — все остальное было закрыто плотной черной тканью — дрожали. — Я отослала его утром с товарами.

— Поищи в задней комнате, — велел Керан. Каваль кивнул и направился к ширме за стойкой.

— Не надо! — Омара заступила ему путь.

Каваль отодвинул ее в сторону и скрылся в задней комнате. Раздался визг, и через мгновение наставник выволок за руку мальчишку в коричневой безрукавке, шапочке и штанах из ткани намного добротнее, чем у Джардира. Мальчишка был на год или два его старше. Коренастый, откормленный. За ним посыпались девчонки постарше — две в коричневом и три в черном, с открытыми лицами незамужних женщин.

— Аббан ам'Хаман ам'Каджи, — произнес Керан, — ты отправишься с нами в Каджи'шарадж, чтобы найти свой Ханну Паш — путь, назначенный тебе Эверамом.

Мальчик задрожал. Омара завыла, вцепилась в сына и попыталась его отобрать.

— Прошу вас! Он слишком мал! Еще год, умоляю!

— Молчи, женщина! — Каваль толкнул ее на пол. — Мальчишка уже вполне взрослый и к тому же слишком жирный. Еще немного, и станет хаффитом, как его отец.

— Гордись, женщина, — добавил Керан. — Твоему сыну выпал шанс подняться выше отца и служить Эвераму и Каджи.

Омара сжала кулаки, но осталась лежать ничком и тихо плакать. Ни одна женщина не смеет противиться даль шаруму. Сестры Аббана льнули к матери и голосили вместе с ней. Аббан потянулся было к ним, но Каваль дернул его к себе. Мальчик плакал и выл, пока его тащили из шатра. Джардир слышал рыдания женщин даже в шуме базара после того, как тяжелый полог упал на место.

Воины шли к тренировочной площадке, почти не обращая внимания на мальчишек, которые тащились следом. Аббан продолжал рыдать и трястись.

— Почему ты плачешь? — спросил Джардир. — Нас ждут слава и почести.

— Я не хочу быть воином, — ответил Аббан. — Не хочу умирать.

Джардир пожал плечами:

— Возможно, тебе предстоит стать дама.

Аббан содрогнулся:

— Это еще хуже. Дама убил моего отца.

— За что?

— Отец случайно пролил чернила на его одеяние.

— И дама убил его за такую малость?

Аббан кивнул, на его глаза снова набежали слезы.

— Взял и сломал отцу шею. Все случилось так быстро... он протянул руку, раздался хруст, и отец упал. — Мальчик сглотнул. — Теперь о матери и сестрах некому позаботиться, кроме меня.

Джардир взял его за руку:

— Мой отец тоже мертв, а мать считают проклятой, потому что она родила трех девочек подряд. Но мы дети Каджи. Мы можем превзойти своих отцов и вернуть честь своим женщинам.

— Но мне страшно, — хлопнул носом Аббан.

— Мне тоже немного, — признался Джардир, глядя вниз.

Через мгновение он просиял.

— Давай заключим договор!

Аббан привык к жестоким нравам базара и с подозрением взглянул на него.

— Какой договор?

— Помогать друг другу во время Ханна Паш. Если ты споткнешься, я тебя поймаю, а ты, если я упаду, смягчишь удар. — Он ухмыльнулся и хлопнул Аббана по круглому животу.

Аббан ойкнул и потер живот, с изумлением глядя на Джардира, но возмущаться не стал.

— Ты серьезно? — Он вытер глаза тыльной стороной ладони.

Джардир кивнул. Они шли в тени торговых навесов, но Джардир выдернул Аббана за руку на солнце:

— Клянусь под светом Эверама.

Аббан широко улыбнулся:

— А я клянусь драгоценной Коронай Каджи.

— Не отставать! — рявкнул Каваль, и мальчишки бросились догонять наставников, но в движениях Аббана появилась уверенность.

Проходя мимо великого храма Шарик Хора, наставники пробормотали молитвы Создателю Эвераму, рисуя в воздухе метки. За Шарик Хора находилась тренировочная площадка, и Джардир с Аббаном приковали свои взгляды к воинам. Одни упражнялись со щитом и копьем или сетью, другие маршировали или бежали строем. Дозорные балансировали на верхних перекладинах стоячих незакрепленных лестниц. Даль'шарумы били копьями в меченые щиты и оттачивали шарусак — искусство рукопашного боя.

Вокруг тренировочной площадки было двенадцать шараджи, то есть школ, — по одной на каждое племя. Джардир и Аббан принадлежали к племени Каджи, и потому их взяли в Каджи'шарадж. Здесь они начнут Ханну Паш и станут дама, даль'шарумами или хаффитами.

— Каджи'шарадж намного больше остальных, — заметил Аббан, глядя на огромный шатер. — Только Маджах'шарадж может хотя бы отчасти с ней сравниться.

— Еще бы не больше! Думаешь, наше племя случайно зовется Каджи в честь Шар'Дама

Ка, Избавителя? Мы потомки тысячи его жен, кровь его крови. Маджахы, — Каваль сплюнул, — всего лишь дети слабака, который правил после того, как Шар'Дама Ка покинул наш мир. Прочие племена во всем ниже нас. Не забывай об этом.

В шатре им выдали бидо — простые белые набедренные повязки. Коричневую одежду забрали, чтобы сжечь. Теперь они были най'шарумами — еще не воинами, но уже и не мальчиками.

— Месяц жидкой похлебки и жестких тренировок — и жира как не бывало, — заметил Каваль и с отвращением ущипнул Аббана за пузо, когда тот заголился. Аббан согнулся пополам от боли, но Джардир поймал его и дальше держал, пока толстяк ловил воздух ртом. Когда мальчики переоделись, наставники отвели их в казарму.

— Свежее мясо! — крикнул Керан, когда мальчишек втолкнули в просторную голую комнату к другим най'шарумам. — Ахман асу Хошкамин ам'Джардир ам'Каджи и Аббан ам'Хаман ам'Каджи! Теперь они ваши братья.

Аббан покраснел, и Джардир сразу понял почему, как и все остальные. Не назвав отцовского имени, Керан, считай, объявил, что отец Аббана принадлежал к хаффитам — самой жалкой и презираемой касте красийского общества. Хаффиты — трусы и слабаки, неспособные идти путем воина.

— Ха! Ты привел жирного сына пожирателя свинины и тощую крысу? — крикнул самый высокий из най'шарумов. — Вышвырни их на улицу!

Остальные мальчишки засмеялись. Наставник Керан зарычал и ударил наглеца кулаком в лицо. Парень грохнулся на каменный пол и сплюнул кровью. Смех умолк.

— Смеяться будешь, когда снимешь бидо, Хасик, — прошипел Керан. — До тех пор вы все — тощие крысы, хаффиты, пожиратели свинины.

С этими словами они с Кавалем развернулись и покинули казарму.

— Вы за это заплатите, крысы. — Хасик странно присвистнул. Он вырвал изо рта шатающийся зуб и швырнул его в Аббана. Толстяк вздрогнул. Джардир заслонил его и оскалился, но Хасик и его прихлебатели уже отвернулись.

Вскоре после их прибытия раздали миски и выставили котел похлебки. Джардир проголодался и направился напрямиком к раздаче, а Аббан заспешил еще пуще, но один из старших мальчиков преградил им путь.

— Вперед меня собрались? — Он толкнул Джардира на Аббана, и оба мальчика упали на пол.

— Вставайте, если хотите есть, — посоветовал наставник, который принес котел. — Похлебки на всех не хватит.

Аббан взвизгнул, и мальчики кое-как встали на ноги. К котлу уже выстроилась очередь. Вперед протиснулись ребята постарше и покрупнее. Первым стоял Хасик. Малыши в конце очереди отчаянно дрались за места, чтобы не остаться голодными.

— Что нам делать? — спросил Аббан.

— Встать в очередь. — Джардир схватил товарища за руку и потащил в серединку, где стояли ребята помельче откормленного Аббана. — Мой отец говорил, что испытывать слабость не страшно — страшно ее выказывать.

— Но я не умею драться! — Аббан дрожал.

— Нужда научит. Я собью кого-нибудь с ног, а ты падай на него всем весом.

— Это можно, — согласился Аббан.

Джардир подвел его к намеченной жертве. Паренек оскалил зубы, надулся и повернулся к Аббану, поскольку тот был крупнее.

— А ну пошли в конец очереди, крысы новые! — твякнул он.

Джардир молча ударил мальчика в живот и пнул по коленям. Паренек упал, и Аббан послушно рухнул сверху, как колонна из песчаника. Когда Аббан поднялся, Джардир уже стоял в очереди. Он обернулся, оскалил зубы, и Аббану тоже освободили местечко.

Наградой послужили два черпака похлебки — по одному в миску.

— Это все? — ужаснулся Аббан.

Раздатчик злобно посмотрел на него, и Джардир поспешно отвел товарища в сторону. По углам уже расселись мальчишки постарше, и они приютились у стены.

— Так я с голоду помру. — Аббан помешал ложкой водянистую похлебку.

— Другим и того не досталось. — Джардир указал на пару избитых мальчишек с пустыми руками, но Аббана это не утешило. — Могу поделиться. Я и дома ненамного лучше ел.

Они спали на полу казармы из песчаника, укрытые от холода лишь тонкими одеялами. Джардир привык делиться теплом с матерью и сестрами и пригрелся под боком у Аббана. Вдалеке прогудел Рог Шарак — началась битва. Мальчик долго не мог уснуть, мечтая о славе.

Он резко очнулся, когда его лицо накрыли еще одним тонким одеялом. Джардир боролся что было сил, но одеяло закрутили у него на затылке и крепко держали. Рядом приглушенно визжал Аббан.

Удары посыпались со всех сторон. Кулаки и пинки вышибли из него дух, в голове зазвенело. Джардир отчаянно размахивал руками и ногами и пару раз попал в цель, но ярость нападающих только усилилась. Вскоре он обмяк и мог бы упасть, если бы не удушающее одеяло.

Когда силы покинули его и он решил, что умрет, не познав славы и не отыскав пути в рай, знакомый голос произнес, присвистнув через дырку в зубах: «Добро пожаловать в Каджи'шарадж, крысы». Одеяла убрали, мальчиков швырнули на пол.

Мучители засмеялись и отправились спать, а Джардир и Аббан съежились и заплакали в темноте.

— Выпрямись, — прошипел Джардир на утреннем построении.

— Не могу, — захныкал Аббан. — Ни минутки не спал, болит каждая косточка!

— Не подавай виду, — посоветовал Джардир. — Мой отец говорил, что волки выбирают самого слабого верблюда.

— А мой — что надо спрятаться и подождать, пока волки уйдут.

— Молчать, недоноски! — рявкнул Каваль. — Дама идет.

Дама с Кераном прошли мимо, не заметив царапин и синяков новичков. У Джардира заплыл левый глаз, но наставники обратили внимание только на позу Аббана.

— Смирно! — рявкнул Керан, а Каваль вытянул Аббана по ногам кожаной плеткой. Аббан завопил от боли и едва не упал, но Джардир успел его подхватить.

Раздались смешки, и Джардир зарычал на Хасика, но тот лишь ухмыльнулся.

По правде говоря, Джардир тоже едва держался, но скрывал это. У него кружилась голова, болели руки и ноги, но он внимательно следил единственным здоровым глазом за приближением дама Хевата, выгнув спину. Наставники расступились перед священником и

почтительно поклонились.

— Прискорбно видеть, как выродились воины Каджи, потомки самого Шар'Дама Ка, Избавителя, — фыркнул дама, сплюнув в пыль. — Должно быть, ваши матери мешали мужское семя с верблюжьей мочой.

— Неправда! — вырвалось у Джардира.

Аббан неверяще посмотрел на него, но Джардир не мог снести такого оскорбления. Керан бросился на него с пугающей скоростью, и мальчик понял, что совершил ужасную ошибку. Наставник вытянул его плеткой, сбив на землю. Голая кожа горела огнем.

Но даль'шарум на этом не остановился.

— Если дама говорит, что ты верблюжий ублюдок, значит так и есть! — приговаривал он, охаживая Джардира плеткой. Мальчик был одет только в бидо, ему было нечем защититься от ударов. Он вертелся, прикрывая больные места, но лишь подставлял Керану свежую кожу. Джардир голосил, но наставник распалялся все больше.

— Довольно, — произнес Хеват.

Избиение мгновенно прекратилось.

— Ты верблюжий ублюдок? — спросил Керан.

Джардир заставил себя встать. Его ноги подгибались, как размоченный хлеб. Мальчик не сводил глаз с занесенной плетки. Он знал, что, если не уймется, наставник убьет его. Он погибнет бесславно, и его дух тысячелетиями будет слоняться у врат рая вместе с хаффитами, завидуя праведникам в объятиях Эверам и ожидая перерождения. Подобная судьба страшила его, но отцовское имя — единственное, что у него осталось, и он от него не откажется.

— Я Ахман, сын Хошкамина из рода Джардира, — произнес он как можно спокойнее.

Мальчики дружно ахнули, и он приготовился к смерти.

Лицо Керана исказилось от ярости, и он замахнулся плеткой, но сдержался, повинувшись еле заметному жесту дама.

— Я знал твоего отца, мальчик, — произнес Хеват. — Он был настоящим мужчиной, но прожил мало и славы не снискал.

— Значит, я прославлюсь за нас обоих, — пообещал Джардир.

— Возможно, возможно, — проворчал дама. — Но не сегодня. Сегодня ты ниже любого хаффита.

Священник повернулся к Керану.

— Бросить его в выгребную яму, и пусть настоящие мужчины мочатся и гадят ему на голову.

Наставник улыбнулся и ударил Джардира в живот. Когда мальчик сложился пополам, Керан схватил его за волосы и потащил к яме. По пути Джардир взглянул на Хасика, ожидая увидеть ухмылку, но обнаружил смесь неверия и животного страха, как и на лицах других най'шарумов.

Эверам узрел хладный мрак Най и опечалился. Он создал солнце, источник света и тепла, чтобы заполнить пустоту. Он создал Ала, мир, и отправил его в вечный полет вокруг солнца. Он создал человека и зверей, чтобы служили ему, и увидел, как Его солнце дарит им жизнь и свет.

Но половину времени Ала был обращен к мраку Най, и создания Эверам терзал страх. Поэтому Он создал луну и звезды, чтобы они отражали свет солнца в ночи и напоминали Его

созданиям, что Он рядом.

Так поступил Эверам и возрадовался.

Но Най тоже обладала волей. Она взглянула на творение, запятнавшее Ее безупречную темноту, и разгневалась. Она протянула руку, чтобы сокрушить Ала, но Эверам не дрогнул и удержал Ее руку.

Но Эверам отвел руку Най слишком поздно. Ее темные пальцы мазнули напастью Его совершенный мир. Чернильная тьма Ее злобы просочилась в камни и песок, разлетелась по ветру, растеклась маслянистым пятном по чистой воде Ала. Пронеслась по лесам, зашипела в жидком огне, что бурлит под землей.

В этих местах укоренились и выросли алагай. Создания мрака способны лишь убивать; уничтожать создания Эверамы — их единственная радость.

Но чу! Мир повернулся, и солнце пролило свет и тепло на создания Най из хладного мрака, развеяло их. Дарующее жизнь сожгло нежить, и алагай взвыли.

В панике они попрятались в тени, просочились вглубь мира, заразив самые недра.

В темной бездне, в сердце творения выросла Алагай'тинг Ка, мать демонов. Прислужница самой Най ждала, когда мир вновь повернется, чтобы послать своих детей сеять смерть.

Эверам увидел это и протянул руку, чтобы изгнать зло из мира, но Най не дрогнула и удержала Его руку.

Но Он тоже коснулся мира еще раз и подарил людям оружие для борьбы с алагай. Подарил им метки.

Увязшему в борьбе за все, что Он создал, Эвераму оставалось лишь отвернуться от мира и бросить все силы на бесконечную войну с хладной Най.

Как наверху, так и внизу.

Первый месяц в шарадж все дни Джардира были одинаковы. На рассвете наставники выводили най'шарумов на жаркое солнце, и мальчики часами слушали, как дама возносят хвалу Эвераму. Животы подводило от голода, колени дрожали от непомерных нагрузок и недостатка сна, но никто не жаловался. Вид вонючего и окровавленного Джардира, вернувшегося после наказания, научил их повиноваться беспрекословно.

Наставник Керан вытянул Джардира плеткой.

— Почему ты страдаешь? — спросил он.

— Алагай! — крикнул Джардир.

Керан повернулся и хлестнул Аббана.

— Почему нужен Ханну Паш?

— Алагай! — вскричал Аббан.

— Без алагай мир был раем, заключенным в объятия Эверамы, — произнес дама Хеват.

Наставник снова вытянул Джардира плеткой. После проявленной в первый день дерзости ему доставалось вдвое больше ударов, чем другим.

— В чем смысл твоей жизни? — крикнул Керан.

— Убивать алагай!

Наставник схватил Джардира за горло и притянул к себе.

— А как ты умрешь? — тихо спросил он.

— На когтях алагай, — кашляя, выдавил Джардир. Наставник отпустил его, и мальчик, задыхаясь, вытянулся в струну, чтобы Керан не нашел повода ударить его еще раз.

— На когтях алагай! — крикнул Хеват. — Даль'шарумы не умирают от старости в своих постелях! Им нипочем болезни и голод! Даль'шарумы умирают в бою и в награду отправляются в рай. Осиянные славой Эверамы, они купаются в млечных реках, пьют сладкое холодное молоко, и мириады девственниц окружают их пылкой любовью.

— Смерть алагай! — хором крикнули мальчишки, выбрасывая в воздух кулаки. — Слава Эвераму!

После построения им раздавали миски и приносили котел с похлебкой. Еды не хватало на всех, и каждый день кто-то оставался голодными. Первым еду получал Хасик, затем мальчишки постарше и покрупнее, но даже им выдавали всего по одному черпаку. Взять больше или пролить похлебку в стычке у котла означало навлечь гнев вездесущих наставников.

Пока старшие ели, младшие и слабые отчаянно дрались за места в очереди. После избиения в первую ночь и дня, проведенного в яме, Джардир не скоро смог драться, но Аббан прекрасно усвоил урок, наваливался всем весом и непременно находил им местечко в очереди, пусть даже ближе к концу.

Когда миски выскребали до дна, начиналась учеба.

Полосы препятствий развивали выносливость. Мальчики подолгу тренировались выполнять шарукины — серии движений, из которых состояли фигуры шарусака. Они учились маршировать и двигаться синхронно даже на бегу. На жидкой похлебке мальчишки стали стройными и крепкими, как наконечники копий, с которыми они упражнялись.

Иногда наставники отправляли отряды мальчишек устроить засаду най'шарумам из соседних шараджи и жестоко избить их. Опасность подстерегала везде, даже над выгребной ямой. Иногда старшие ребята, такие как Хасик и его дружки, взбирались на побежденных мальчиков из других племен сзади и совали им, словно женщинам. Это считалось ужасным позором, и Джардир не раз пинал насильников между ног, чтобы избежать подобной участи. Маджах однажды сорвал с Аббана бидо, но Джардир врезал ему в нос, так что брызнула кровь.

— В любой момент маджахи могут попытаться захватить источник или явятся Нанджи, чтобы украсть наших женщин, — сказал Каваль Джардиру, когда мальчишки подошли к нему после нападения. — Мы должны всегда быть готовы убить или быть убитыми.

— Ненавижу это место, — со слезами на глазах простонал Аббан, когда наставник ушел. — Скорей бы Ущерб! Можно будет вернуться домой к матери и сестрам, хоть ненадолго.

Джардир покачал головой:

— Он прав. Ослабишь бдительность хотя бы на мгновение, и тебе не жить. — Он сжал

кулак. — Так было с моим отцом, но со мной так не будет.

Когда наставники уходили, мальчики продолжали тренироваться под присмотром старших ребят, которые были скоры на расправу не меньше, чем даль'шарумы.

— Сгибай колени при повороте, крыса, — зарычал Хасик на Джардира во время сложного шарукина. И пнул его под колени.

Джардир упал в пыль.

— Верблюжий ублюдок не может даже повернуться! — со смехом крикнул Хасик остальным. Он все еще присвистывал сквозь дырку на месте выбитого Кераном зуба.

Джардир зарычал и бросился на старшего. Он должен подчиниться дама и даль'шарумам, но Хасик всего лишь най'шарум, и Джардир не потерпит, чтобы его отца оскорбляло подобное ничтожество.

Но Хасик был на пять лет старше, и скоро ему предстояло расстаться с бидо. Он был намного крупнее Джардира и годами практиковался в смертоносном искусстве рукопашного боя. Он схватил запястье Джардира, выкрутил, дернул руку, развернулся и врезал локтем по руке.

Джардир услышал хруст и увидел кость, пропоровшую кожу. Он даже успел испугаться, прежде чем его захлестнула боль.

И он заорал.

Хасик зажал Джардиру рот и притянул его к себе.

— Еще раз подойдешь ко мне, верблюжий ублюдок, и тебе не жить, — пообещал он.

Аббан подлез под здоровую руку Джардира и отволол его в шатер дама'тинг на дальнем конце учебной площадки. Шатер открылся перед ними, как будто их ждали. Высокая женщина в белом с головы до пят держала полог, видны были только ее руки и глаза. Она указала на стол в шатре, и Аббан поспешно уложил на него Джардира — рядом с девочкой, одетой в белое, как и дама'тинг. Но прелестное личико девочки было открыто.

Дама'тинг не говорят с най'шарумами.

Уложив Джардира, Аббан низко поклонился. Дама'тинг кивнула на полог, и Аббан поспешно выбежал, едва не упав. Говорят, дама'тинг видят будущее и знают, как мужчина умрет, едва взглянув на него.

Женщина скользнула к Джардиру — размытое белое пятно перед затуманенным от боли взором. Он не понял, молода она или стара, красива или уродлива, сурова или добра. Она казалась выше столь ничтожных понятий, ее преданность Эвераму затмевала заботы смертных.

Девочка взяла палочку, много раз обернутую белой тканью, положила в рот Джардиру и ласково нажала ему на подбородок. Джардир понял и закусил.

— Даль'шарумы приветствуют боль, — прошептала девочка, когда дама'тинг подошла к столу, чтобы собрать инструменты.

Руку словно ошпарило, когда дама'тинг промыла рану. Затем она дернула руку, чтобы вправить кость. Джардир в слепящей вспышке боли стиснул зубами палочку и попытался последовать совету девочки, открыться ощущениям, хотя толком не понимал для чего. Мгновение боль казалась невыносимой, а затем он словно пересек порог, и она отступила, стала отдаленной, будто терзала кого-то постороннего. Джардир разжал зубы, и ненужная палочка выпала.

Джардир расслабился в объятиях боли и повернулся посмотреть на дама'тинг. Она

работала размеренно и ловко, зашивала мышцы и кожу, бормоча молитвы Эвераму. Затем растерла травы в пасту, шлепнула на рану и обмотала чистой тканью, пропитанной густой белой массой.

Дама'тинг с легкостью подняла его со стола и переложила на жесткую койку — кто бы мог подумать, что она настолько сильна! Она поднесла фляжку к губам Джардира. Мальчик отпил. По телу разлились тепло и тяжесть.

Дама'тинг отвернулась, но девочка на мгновение задержалась.

— Сросшиеся кости становятся крепче, — прошептала она, и Джардир со спокойным сердцем провалился в сон.

Когда он проснулся, девочка сидела рядом с койкой. Она прижала влажную тряпочку к его лбу. Джардир жадно разглядывал ее лицо. Когда-то он думал, что его мать — красавица, но девочка была прекраснее во сто крат.

— Юный воин очнулся, — улыбнулась она.

— Ты говоришь, — произнес Джардир пересохшими губами. Его рука оказалась в белом каменном коконе — бинты дама'тинг затвердели, пока он спал.

— Разве я животное, чтобы молчать?

— В смысле, со мной, — поправился Джардир. — Я всего лишь най'шарум.

«И не достоин целовать пыль под твоими стопами», — молча добавил он.

Девочка кивнула:

— А я — най'дама'тинг. Скоро я получу покрывало, но пока хожу с открытым лицом и могу говорить, с кем хочу.

Она отложила тряпочку и поднесла к его губам дымящуюся миску с кашей.

— Вас наверняка морят голодом в Каджи'шарадж. Ешь. Это поможет заклинаниям дама'тинг тебя вылечить.

Джардир поспешно проглотил горячую кашу.

— Как тебя зовут? — спросил он, закончив.

Девочка вытерла ему губы мягкой тряпочкой и улыбнулась:

— А ты дерзкий... для паренька, который только-только получил бидо.

— Извини, — пробормотал Джардир.

Она засмеялась:

— Дерзость не порок. Эверам не любит робких. Меня зовут Инэвера.

— «Как угодно Эвераму», — перевел Джардир красийское присловье. Инэвера кивнула.

— Ахман, — представился Джардир, — сын Хошкамина.

Девочка торжественно кивнула, но в глазах ее искрилось веселье.

— Он силен и может вернуться к тренировкам, — сказала дама'тинг Керану на другой день, — но его нужно как следует кормить, и если ему повредят руку до того, как я сниму бинты, тебе несдобровать.

Наставник поклонился:

— Будет исполнено, дама'тинг.

Джардиру выдали миску и пустили в начало очереди. Никто, даже Хасик, не посмел возразить, но Джардир чувствовал спиной недовольные взгляды. Он предпочел бы сражаться за еду даже с загипсованной рукой, чем терпеть эти взгляды, но приказы дама'тинг не оспаривались. Если он не станет есть, наставники запихают похлебку ему в глотку.

— Ты поправишься? — спросил Аббан, когда они ели на своем обычном месте.

Джардир кивнул:

— Сросшиеся кости становятся крепче.

— Что-то мне неохота проверять, — поежился Аббан.

Джардир пожал плечами.

— Хорошо, что завтра Ущерб, — добавил Аббан. — Можно провести пару дней дома.

Джардир взглянул на гипс, стораая от стыда. Этого не скроешь от матери и сестер.

Пробыл в шарадж всего цикл и уже опозорил родных!

Говорили, что в три дня Ущерба Най сильнее всего. Мальчики в пору Ханну Паш проводили это время дома, со своими семьями, чтобы отцы взглянули на сыновей и вспомнили, ради кого сражаются по ночам.

Но отец Джардира погиб, и к тому же Джардир сомневался, что являет собой повод для гордости. Его мать, Кадживах, притворилась, будто ничего не заметила, но сестры оказались не столь тактичны.

Среди най'шарумов Джардир привык ходить в одном бидо и сандалиях. Среди сестер, закутанных в коричневые платья с головы до ног, так что видны были только руки и лица, он чувствовал себя голым, и ему было нечем прикрыть гипс.

— Что у тебя с рукой? — спросила его младшая сестра Ханья, едва он вошел в дом.

— Сломал на тренировке.

— Как? — спросила старшая сестра Аймисандра, любимая сестра Джардира, и положила ладонь на здоровую руку.

Ее ласковое прикосновение раньше утешило бы Джардира, но теперь десятикратно усилило его стыд. Он отдернул руку.

— Мы занимались шарусаком. Ерунда.

— Сколько мальчишек на тебя напало? — спросила Ханья, и Джардир вспомнил, как избил на базаре двух старших ребят за то, что один из них дразнил малышку. — Спорим, не меньше десяти!

Джардир нахмурился.

— Один, — отрезал он.

Хошвах, средняя сестра, покачала головой.

— Наверное, он был десяти футов ростом.

Джардир был готов сорваться на крик.

— Хватит докучать брату! — прикрикнула Кадживах. — Приготовьте ему место за столом и оставьте в покое.

Ханья сняла с Джардира сандалии, а Аймисандра поставила во главе стола деревянную скамью. Подушек не было, но она застелила ее чистой тканью. Джардир месяц сидел на голом полу шарадж, и теперь даже это казалось роскошью. Хошвах поспешно поставила на стол выщербленные глиняные миски, которые Кадживах наполнила дымящимся варевом.

Обычно семья Джардира ужинала простым кускусом, но Кадживах откладывала понемногу от пособия и в Ущерб кускус всегда был приправлен и сдобрен овощами. В этот первый домашний Ущерб Ханну Паш Джардир нашел в своей миске даже несколько жестких кусочков подозрительного мяса. Джардир давно не ел досыта, и кускус благоухал материнской любовью, но не лез Джардиру в горло, особенно когда мальчик обнаружил, что в мисках матери и сестер мяса нет. Он заставил себя проглотить ужин, чтобы не обидеть

мать, но ему пришлось есть левой рукой, изнемая от стыда.

После ужина они молились все вместе, пока с минаретов Шарик Хора не донесся крик, возвещавший наступление сумерек. По закону Эведжана все женщины и дети должны были после этого спуститься вниз.

Меченый подвал с засовом имелся даже в жалкой глинобитной лачуге Кадживах. Из подвала открывался ход в Нижний город — огромную сеть пещер, которая соединяла все Копье Пустыни на случай прорыва.

— Идите вниз, — велела Кадживах дочерям. — Мне нужно поговорить с вашим братом наедине.

Девочки повиновались, и Кадживах подозвала Джардира в угол, где висели копье и щит его отца.

Оружие, как всегда, воплощало немой укор. Джардир остро чувствовал тяжесть гипса, но еще сильнее его тяготило другое. Он взглянул на мать:

— Дама Хеват сказал, что отец умер бесчестно.

— Значит, дама Хеват не знал твоего отца так, как знала я. Твой отец говорил только правду и ни разу не поднял на меня руку, хотя я родила ему трех дочерей подряд. Благодаря ему моя утроба и ваши животы не пустовали. — Мать заглянула в глаза Джардиру. — В этом не меньше чести, чем в убийстве алагай. Повтори это под солнцем и запомни.

Джардир кивнул:

— Повторю.

— Ты теперь носишь бидо. Это значит, что ты больше не мальчик и не можешь спуститься с нами. Ты должен ждать у двери.

Джардир кивнул:

— Я не боюсь.

— И напрасно. В Эведжахе говорится, что в полнолуние Алагай Ка, отец демонов, бродит по Ала.

— Даже он не пройдет мимо воинов из Копья Пустыни!

Кадживах встала и сняла со стены копье Хошкамина.

— Возможно. — Она вложила копье в здоровую левую руку сына. — Но если пройдет, на тебя вся надежда.

Джардир потрясенно взял оружие. Кадживах кивнула и спустилась к его сестрам. Джардир немедленно перебрался к двери и, вытянувшись в струнку, прокараулил всю ночь, как и две следующие.

— Мне нужна жертва, — сказал Джардир. — Когда дама'тинг снимет гипс, придется вернуться в очередь.

— Можно застолбить местечко вместе, как раньше, — предложил Аббан.

Джардир покачал головой:

— Если я воспользуюсь твоей помощью, меня сочтут слабаком. Я должен показать им, что исцелился и стал сильнее, не то меня заклюют.

Аббан кивнул, размышляя:

— Ты должен встать ближе к похлебке, чем раньше, но не настолько близко, чтобы разозлить Хасика и его дружков.

— Ты рассуждаешь как купец.

Аббан улыбнулся:

— Я вырос на базаре.

Следующие несколько дней они пристально следили за первой половиной очереди. Мальчишки здесь были на несколько лет старше Джардира и намного крупнее. Друзья наметили жертв и принялись внимательно наблюдать за ними на тренировках.

Занятия шли своим чередом. Гипс удерживал кости на месте, пока Джардир преодолевал полосу препятствий. Наставники понуждали его упражняться с копьем и сетью левой рукой. Особого отношения он не видел, да и не желал. Плетка гуляла по его спине не реже, чем прежде, и Джардир был этому рад. Он приветствовал боль, зная, что каждый удар доказывает, что он не слабее других, несмотря на сломанную руку.

Шли недели, Джардир трудился в поте лица, оттачивал шарукины при каждой возможности и мысленно повторял их перед сном. Неожиданно он обнаружил, что может кидать и бить левой рукой не хуже, чем правой. Он даже приспособился колотить противников гипсом, приветствуя боль, подобную порыву горячего пустынного ветра. Он знал, что, когда дама'тинг наконец срежет гипс, он станет сильнее, чем прежде.

— Как насчет Джурима? — предложил Аббан в последний вечер перед снятием кокона. — Он высокий и сильный, но не помнит, чему его учили, и берет нахрапом.

Джардир кивнул:

— Возможно. Он медлителен, и никто не посмеет бросить мне вызов, если я его побью, но я бы выбрал Шанджата. — Он указал на худого парня, который стоял в очереди перед Джуримом.

Аббан покачал головой:

— Не смотри, что он тощий. Шанджат не просто так стоит перед Джуримом. Он орудует руками и ногами, как плеткой.

— Но ему не хватает точности. И он теряет равновесие, если промахивается.

— А это бывает редко, — предостерег Аббан. — Джурима ты победишь скорее. Если слишком рьяно торговаться, испортишь всю сделку.

Когда в середине утра следующего дня Джардир вернулся из шатра дама'тинг, мальчишки уже выстроились в очередь за похлебкой. Джардир глубоко вдохнул, размял правую руку и направился прямо в середину. Аббан уже занял свое место ближе к концу. Он не станет помогать, как и договаривались.

Джардир, как наяву, услышал голос отца: «Волки выбирают самого слабого верблюда», — и этот простой совет прогнал страх.

— А ну пошел в конец, калека! — рявкнул Шанджат.

Джардир широко улыбнулся.

— Да воссияет над тобой Эверам за то, что придержал мне местечко, — сказал он.

Шанджат неверяще уставился на него: он был на три года старше Джардира и намного крупнее. Он на мгновение замешкался, и Джардир ударил его, выбив из очереди.

Шанджат покачнулся, но он был проворен и устоял, взметнув облако пыли. Джардир мог сделать подножку и ударить, пока противник шатается, но для того, чтобы прекратить разговоры о том, что из-за перелома он стал слабаком, просто победить было мало.

Раздались радостные крики, и очередь замкнулась кольцом. Изумление на лице Шанджата сменилось гримасой ярости, и он бросился на противника.

Джардир скользил, как танцор, уклоняясь от первых ударов Шанджата — стремительных, как и предостерегал Аббан. Наконец, Шанджат отчаянно размахнулся, промазал и покачнулся. Джардир шагнул влево, поднырнул под его руку и врезал правым

локтем ему по почкам, словно копьем. Шанджат завопил от боли и остутился.

Джардир вихрем развернулся, врезал Шанджату другим локтем в спину и сбил противника на землю. Правая рука была исхудавшей и бледной после недель в гипсе, но кости действительно стали крепче, как и обещала дама'тинг.

Шанджат поймал Джардира за лодыжку, опрокинул на землю и навалился сверху. Они боролись в пыли, и Шанджат побеждал благодаря большему весу и длинным рукам. Он захватил Джардира за шею и левой рукой вдавил ему в горло правый кулак.

Мир потемнел перед глазами Джардира, и мальчик на мгновение испугался, что переоценил свои силы. Не желая сдаваться, он поприветствовал удушье, как приветствовал боль. Он со всей силы ударил ногой назад, попал Шанджату в пах, и противник с воим ослабил хватку. Джардир вывернулся и подобрался поближе к Шанджату. Теперь удары почти не достигали Джардира и были ему не страшны. Медленно и постепенно он зашел за спину Шанджату, осыпая противника ударами по самым уязвимым местам — глазам, шее, животу.

Оказавшись позади Шанджата, Джардир схватил его правую руку и вывернул. Он уперся в спину старшего мальчика обоими коленями и навалился всем весом. Заблокировав локоть противника, он подпер его плечом и рванул вверх.

— А-а-а! — завопил Шанджат, и Джардир понял, что теперь легко сломает Шанджату руку, как Хасик сломал ему.

— Ты придержал мне местечко? — громко спросил Джардир.

— Я убью тебя, крыса! — заорал Шанджат. Он молотил пыль свободной рукой, вертелся и дергался, но сбросить Джардира не мог.

— Скажи! — потребовал Джардир и поднял руку Шанджата еще выше. Он чувствовал в ней напряжение и знал, что она вот-вот хрустнет.

— Я лучше спрыгну в бездну Най! — крикнул Шанджат.

Джардир пожал плечами:

— Сросшиеся кости становятся крепче. Приятного знакомства с дама'тинг.

Он поднял руку еще немного и ощутил, как ломаются кости и рвутся мышцы. Шанджат завопил от нестерпимой боли.

Джардир медленно встал и оглядел мальчишек: не собирается ли кто-нибудь еще бросить ему вызов? Многие смотрели на него с изумлением, но никто, похоже, не намеревался мстить за Шанджата, который лежал в пыли и был.

— Разойдись! — рявкнул наставник Каваль, проталкиваясь через толпу. Он посмотрел на Шанджата, затем на Джардира.

— А ты не безнадежен, — проворчал он. — Быстро все в очередь, не то выльем похлебку в выгребную яму!

Мальчишки поспешно вернулись на свои места, но Джардир подозвал Аббана и под шумок поставил за собой.

— Эй! — возмущился Джурим, следующий в очереди, но Джардир сверкнул глазами, и тот попятился, освобождая место Аббану.

Каваль пнул Шанджата.

— А ну вставай, крыса! — крикнул он. — Ноги у тебя целы — не надейся, что тебя отнесут к дама'тинг после того, как тебя одолел мальчишка вдвое меньше!

Он схватил Шанджата за здоровую руку, рывком поднял на ноги и потащил к шатру целительницы. Мальчишки в очереди кричали и улюлюкали ему вслед.

— Не понимаю, — произнес Аббан. — Почему он не сдался?

— Потому что он воин, — ответил Джардир. — Ты сдашься, когда алагай придут за тобой?

Аббан содрогнулся:

— Это другое.

— Вовсе нет, — покачал головой Джардир.

Вскоре после того, как Джардир избавился от гипса, Хасик и еще несколько ребят постарше начали тренироваться на стенах Лабиринта. Через год с них там же сняли бидо, и выжившие, в том числе Хасик, порой проносились по учебной площадке в новой черной одежде по пути в великий гарем. Как и все даль'шарумы, они старались не иметь с най'шарумами ничего общего.

Время для Джардира летело незаметно, дни сливались в бесконечную петлю. По утрам он слушал, как дама превозносят величие Эверама и племени Каджи. Он многое узнал о других красийских племенах и почему они ниже Каджи, а также о том, отчего маджахи особенно глухи к истинам Эверама. Еще дама говорили о далеких землях и трусливых чинах на севере, которые побросали копья и живут как хаффиты, дрожа от страха перед алагай.

Джардир вечно был недоволен их местом в очереди и старался перебраться поближе к котлу, где миски становились полнее. Он намечал себе жертв и отправлял их в шатер дама'тинг одного за другим, таща за собою Аббана. Когда Джардиру исполнилось одиннадцать, они уже стояли в начале, впереди нескольких мальчишек постарше, которые обходили их стороной.

Днем они тренировались или бегали от даль'шарумов, упражнявшихся с сетями. По ночам Джардир лежал на холодном каменном полу Каджи'шарадж, напряженно прислушивался к звукам алагай'шарак и мечтал, как однажды пополнит ряды мужчин.

По ходу Ханну Паш дама выбрали несколько мальчиков для особого обучения. Теперь их путь вел к белым одеждам. Они покинули Каджи'шарадж и больше не возвращались. Джардир оказался недостойн подобной чести, чему был весьма рад. Он не хотел дни напролет чахнуть над древними свитками или возносить хвалу Эвераму. Его призвание — копье.

К Аббану, знавшему буквы и цифры, дама проявили больше интереса, но его отец был хаффитом, и с этим они не смогли примириться, пусть даже формально позор мужчины не ложится на плечи его сыновей.

— Лучше сражайся, — в конце концов сказал дама Аббану, ткнув его в широкую грудь.

Аббан не особенно похудел, но напряженные тренировки перетопили жир в литые мышцы. Он становился грозным воином и с облегчением выдохнул, когда стало ясно, что ему не суждено носить белое.

Другие мальчики, слишком слабые или медлительные, были изгнаны из Каджи'шарадж. Им придется носить коричневые детские одежды до конца своих дней. Ужасная судьба, позор для семьи и ни малейшей надежды на рай. Слабаки с сердцами воинов часто вызывались на роль наживки — дразнить демонов и заманивать их в ловушки в Лабиринте. Жили они недолго, но погибали с честью, заслужив вход в рай, который иначе был бы для них закрыт.

На двенадцатом году жизни Джардиру впервые разрешили посмотреть на Лабиринт. Наставник Керан отвел най'шарумов постарше и посильнее на великую меченую стену из песчаника тридцати футов высотой. Она окружала поле боя — целый городской район,

населенный в те незапамятные времена, когда в Красии было больше жителей. Поле было покрыто развалинами древних лачуг и десятками стен пониже. Эти стены, двадцати футов высотой, были изрезаны метками. Одни тянулись далеко и резко поворачивали, другие представляли собой лишь плиту или пару плит под углом. Вместе они образовывали лабиринт, усеянный замаскированными ямами — ловушками для алагай, где тех сжигало утреннее солнце.

— Стена под вами, — топнул ногой Керан, — защищает от алагай наших женщин и детей, а также хаффитов.

Он сплюнул за стену.

— Прочие, — он обвел руками бесконечные витки Лабиринта, — нужны, чтобы алагай не скрылись от нас.

Он с явной гордостью сжал кулак, и все мальчишки разделили с ним это чувство. Джардир представил, как бежит по лабиринту с копьём и щитом, и сердце его запело. На залитом кровью песке ждала слава!

Они подошли по широкой стене к деревянному мостику, который можно было поднять при помощи большого коленчатого рычага. Мостик вел на одну из стен Лабиринта. Все они соединялись каменными арками или приближались друг к другу на расстояние прыжка. Стены Лабиринта были тоньше, местами меньше фута шириной.

— Взрослым воинам опасно бегать поверху, — пояснил Керан. — Дозорные не в счет.

Дозорные были даль'шарумами из племен Кревах и Нанджи. Они лазали по лестницам — каждый носил с собой такую, подбитую железом и двенадцати футов длиной. Лестницы можно было соединять или использовать поодиночке, и ловкие дозорные умели балансировать наверху без всякой опоры, изучая поле боя. Дозорные из племени Кревах подчинялись Каджи, из племени Нанджи — Маджах.

— Весь следующий год, — сообщил Керан, — вы будете помогать дозорным племени Кревах следить за передвижениями алагай и гнать их на даль'шарумов в Лабиринт, а также передавать приказы кай'шарума.

Остаток дня они бегали по стенам.

— Вы должны знать каждый дюйм Лабиринта, как свое копьё! — напутствовал их Керан. Проворные и гибкие, най'шарумы радостно кричали, прыгая со стены на стену и перебегая по маленьким каменным мостикам. Джардир и Аббан хохотали от удовольствия.

Но здоровяк Аббан плохо держал равновесие и на одном из узеньких мостиков поскользнулся и упал со стены. Джардир бросился на помощь, но не успел.

— Чтоб меня Най взяла! — выругался он, когда лишь коснулся пальцев товарища и проводил его взглядом.

Аббан коротко вскрикнул и грохнулся оземь. Даже с высоты двадцати футов было видно, что у него сломаны ноги.

За спиной раздался пронзительный смех, похожий на крик верблюда. Джардир обернулся и увидел, что Джурим хлопает себя по колену.

— Аббан верблюд, а не кот! — крикнул Джурим.

Джардир оскалил зубы и сжал кулаки, но не успел он встать, как появился мастер Керан.

— По-твоему, мы тут шутки шутим?

Прежде чем Джурим успел ответить, Керан схватил его за бидо и швырнул следом за Аббаном. Джурим с воплем пролетел двадцать футов, ударился о землю и больше не

двигался.

Наставник повернулся к другим мальчикам:

— Алагай'шарак — не шутки. Пусть вы лучше умрете, чем осрамите в ночи своих братьев.

Мальчики закивали и отступили.

Керан повернулся к Джардиру:

— Беги предупреди наставника Кавалю. Пусть пришлет мужчин отнести парней к дама'тинг.

— Мы сами их отнесем, — осмелился возразить Джардир, зная, что каждая минута на счету.

— В Лабиринт можно входить только мужчинам, най'шарум, — отрезал Керан. — Беги, не то даль'шарумам придется нести троих.

После ужина дама'тинг подошла к наставнику Керану. Джардир подобрался к ним настолько близко, насколько осмелился, и напряженно прислушался к ее тихим словам.

— Джурум сломал несколько костей, у него сильное внутреннее кровотечение, но он поправится, — бесстрастно сказала она, будто речь шла о пустяках вроде цвета песка. Выражение ее лица утаивали покрывала. — У второго, Аббана, вконец переломаны ноги. Ходить он сможет, бегать — нет.

— А сражаться? — спросил Керан.

— Пока неизвестно.

— Если не сможет, убей его сейчас. Лучше умереть, чем стать хаффитом.

Дама'тинг ткнула в него пальцем, и наставник отшатнулся.

— Не тебе решать, что происходит в шатре дама'тинг, даль'шарум, — прошипела она.

Наставник поспешно сложил руки, словно в молитве, и поклонился так низко, что борода чуть не коснулась земли.

— Прошу прощения. Я не хотел оскорбить дама'тинг.

Дама'тинг кивнула:

— Разумеется, не хотел. Ты наставник даль'шарумов, и после смерти слава твоих подопечных приложится к твоей собственной. Ты воссядешь на одном из самых почетных мест рядом с Эверамом.

— Дама'тинг слишком добра ко мне, — пробормотал Керан.

— Тем не менее, — продолжила дама'тинг, — я хочу напомнить, где твое место. Попроси дама Хевата назначить тебе наказание. Двадцати ударов хвостом алагай вполне достаточно.

Джардир ахнул. Хвост алагай был самой страшной плеткой — три кожаных ремешка четыре фута длиной, оцетинившиеся металлическими шипами.

— Дама'тинг поистине великодушна, — не разгибаясь, произнес Керан. Джардир сбежал, пока его не заметили и не задались вопросом, много ли он услышал.

— Напрасно ты пришел, — шепнул Аббан, когда Джардир нырнул под полог шатра дама'тинг. — Тебя убьют, если поймают!

— Я просто решил тебя проведать, — сказал Джардир. Он действительно хотел навестить друга, но внимательно смотрел по сторонам, вопреки всему надеясь увидеть Инэверу. Он не встречал девочку с тех пор, как сломал руку, но не забыл ее красоты.

Аббан посмотрел на свои сломанные ноги, закованные в застывающий гипс.

— Боюсь, дела мои плохи.

— Ерунда. Сросшиеся кости становятся крепче. Скоро ты вернешься на стены.

— Кто знает, — вздохнул Аббан.

Джардир закусил губу:

— Я подвел тебя. Я обещал поймать, если ты упадешь. Я поклялся под светом Эверама.

Аббан взял Джардира за руку:

— И непременно поймал бы. Я видел, как ты бросился на помощь. Ты не виноват, что я упал. Я считаю, что ты сдержал клятву.

Глаза Джардира наполнились слезами.

— Я тебя больше не подведу, — пообещал он.

В этот миг из-за перегородки в глубине шатра молча выплыла дама'тинг. Она посмотрела на мальчиков и встретилась глазами с Джардиром. Его сердце замерло в груди, лицо похолодело. Казалось, они смотрели друг на друга целую вечность. Выражения лица дама'тинг было не разобрать под плотным белым покрывалом.

Наконец она кивком указала на полог. Джардир не мог поверить собственной удаче. Он в последний раз сжал руку Аббана и выбежал из шатра.

— Вы встретите на стенах воздушных демонов, но не вздумайте с ними сражаться, — произнес Керан, расхаживая перед най'шарумами. — Это обязанность даль'шарумов, которым вы служите. И все-таки очень важно знать врага в лицо.

Джардир внимательно слушал, сидя на привычном месте перед группой. Ему ужасно не хватало под боком Аббана. Джардир вырос с тремя младшими сестрами и встретил Аббана в тот же день, когда попал в Каджи'шарадж. Он не привык к одиночеству.

— Дама утверждают, что воздушные демоны обитают в четвертом круге бездны Най.

Керан указал копьем на крылатое чудовище, нарисованное мелом на стене из песчаника.

— Некоторые — например, недоумки из племени Маджах — недооценивают воздушных демонов, потому что их броня не так крепка, как у песчаных. Не дайте себя провести! Воздушные демоны обитают дальше от взора Эверама. Это намного более гнусные твари, чем песчаные демоны! Их шкуру точно так же не пробить копьем, а летают они настолько быстро, что в них сложно попасть. Своими длинными когтями, — он очертил смертоносное оружие наконечником копья, — они в один миг отрывают головы, а похожими на клюв челюстями могут разом откусить все лицо.

Он повернулся к мальчикам.

— Что ж... Какие у них слабые места?

Джардир немедленно поднял руку. Наставник кивнул ему.

— Крылья, — сказал Джардир.

— Верно. Крылья воздушных демонов сделаны из той же прочной мембраны, что и кожа, но туго натянуты на хрящах и костях. Сильный мужчина может проколоть их копьем или отпилить, если нож очень острый и тварь лежит на земле. Что еще?

Джардир снова поднял руку первым. Наставник оглядел других мальчиков, но больше никто не вызвался. Джардир был младше остальных на два года с лишним, однако ему подчинялись, как и в очереди за похлебкой.

— На земле они неуклюжи и медлительны, — сказал Джардир, когда Керан кивнул ему.

— Верно. Воздушным демонам нужно разбежаться или забраться повыше и спрыгнуть,

чтобы взлететь. Тесные закоулки Лабиринта мешают им это сделать. Даль'шарумы на стенах набрасывают на них сети, спутывают тяжелыми бола.^[1] Вы должны докладывать воинам на земле, где находятся демоны.

Он пристально взглянул на детей.

— Как звучит сигнал «воздушный демон внизу»?

Джардир немедленно поднял руку.

Через три месяца Аббан и Джурим вернулись в ряды най'шарумов. Аббан заметно хромал, и Джардир нахмурился.

— Ноги еще болят? — спросил он.

Аббан кивнул:

— Кости, может, и стали крепче, но не прямее.

— Еще рано, — утешил Джардир. — Со временем заживут.

— Инэвера, — произнес Аббан. — Кто знает, что угодно Эвераму?

— Ты готов драться за место в очереди? — Джардир кивнул в сторону наставника с котлом похлебки.

Аббан побледнел:

— Только не сейчас. Если ноги меня подведут, я буду опозорен навсегда.

Джардир нахмурился, но кивнул.

— Смотри не затягивай, — посоветовал он, — не то будешь опозорен бездействием.

Они подошли к началу очереди, и мальчишки прыснули в стороны, как мыши перед котом, пропустив их вперед. Некоторые недовольно косились на Аббана, но бросить вызов никто не смел.

Джурим был лишен такой роскоши, и Джардир холодно наблюдал за ним. Он не забыл, как Джурим гоготал, когда упал Аббан. Походка Джурима была несколько скованной, но Аббан хромал намного сильнее. Мальчишки в очереди за похлебкой злобно поглядывали на Джурима, но он подошел к своему обычному месту за Шанджатом.

— Это место занято, калека, — огрызнулся Эсам, еще один най'шарум в подчинении у Джардира. — Живо в конец очереди!

Эсам неплохо сражался, и Джардир не без интереса наблюдал за противостоянием.

Джурим улыбнулся и вскинул руки, словно в мольбе, но Джардир заметил, как он поставил ноги, и не попался на уловку. Джурим бросился вперед, схватил Эсама и повалил на землю. Через мгновение все было кончено, и Джурим занял свое законное место. Джардир кивнул. У Джурима сердце воина. Джардир взглянул на Аббана и печально покачал головой: тот уже доел свою похлебку и пропустил всю драку.

— Идите сюда, крысы! — крикнул Каваль, когда миски опустели. Джардир немедленно зашагал к наставникам, остальные мальчишки — за ним.

— Как ты думаешь, в чем дело? — спросил Аббан.

Джардир пожал плечами:

— Сейчас узнаем.

— Вам предстоит испытание мужества, — сообщил Керан. — Вы посмотрите в глаза ночи, и мы узнаем, у кого сердце воина, а у кого — труса.

Аббан ахнул от ужаса. Джардир затрепетал от восторга. С каждым испытанием вожаки черные одежды становились все ближе!

— Из деревни Баха кад'Эверам уже несколько месяцев нет вестей. Как бы алагай не

отыскали брешь в их метках! — продолжил Керан. — Разумеется, бахаване — хаффиты, но они дети Каджи, и Дамаджи велел не бросать их в беде.

— Скорее, велел не бросать драгоценные горшки, которые они нам продают, — пробормотал Аббан. — В Бахе живет знаменитый горшечник Дравизи, изделия которого украшают красийские дворцы.

— У тебя на уме только деньги! — огрызнулся Джардир. — Будь они самыми презренными псами на Ала, все равно они неизмеримо выше алагай, и их нужно защищать!

— Ахман! — рявкнул Каваль. — Хочешь что-то добавить?

Джардир вытянулся по стойке смирно:

— Нет, наставник!

— Тогда придержи язык, не то отрежу, — пригрозил Каваль.

Джардир кивнул, и Керан продолжил:

— Пятьдесят воинов-добровольцев во главе с дама Хеватом выступят в недельный поход на Баху. Вы отправитесь с ними — нести снаряжение, кормить верблюдов, готовить и точить оружие.

Он взглянул на Джардира.

— Сын Хошкамина, ты назначаешься най ка на время похода.

Глаза Джардира широко распахнулись. Ранг най ка, то есть «первого из никого», означал, что Джардир — первый из най'шарумов не только в очереди за похлебкой, но и в глазах наставников и может командовать остальными. Най ка не назначали уже несколько лет — с тех пор, как Хасик облачился в черное. Это была исключительная честь, и даровали ее — а также принимали — нелегко. К власти прилагалась ответственность. Керан и Каваль призовут его к ответу и жестоко накажут за чужие промахи.

Джардир низко поклонился:

— Это великая честь, наставник. Да поможет мне Эверам не разочаровать вас.

— Уж постарайся, если дорожишь своей шкурой, — хмыкнул Каваль. Керан взял кожаный ремешок с узелками — символ ранга — и обвязал им бицепс Джардира.

Сердце Джардира бешено колотилось, кожаный ремешок казался Коронай Каджи. Джардир представил, как дама расскажет об этом Кадживах, когда та придет за еженедельным пособием, и надулся от гордости. Скоро он восстановит честь матери и сестер!

Дело было не только в этом, но и в испытании мужества. Несколько недель под открытым небом. Он увидит алагай вблизи и узнает врага в лицо. Хватит с него рисунков на грифельной доске и смутных теней, едва различимых со стен. Поистине, сегодня начало новой жизни!

Когда най'шарумов отпустили, Аббан повернулся к Джардиру, улыбнулся и стукнул кулаком по перевязанному ремешком бицепсу.

— Най ка, — произнес он. — Ты заслуживаешь этого, друг мой. Скоро ты станешь кай'шарумом и будешь командовать в битве настоящими воинами.

Джардир пожал плечами:

— Инэвера. Поживем — увидим. Сегодня довольно и этой чести.

— Ты был прав. Мне порой становится тяжело, когда я вижу, как обращаются с хаффитами, и я дал волю горечи. Бахаване заслуживают нашей защиты, и не только.

Джардир кивнул:

— Я так и думал. Я тоже был не прав, друг мой. В твоём сердце есть место не только

торгашеской алчности.

Он сжал плечо Аббана, и мальчики побежали собираться в поход.

Они выступили в полдень: пятьдесят воинов Каджи, в том числе Хасик, дама Хеват, наставник Каваль, двое дозорных из племени Кревах и отряд отборных най'шарумов во главе с Джардиром. Несколько старших воинов поочередно ехали на обозных телегах, которые тянули верблюды, но остальные шли пешком через Лабиринт к главным городским воротам. Джардир и остальные мальчики ехали по Лабиринту в телегах, чтобы не осквернить священную землю.

— Лишь дама и даль'шарумы вправе ступать по крови своих братьев и предков, — предупредил Каваль. — Не искушайте судьбу.

За воротами города наставник прошелся по телегам копьём.

— Живо на землю! — рявкнул Каваль. — Шагом марш в Баху!

Аббан неверяще посмотрел на Джардира:

— Это же неделя пути через пустыню под жарким солнцем, а на нас только бидо!

Джардир спрыгнул с телеги:

— На учебной площадке светит то же самое солнце.

Он указал на даль'шарумов, которые маршировали перед обозом.

— Скажи спасибо, что на тебе только бидо. Солнце нагревает черные одежды, но каждый воин несет щит, копьё и доспехи. Если они могут маршировать, то и мы сможем.

— Ладно тебе! Неужели неохота размять ноги после нескольких недель в гипсе? — Джурим с ухмылкой хлопнул Аббана по плечу и соскочил с телеги.

Остальные най'шарумы последовали его примеру. Джардир отсчитывал ритм, чтобы поспевать за воинами и телегами. Последним шел Каваль. Он внимательно следил за най'шарумами, но командовать предоставил Джардиру. Такое доверие наставника — большая честь.

Через пустыню вилась тропа из утоптанного песка и растрескавшейся глины. Вдоль нее тянулась цепочка древних вех. Ветер не утихал ни на миг и швырялся горячим песком, который скапливался на дороге, отчего ноги скользили. Раскаленный песок обжигал даже сквозь сандалии. И все же най'шарумы, закаленные годами тренировок, маршировали без единой жалобы. Джардир смотрел на них с гордостью.

Однако вскоре стало ясно, что Аббан не поспевает за остальными. Он купался в поту, все сильнее хромал на коварной тропе и часто спотыкался. Один раз налетел на Эсама, который злобно толкнул его на Шанджата. Шанджат оттолкнул Аббана, и тот грохнулся на землю. Мальчишки засмеялись, глядя, как Аббан отплевывается от песка.

— Не отставать, крысы! — Каваль стукнул копьём по щиту.

Джардиру хотелось помочь другу подняться, но он знал, что выйдет только хуже.

— Вставай! — рявкнул он.

Аббан умоляюще взглянул на него, но Джардир лишь покачал головой и пнул товарища ради его же блага.

— Откройся боли и вставай, идиот, — раздраженно прошептал он, — не то станешь хаффитом, как твой отец!

Страдание в глазах Аббана полоснуло по сердцу, но Джардир был прав. Аббан тоже это знал. Он втянул воздух, встал и похромал за остальными. Какое-то время он поспевал, но вскоре снова оказался в конце. Он часто натыкался на других мальчишек, и те толкали его.

Это не укрылось от бдительного взора Кавалья. Наставник подошел к Джардиру:

— Парень, если он будет нас задерживать, ты отведаешь плетки на глазах у всех.

Джардир кивнул:

— Как пожелаете, наставник. Я — най ка.

Каваль хмыкнул и не стал настаивать.

Джардир подошел к остальным.

— Джурим, Аббан, в телегу, — приказал он. — Вы только что из шатра дама'тинг и не готовы маршировать весь день.

— Верблюжья моча! — Джурим ткнул пальцем в лицо Джардира. — Я не собираюсь ехать на телеге, как женщина, только потому, что этот сын пожирателя свинины еле тащится!

Не успел он договорить, как Джардир ударил. Он схватил Джурима за запястье, вывернул его и прижал к плечу. Джуриму оставалось лишь обмякнуть, чтобы Джардир не сломал ему руку, и он грохнулся на спину. Джардир с силой потянул его руку и наступил Джуриму на горло.

— Ты поедешь на телеге, потому что твой най ка так решил, — громко объявил он, когда лицо Джурима покраснело. — Забудешься еще раз — берегись.

Лицо Джурима стало лиловым. Наконец он сумел кивнуть, и Джардир убрал ногу. Джурим начал жадно глотать воздух.

— Дама'тинг приказала, чтобы вы с каждым днем проходили все больше, пока к вам не вернуться силы, — солгал Джардир. — Завтра будете идти на час дольше.

Он холодно взглянул на Аббана.

— Оба.

Аббан усердно закивал, и оба мальчика направились к телегам. Джардир смотрел им вслед и молился, чтобы Аббан поскорее поправился. Он не сможет прикрывать его вечно.

Он взглянул на остальных най'шарумов. Все смотрели на него.

— Я что, объявил привал? — рывкнул он, и мальчики поспешно зашагали дальше. Джардир отсчитывал ритм вдвое быстрее, пока они не нагнали отряд.

Смеркалось. Най'шарумы приготовили ужин и разложили скатки под присмотром Джардира, пока дама и ловчие занимались меченым кругом. Когда тот был готов, воины встали вдоль него, сомкнув щиты и выставив копыя. Солнце село, и поднялись демоны.

Вблизи от города песчаные демоны водились в изобилии. Они шипели на даль'шарумов, бросались на воинов. Джардир впервые видел алагай вблизи и хладнокровно разглядывал их, запоминая движения и приемы.

Ловчие не подвели, и вспышки магии не пускали демонов в круг. Пока твари бросались на метки, даль'шарумы с криками кололи их копиями. Броня песчаных демонов была прочна, но несколько тварей погибло от точных ударов в глаза или открытую шею. Воины словно играли, стараясь нанести удар в нужную точку одновременно со вспышкой магии. Они смеялись и поздравляли немногих, кому это удавалось. Счастливики уходили к костру, остальные пытались достать демонов, которых становилось все больше. Джардир заметил, что Хасик одним из первых наполнил миску.

Мальчик взглянул на наставника Кавалья, который как раз убил демона и направился к костру. Красное ночное покрывало Кавалья было поднято — раньше Джардир такого не видел. Он поймал взгляд наставника. Каваль кивнул, и Джардир приблизился с низким поклоном.

— Наставник, это не похоже на алагай'шарак, которой нас учили.

Каваль засмеялся:

— Это не алагай'шарак, мальчик, — просто игра, чтобы копья не затупились. В Эведжахе сказано, что для алагай'шарак нужна особая площадка. Здесь нет ни ловчих ям, ни стен Лабиринта, ни укрытий для засады. Выходить из круга глупо, но почему бы не показать солнце одному-другому алагай?

Джардир еще раз поклонился:

— Благодарю, наставник. Мне все ясно.

Игра продолжалась еще несколько часов, пока оставшиеся демоны не решили, что проникнуть за метки невозможно. Одни принялись кружить вокруг лагеря, другие уселись на корточки вне досягаемости копий, наблюдая. Сытые воины встали в дозор, улюлюкая и крича в спины неудачникам, отправившимся ужинать.

Когда все поели, половина воинов легла спать, другая выстроилась кольцом вокруг лагеря, словно статуи. Через несколько часов воины поменялись местами.

На следующий день они прошли мимо деревни хаффитов. Джардир раньше не видел таких поселков, хотя в пустыне было множество мелких оазисов — в основном к югу и востоку от города, где струйки воды выбивались из земли и наполняли небольшие озерца. Бежавшие из города хаффиты часто селились в таких оазисах, но, покуда они питались плодами своих рук, не просили подаяния у стен города и не нападали на проезжих купцов, дама не обращала на них внимания.

Были также оазисы с озерами покрупнее, способные прокормить сотню хаффитов, а то и больше, зачастую с женщинами и детьми. К таким оазисам дама проявляли некоторый интерес. Племена воинов захватили отдельные оазисы, как захватили источники в городе, и взимали с хаффитов налоги товарами и трудом за право жить на земле. Дама время от времени посещали ближайšie к городу деревни и забирали детей. Мальчики ступали на путь Ханну Паш, а самые красивые девочки становились дживах'шарум, обитательницами великих гаремов.

У деревни, мимо которой они шли, не было стены. Периметр защищали отдельные монолиты из песчаника с глубоко вырезанными в камне древними метками.

— Что это за место? — вслух подумал Джардир.

— Деревня Песчаник, — ответил Аббан. — Здесь живут три с лишним сотни хаффитов. Их зовут каменоломными псами.

— Каменоломными псами? — переспросил Джардир.

Аббан указал на огромную яму в земле, одну из нескольких в деревне, в которой мужчины и женщины бок о бок добывали песчаник с помощью лопат, кирок и пил. Деревенские жители были широкоплечими и мускулистыми, не то что городские хаффиты. Дети трудились наравне со взрослыми, грузили телеги, вели верблюдов, которые вытягивали камень из ям. Все были одеты в коричневое: мужчины и мальчики — в безрукавки и шапки, женщины и девочки — в платья, которые почти ничего не скрывали. Их лица, руки и даже ноги были открыты почти целиком.

— Сильный народ, — заметил Джардир. — Почему эти мужчины хаффиты? Неужели все они трусы? А девочки и мальчики? Почему их не забирают в жены или для Ханну Паш?

— Возможно, их предки и стали хаффитами по собственной вине, друг мой, — ответил Аббан, — но эти люди хаффиты по рождению.

— Не понимаю, — насупился Джардир. — Хаффитов по рождению не бывает!

Аббан вздохнул:

— Ты говоришь, что я только о деньгах и думаю, но, может, это ты думаешь о них недостаточно? Дамаджи нужен камень, который добывают эти люди, и крепкие работники. Взамен они велят дама не приходиться за детьми хаффитов.

— И обрекают детей стать хаффитами! Почему родители соглашаются?

— Люди порой ведут себя странно, когда у них забирают детей.

Джардир вспомнил слезы Кадживах, крики матери Аббана и не сумел возразить.

— И все же эти мужчины могли бы стать прекрасными воинами, а их женщины — прекрасными женами, матерями сильных сыновей. Прискорбно видеть подобное расточительство.

Аббан пожал плечами:

— По крайней мере, когда один из них ранен, братья не набрасываются на него, словно стая волков.

Еще через шесть дней они достигли утеса над рекой, на которой стояла Баха кад'Эверам. Другие деревни хаффитов им не встретились. Семья Аббана торговала со многими селениями, и он объяснил, что это из-за подземной реки, которая питает множество оазисов рядом с городом, но так далеко на восток не заходит. Большинство деревень располагалось на юге от города, между Копьем Пустыни и далекими южными городами, вдоль русла реки. Джардир никогда не слышал о подземной реке, но поверил другу.

Река перед ними подземной не была, но за долгие годы прорезала бесчисленные слои песчаника и глины и проторила себе глубокое русло. Она текла далеко вниз, хотя с такой высоты казалась не более чем струйкой.

Они шли на юг вдоль утеса, пока не отыскали тропу, ведущую вниз. Со стороны она была совсем не заметна. Даль'шарумы прогудели в рога в знак приветствия, но ответа не последовало. Они спустились по крутой узкой тропке на деревенскую площадь. Даже в центре города не было ни души.

Баха кад'Эверам была выстроена ярусами вдоль утеса. Широкая неровная лестница поднималась зигзагом, и на каждом уступе лепились глинобитные лачуги. В деревне не было ни души, и заменявшие двери тряпки лениво трепались на ветру. Деревня напомнила Джардиру старые кварталы Копья Пустыни, в которых давно никто не жил. Древние дома свидетельствовали, что когда-то красийцев было намного больше.

— Что здесь случилось? — спросил Джардир.

— А разве не ясно? — отозвался Аббан.

Джардир с любопытством посмотрел на него.

— Хватит тарашиться на деревню, посмотри по сторонам, — посоветовал Аббан.

Джардир обернулся и увидел, что река казалась струйкой не только из-за большой высоты. Вода едва достигала трети глубокого русла.

— Мало дождей, — пояснил Аббан, — а может, река повернула выше по течению. Бахаване остались без рыбы. Начался голод.

— Не могла же от этого погибнуть вся деревня, — возразил Джардир.

Аббан пожал плечами:

— Возможно, вода в обмелевшей реке стала илистой и непригодной для питья. Так или иначе, от болезни или от голода бахаване не смогли поддерживать метки.

Он указал на глубокие следы от когтей в глинобитных стенах некоторых зданий.

Каваль повернулся к Джардиру.

— Обыщите деревню, нет ли выживших, — приказал он.

Джардир кивнул, повернулся к най'шарумам, разбил их на группы по двое и отправил каждую на свой ярус. Мальчишки бросились вверх по неровной лестнице так же ловко, как прыгали по стенам Лабиринта.

Вскоре стало очевидно, что Аббан был прав. Следы демонов нашлись почти в каждом здании — царапины от когтей на стенах и мебели, следы борьбы.

— Тел нет, — отметил Аббан.

— Сожрали. — Джардир указал на черный камень на полу, из которого торчало что-то белое.

— Что это?

— Дерьмо демона. Алагай едят своих жертв целиком и гадят костями.

Аббан зажал рот, но это не помогло. Он бросился к стене, и его вывернуло наизнанку.

Они сообщили наставнику Кавалю о том, что увидели. Тот кивнул, как будто ничего другого не ожидал.

— Иди за мной, най ка, — сказал он.

Джардир последовал за наставником к дама Хевату и кай'шаруму.

— Дама, най'шарумы не нашли уцелевших, — сообщил Каваль.

Кай'шарум был выше его рангом, но Каваль являлся наставником и воспитал едва ли не каждого воина в отряде, в том числе кай'шарума. Как говорится, «слова красного покрывала значат больше, чем белого».

Дама Хеват кивнул:

— Алагай осквернили эту землю, когда прорвались сквозь метки, и души мертвых хаффитов пленены в нашем мире. Я слышу в воздухе их крики. — Он взглянул на Кавалья. — Скоро Ущерб. Первые два дня и две ночи мы будем готовить деревню и молиться.

— А на третью ночь Ущерба? — спросил Каваль.

— На третью ночь мы будем танцевать алагай'шарак, чтобы освятить эту землю и освободить души, позволив им возродиться с надеждой на лучшую касту.

Каваль поклонился:

— Будет исполнено, дама.

Он посмотрел на лестницу, на лачуги, которые лепились к утесу, и на широкий двор внизу от скалы до берега реки.

— В основном здесь должны быть глиняные демоны, — предположил он, — хотя парочка воздушных и песчаных тоже найдется.

Он повернулся к кай'шаруму.

— Дозволь отправить даль'шарумов копать меченые ямы во дворе и устраивать укрытия на лестнице, чтобы согнать алагай с утеса в ямы ждать солнца.

Кай'шарум кивнул, и наставник повернулся к Джардиру.

— Пошли най'шарумов собирать в домах разный мусор, который можно пустить на баррикады.

Джардир кивнул и повернулся, но Каваль поймал его за руку.

— И смотри, чтобы ничего не прихватили, — предупредил он. — Все должно быть принесено в жертву алагай'шарак.

— Мы с тобой расчистим первый уровень, — сказал Джардир Аббану.

— Может, лучше седьмой? Семь — счастливое число. Пусть первый расчищают Джурим и Шанджат.

Джардир с сомнением посмотрел на ногу Аббана. Мальчик худо-бедно поспевал за отрядом, но хромота не прошла, и Джардир не раз видел, как Аббан потирает ногу, когда думает, что никто не видит.

— Я думал, на первый будет проще подняться, ведь твоя нога еще не окрепла, — заметил Джардир.

Аббан упер руки в боки:

— Друг мой, ты меня обижаешь! Я крепок, как лучший верблюд на базаре. Ты правильно делал, что заставлял меня превозмогать себя день за днем, и подъем на седьмой уровень пойдет мне только на пользу.

Джардир пожал плечами:

— Как хочешь.

Он отдал приказы другим най'шарумам, и мальчики принялись взбираться по лестнице.

В скале были вырезаны неровные каменные ступени с подпорками из песчаника и глины в нужных местах. Одни ступени были шириной в стопу, другие — в несколько шагов. На вытертых камнях виднелись следы множества повозок, которые тащили вьючные животные. На каждом ярусе лестница меняла направление, от нее отходили тропинки к жилищам.

Вскоре дыхание Аббана стало натужным, круглое лицо заблестело от пота. Он хромал все сильнее, а на пятом уровне начал при каждом шаге шипеть от боли.

— Возможно, на сегодня достаточно, — заикнулся было Джардир.

— Чепуха, друг мой. Я... — Аббан застонал и шумно выдохнул. — Силен, как верблюд.

Джардир улыбнулся и хлопнул его по спине:

— Мы еще сделаем из тебя славного воина!

Наконец они достигли седьмого уровня, и Джардир обернулся, чтобы посмотреть за невысокую стену. Далеко внизу даль'шарумы гнули спины, копая короткими лопатами широкие ямы для демонов. Ямы располагались на краю первого яруса, и если бы демон спрыгнул с этой самой стены, то непременно бы грохнулся в ловушку. Мысль о грядущей битве взволновала Джардира, хотя ни ему, ни другим най'шарумам сражаться не разрешат.

Он повернулся к Аббану, но его друг прошел дальше по террасе, не обращая внимания на живописный вид.

— Пора расчищать здания, — сказал Джардир, но Аббан словно не услышал, целеустремленно хромая вперед. Джардир догнал его, как раз когда Аббан остановился перед высокой аркой, взглянул на вырезанные в камне символы и широко улыбнулся.

— Седьмой уровень, я так и знал! — воскликнул Аббан. — По числу столпов между Небесами и Ала.

— Я никогда не видел таких меток, — удивился Джардир, глядя на символы.

— Это не метки, это слова.

Джардир с любопытством посмотрел на Аббана.

— Как в Эведжахе?

Аббан кивнул.

— Они гласят: «Здесь, в семи ярусах от Ала, чтобы почтить Того, кто является Всем, находится скромная мастерская Дравази».

— Горшечник, о котором ты говорил, — прорычал Джардир. Аббан кивнул и хотел было

отдернуть яркую занавеску, которая закрывала дверной проем, но Джардир схватил его за руку и развернул к себе:

— Выходит, ты готов терпеть боль ради выгоды, но не ради чести?

Аббан улыбнулся:

— Просто я практичен, друг мой. На базаре честь стоит недорого.

— Зато она ценится на Небесах.

Аббан фыркнул:

— С Небес матерей и сестер не оденешь.

Он выдернул руку и вошел в мастерскую. Джардиру оставалось лишь последовать за ним, и он налетел на Аббана, который застыл в дверях с разинутым ртом.

— Товар цел, — прошептал Аббан. Глаза его алчно заблестели.

Джардир проследил за его взглядом и ахнул. На огромных поддонах аккуратно лежали самые изысканные гончарные изделия, какие он когда-либо видел. Комната была наполнена горшками и вазами, чашами, лампами, блюдами, мисками... Все они были ярко раскрашены, позолочены и покрыты ослепительной глазурью.

Аббан возбужденно потер руки:

— Ты представляешь, сколько это стоит, друг мой?

— Какая разница? Это не наше.

Аббан взглянул на него, как на глупца:

— Ахман, это не кража. Хозяева умерли.

— Грабить мертвых — это хуже, чем воровство. Это святотатство.

— Святотатство — превратить труды искусного мастера в груды черепков, — возразил Аббан. — Мусора для баррикад и без того довольно.

Джардир смотрел на горшки.

— Ладно, — наконец сказал он. — Оставим их здесь. Пусть поведают историю величайшего из хаффитов Эвераму, и тогда Он, возможно, позволит Дравази возродиться в лучшей касте.

— К чему рассказывать Эвераму истории, если Он всеведущ?

Джардир сжал кулак, и Аббан отступил.

— Я не потерплю богохульства, — прорычал Джардир. — Даже от тебя.

Аббан умоляюще поднял руки:

— Я вовсе не хотел богохульствовать! Просто имел в виду, что Эверам увидит горшки во дворце Дамаджи точно так же, как в забытой мастерской.

— Возможно, — признал Джардир, — но Каваль велел принести все в жертву алагай'шарак, а значит, и горшки тоже.

Аббан покосился на крепко стиснутый кулак Джардира и кивнул:

— Разумеется, друг мой. Но если мы действительно хотим почтить память великого хаффита и обратить к нему взор Эверамы, давай носить в этих прекрасных горшках землю из ям, которые роют даль'шарумы. Так его изделия помогут победить в алагай'шарак и докажут ценность Дравази Эвераму.

Джардир расслабился, разжал кулак, улыбнулся Аббану и кивнул:

— Отличная мысль.

Они выбрали самые подходящие для задачи горшки и отнесли в лагерь. Прочие остались на поддонах.

Джардир вместе со всеми принялся за работу, и в подготовке поля боя для алагай'шарак два дня и две ночи пролетели незаметно. По ночам они укрывались в кругах, изучали демонов и строили планы. Ярусы деревни превратились в лабиринт из мусорных гор, за которыми скрывались меченые ниши для засад. Даль'шарумы будут выскакивать из ниш и скидывать алагай в ямы или опутывать сетями, чтобы поймать в переносные круги. На каждом ярусе были устроены склады оружия. В них будут сидеть най'шарумы, чтобы подавать воинам копья и сети.

— Не выходите за метки, пока вас не позовут, — наставлял Каваль новичков, — а когда кликнут, не мешкайте, перебегайте из одного меченого укрытия в другое, пока не окажетесь на месте. Пригибайтесь ниже, держитесь у стены, не высовывайтесь.

Он гонял мальчишек по импровизированному лабиринту, пока они не выучили все повороты наизусть. Теперь они могли найти меченые ниши и с закрытыми глазами. Воины разожгут костры, чтобы лучше видеть и прогнать холод пустынной ночи, но полностью рассеять мрак не сумеют, а демоны прекрасно видят в темноте.

Вскоре Джардир и Аббан уже сидели на оружейном складе третьего уровня. Утес был обращен на восток, и на закате юноши смотрели, как его тень наползает на речную долину и расплывается по дальней стене, будто чернильное пятно. В тени долины начали вставать алагай.

Туманная дымка просочилась из глины и песчаника, сгустилась в форме демона. Джардир и Аббан заморожено наблюдали, как демоны встают во дворе тридцатью футами ниже. Причудливые силуэты выделялись на фоне огромных костров, в которые даль'шарумы побросали все, что в Бахе нашлось горючего.

Джардир впервые по-настоящему понял, о чем им толковали дама все эти годы. Алагай — мерзость, сокрытая от света Эверама. Ала был бы раем на земле, если бы не их гнусная скверна. Юноша исполнился невыразимого отвращения. Он охотно отдал бы жизнь, только бы уничтожить алагай! Джардир схватил запасное копьё и представил, как однажды выйдет на охоту со своими братьями даль'шарумами.

Аббан схватил Джардира за руку. Юноша обернулся и увидел, что друг в ужасе указывает на стену террасы всего в нескольких футах. Вдоль ее края поднималась дымка, и вскоре на стене соткался воздушный демон. Он сидел, сложив крылья, пока не обрел плоть. Мальчики еще не видели демонов так близко, и Аббан явно перепугался, а Джардира охватила ярость. Он крепче сжал копьё и прикинул, нельзя ли сбросить тварь со стены в яму, пока она не полностью сгустилась.

Аббан стиснул руку Джардира до боли. Джардир посмотрел на друга, и Аббан заглянул ему в глаза.

— Не глупи, — сказал Аббан.

Джардир снова посмотрел на демона, но выбора уже не оставалось — алагай разжал когти, которыми цеплялся за стену из песчаника, и ухнул в темноту. Раздался резкий треск, и демон взмыл в небо, на миг заслонив звезды крыльями.

Невдалеке сгустился рыжеватый глиняный демон, неотличимый от глинобитной стены, к которой он льнул. Этот демон был мелкий и плосконосый, не крупнее небольшой собаки, но не менее опасный, чем его сородичи, — клубок литых мышц, когтей и толстых плашек брони, лежащих внахлест. Он поднял сплюснутую голову и принялся. Каваль рассказывал, что глиняный демон может пробить головой почти что угодно, расколоть камень, зазубрить добрую сталь. Мальчики убедились в этом своими глазами, когда демон бросился головой

вперед на метки склада. От места удара разбежалась серебристая паутина магии, и глиняный демон отлетел. Он немедленно вновь накинута на метки, вонзая когти в скалу и монотонно молотя головой по меткам. Волны магии разбежались по воздуху.

Джардир бросил копьё в горло демона, как делали даль'шарумы на пути через пустыню. Но демон оказался проворнее и схватил наконечник зубами. Он встряхнул головой, вырвал оружие и едва не вытащил мальчика из безопасной ниши. Металлический наконечник скрутился, словно был сделан из глины. Демон мотнул головой, и копьё полетело за стену в темноту.

Хасик наблюдал за стычкой из своей ниши дальше по террасе. Его назначили наживкой, и вскоре он должен был повести демонов к гибели.

— Испортишь ещё одно копьё, крыса, — он продолжал присвистывать, хотя прошло столько лет, — и я швырну тебя следом!

Джардир вспыхнул от стыда, поклонился и спрятался вглубь ниши, ожидая приказа.

Дозорные из племени Кревах балансировали наверху лестниц и мгновенно перемещались с уровня на уровень. Они осмотрели поле битвы с высоты и подали сигнал кай'шаруму. Тот поднес к губам Рог Шарак. Танец начался.

Хасик немедленно вышел из ниши, завертелся и заскакал, чтобы привлечь внимание демонов. Джардир замороженно наблюдал. Что бы он ни думал о Хасике, это был поистине доблестный воин.

Несколько глиняных демонов заметили Хасика и с визгом набросились. Они с невероятным проворством перебирали короткими мощными лапами, но воин бесстрашно стоял и ждал, когда их ослепит безумие погони, прежде чем самому пуститься во весь опор в засаду впереди, за первый барьер. Глиняный демон на стене рядом с нишей Джардира прыгнул на Хасика, едва тот пробежал мимо, но даль'шарум развернулся и вскинул щит. Он не только отразил атаку, но и подставил его под нужным углом. Вспышка магии сбросила демона за стену. Тварь с визгом полетела в яму. Первая кровь была пролита.

Хасик бросился в лабиринт из мусора, огибая преграды быстро и ловко, несмотря на свое мощное тело. Джардир и Аббан больше не видели его, но слышали, как он кричит «Ут!», подбегая к засаде. То был традиционный клич наживок, которым они извещали притаившихся в засаде даль'шарумов о приближении алагай.

Раздались крики, засверкали вспышки магии — это воины выскочили из укрытия и набросились на ничего не подозревающих демонов. Ночь огласилась визгом алагай, и по спине Джардира пробежал холодок. Как бы он хотел заставить демонов кричать от боли! Когда-нибудь...

Пока он размышлял, из-за стены перед ними выскочил дозорный Адай. Двенадцатифутовых лестниц как раз хватало, чтобы часовые легко перебирались с одного уровня на другой.

Адай потянул за крепкий кожаный ремень, привязанный к запястью, и вытащил следом лестницу. Он было собрался подняться на следующий ярус, но застыл, услышав рык над головой. Дозорный глянул вверх и увидел, как на него прыгает глиняный демон.

Джардир напрягся, но ему было не о чем волноваться. Юркий, как змея, дозорный повернул лестницу крест-накрест и защемил лапу демона, которая уже приближалась к нему. Адай ударил точно между ступеньками, и алагай грохнулся оземь.

Пока глиняный демон мотал головой, Адай отбежал на несколько футов и поставил лестницу вертикально. Демон прыгнул снова, но Адай поймал его между стоек, поднял

лестницу и повернул. Мелкий демон полетел через стену. Дозорный принялся карабкаться дальше.

— Отнесите копья загонщикам, — крикнул он мальчикам, проворно взбираясь на следующий уровень и даже не касаясь перекладин руками.

Джардир схватил пару копий, Аббан последовал его примеру, но Джардир заметил в его глазах страх.

— Держись рядом и повторяй за мной, — велел он другу. — Мы тренировались весь день.

— Только сейчас ночь, — хмыкнул Аббан, но последовал за Джардиром, когда тот глянул по сторонам и метнулся в нишу Хасика, низко пригибаясь и держась как можно ближе к стене, чтобы не заметили воздушные демоны, кружившие над деревней.

Они добрались до ниши и оттуда спустились во двор. Глиняные демоны сыпались дождем, и даль'шарумы сбрасывали их со стен. Засады были расположены идеально, и большинство алагай падали прямо в наспех вырытые ямы. Остальных, а также песчаных демонов, сгустившихся во дворе, загонщики теснили к ямам копьями и щитами. Дно и входные отверстия ловушек защищали односторонние метки, чтобы алагай не сумели выбраться. Копья воинов не могли пробить броню алагай, но могли колоть, пихать и сталкивать демонов в ямы.

— Эй, парень! Копье! — крикнул Каваль, и Джардир увидел, что наставник сражается с песчаным демоном обломком копья. Обломок крутился в руках Кавалья размытым колесом, вонзался в суставы передних и задних лап демона, не давал тому ни обрести равновесие, ни шагнуть в сторону. Одновременно воин наступал, ловко разворачиваясь, чтобы добавить ударам силы и ввести в игру щит, тесня демона все ближе к краю ямы.

Но хотя опасность со стороны противника наставнику, по-видимому, не грозила, все новые и новые демоны сыпались со стен, а негодное оружие стесняло его движения и не давало быстро прикончить тварь.

— Ача! — крикнул Джардир, бросая новое копьё. Каваль вонзил обломок в горло демона и поймал новое копьё единым слитным движением, которое позволило ему сразу атаковать. Через несколько мгновений песчаный демон с визгом полетел в яму.

— Не стой как истукан! — рявкнул Каваль. — Раздайте копья и возвращайтесь на пост! Джардир кивнул, и они с Аббаном поспешили на помощь другим воинам.

Раздав копья, они побежали вверх по лестнице, но вскоре услышали грохот за спиной и обернулись. Разъяренный глиняный демон тряс головой и пытался встать на ноги. До загонщиков было далеко, и Аббан и Джардир показались ему более заманчивой добычей.

— В засаду! — крикнул Джардир, указывая на небольшую меченую нишу, в которой загонщики прятались, пока сверху не посыпались демоны. Мальчики помчались в укрытие, глиняный демон — за ними. Аббан от страха даже вырвался вперед.

Почти у самой засады нога Аббана подвернулась. Он с криком грохнулся на землю, и было ясно, что вскочить он не успеет.

Джардир прибавил ходу, прыгнул и подхватил Аббана, который пытался встать. Джардир принял удар на себя, покатился по земле вместе с другом и превратил падение в великолепный бросок шарусака. Массивное тело Аббана преодолело несколько последних футов и оказалось в безопасности.

Джардир лежал ничком на земле. Демон, как и следовало ожидать, повторил его движение и бросился на Аббана, но лишь ударился о метки засады.

Джардир быстро вскочил, пока глиняный демон ошеломленно тряс головой, но тварь немедленно заметила его. Хуже того — алагай стоял между ним и укрытием.

У Джардира не было ни оружия, ни сети, и мальчик знал, что на открытом пространстве демон его догонит. На мгновение его захлестнула паника, но тут он вспомнил слова наставника Керана.

«Алагай не умеют хитрить, — вполковывал учитель. — Пусть они сильнее и быстрее, но мозгов у них не больше, чем у собаки. По ним всегда видно, что они собираются делать, и даже простейшая уловка ставит их в тупик. Думай головой, и обязательно увидишь рассвет».

Джардир сделал вид, будто собирается бежать к ближайшей яме, но вместо этого резко повернулся и бросился вверх по лестнице. Он петлял среди мусора и баррикад, положившись на память, чтобы не тратить время, разглядывая то, что и так знал. Демон с визгом пустился в погоню, но Джардир больше не думал о нем, сосредоточившись на пути.

— Ут! — крикнул он, предупреждая о появлении демона, когда показалась ниша Хасика. В нише можно укрыться, а Хасик отведет демона в засаду.

Но в нише никого не было. Очевидно, воин только что захлопнул очередную ловушку и сейчас сражается у засады.

Джардир знал, что может укрыться в нише, но как же демон? В лучшем случае он избежит смерти, в худшем — застанет врасплох и прикончит какого-нибудь воина или най'шарума.

Джардир пригнул голову и побежал дальше.

Ему удалось немного оторваться от преследователя в импровизированном лабиринте, но глиняный демон был еще близко, когда показалась засада.

— Ут! — надрывался Джардир. — Ут! Ут!

Он надал из последних сил, надеясь, что воины услышали крик и будут наготове.

Он обогнул последний барьер, где чьи-то руки проворно поймали его и дернули в сторону.

— По-твоему, это игра, крыса? — спросил Хасик.

Джардир не знал, что ответить. К счастью, можно было не отвечать, поскольку демон ворвался в засаду. Даль'шарум опутал его сетью и сбил с ног.

Демон бился, рвал толстые веревки из конского волоса, как паутину, и казалось, вот-вот вырвется на свободу, но несколько воинов навалились на него и прижали к земле. Один из даль'шарумов получил когтистой лапой по лицу и с криком упал, но другой занял его место, развел руками две перекрывающиеся пластины брони и обнажил незащитную плоть.

Хасик отшвырнул Джардира в сторону, бросился к демону и вонзил в уязвимое место копьё. Демон завыл и забился в агонии, но Хасик жестоко провернул наконечник. Алагай изогнулся в последний раз и застыл. Джардир с ликующим криком выбросил в воздух кулак.

Но долго радоваться ему не пришлось — Хасик оставил копьё торчать из трупа алагай и набросился на Джардира.

— Считаешь себя наживкой, най'шарум? Ты чуть не погубил воинов, посмея привести алагай в ловушку, которую не успели поставить заново!

— Я не хотел... — начал Джардир, но Хасик врезал ему в живот, вышибив дух.

— Я не разрешал тебе открывать рот, молокосос!

Джардир понял, что Хасик в ярости, и придержал язык.

— Тебе велели сидеть в нише, а не приводить алагай за спины ничего не подозревающих воинов!

— Хасик, парень пытался нас предупредить. Все лучше, чем оставить алагай бродить по террасе, — заметил Джесан.

Хасик смерил его бешеным взглядом, но сдержался. Джесан был старше — зим сорок, — и остальные члены отряда подчинялись ему в отсутствие Кавая или кай'шарума. Из царапин от когтей демона на лице Джесана хлестала кровь, но он даже не морщился.

— Ты бы не пострадал... — начал Хасик, но Джесан оборвал его:

— Это не первые мои шрамы, Свистун, и каждый — желанная честь. Возвращайся на пост. Еще не все демоны убиты.

Хасик нахмурился, но поклонился.

— Ты прав, ночь только началась.

Он злобно посмотрел на Джардира и отправился в свою нишу.

— Ты тоже возвращайся на пост, мальчик. — Джесан похлопал Джардира по плечу.

Наконец рассвело, и все собрались у ям, чтобы посмотреть, как горят алагай. Баха кад'Эверам была обращена на восток, и восходящее солнце быстро затопило лучами долину. Демоны выли в ямах — небо разгоралось, и их плоть начинала дымиться.

Щиты даль'шарумов были отполированы изнутри до зеркального блеска, и пока дама Хеват молился о душах погибших бахаван, воины один за другим ловили свет и направляли в ямы на демонов.

Едва он касался демонов, как они вспыхивали огнем. Вскоре все алагай пылали, и най'шарумы радостно вопили. По примеру воинов, некоторые даже приспустили бидо и помочились на демонов, пока свет Эверамы сжигал их дотла. Джардир никогда еще не ощущал себя настолько живым и повернулся к Аббану, чтобы разделить с другом радость.

Но Аббана нигде не было видно.

Джардир решил, что друг еще не пришел в себя после ночного падения, и отправился на поиски. Просто Аббан нездоров. Это не считается слабостью. Они дождутся, не обращая внимания на издевки най'шарумов, когда сила вернется к Аббану, и тогда разделаются с шутниками и положат конец насмешкам раз и навсегда.

Он обыскал лагерь и нашел Аббана с большим трудом, когда тот выполз из-под обозной телеги.

— Что ты делаешь? — спросил Джардир.

— Ой! — удивленно обернулся Аббан. — Я просто...

Не обращая на него внимания, Джардир протиснулся мимо Аббана и заглянул под телегу. Аббан подвесил к раме сеть и набил ее горшками Дравазы, в которых они носили землю, мудро переложив посуду тканью, чтобы не гремела и не побилась на обратном пути.

Аббан с улыбкой раскинул руки, когда Джардир повернулся к нему:

— Друг мой...

— Верни все на место, — перебил Джардир.

— Ахман... — начал Аббан.

— Верни все на место, не то я тебе вторую ногу сломаю, — прорычал тот.

Аббан вздохнул, но не покорно, а устало:

— И вновь я прошу тебя быть практичнее, друг мой. Мы оба знаем, что с больной ногой у меня больше шансов помочь семье деньгами, чем честью. А если я и умудрюсь стать даль'шарумом, долго ли я протяну? Даже сильные ветераны, которые пришли сюда, в Баха, вернутся домой не все. Мне же повезет, если я переживу хотя бы одну ночь. И что станет с

моей семьей, если я покину этот мир, не покрыв себя славой? Я не хочу, чтобы матери пришлось продать моих сестер в дживах'шарум, потому что у них нет иного приданого, кроме моей пролитой крови.

— Дживах'шарум покупают? — переспросил Джардир, думая о собственных сестрах, намного более бедных, чем сестры Аббана. Дживах'шарум были общими женами, которые жили в великом гареме и принадлежали всем даль'шарумам сразу.

— А ты думал, девушки сами вызываются? Молоденьким красавицам, быть может, и кажется, что быть дживах'шарум почетно, но они редко знают, чьих детей носят, и много ли проку в чести, когда утробы высыхают, а лица покрываются морщинами? Намного лучше выйти замуж за достойного человека, пусть даже хаффита.

Джардир промолчал, переваривая информацию, Аббан же придвинулся и доверительно наклонился, хотя рядом никого не было.

— Давай поделим прибыль, друг мой, — предложил он. — Половину моей матери, половину твоей. Когда они с твоими сестрами в последний раз ели мясо? Носили красивую одежду, а не лохмотья? Честью ты послужишь им еще не скоро, а деньгами можно помочь прямо сейчас.

Джардир скептически взглянул на него:

— Несколько горшков ничего не изменят.

— Ахман, это не просто горшки. Только подумай! Последние творения мастера Дравази, с помощью которых даль'шарумы отомстили за его смерть и освободили души хаффитов из Баха. Они поистине бесценны! Дамаджи мгновенно их раскупят и выставят на видном месте. Даже чистить не надо! Земля Баха дороже любой позолоты.

— Каваль сказал, все нужно принести в жертву, чтобы освятить землю Баха, — возразил Джардир.

— Так ведь мы принесли. Это всего лишь инструменты, Ахман, все равно что лопаты, которыми даль'шарумы копали ямы. Оставить себе инструменты — не мародерство.

— Тогда зачем прятать их под телегой, как вор?

Аббан улыбнулся.

— По-твоему, Хасик и его дружки позволили бы нам заработать, если бы узнали?

— Вряд ли, — уступил Джардир.

— Значит, договорились. — Аббан хлопнул Джардира по плечу.

Мальчики быстро упаковали оставшиеся горшки в сеть. Они почти закончили, когда Аббан взял хрупкую чашку и вывалял в грязи.

— Что ты делаешь? — удивился Джардир.

Аббан пожал плечами:

— Эта чашка слишком маленькая, ею никто не работал. — Он поднял чашку повыше, с восхищением глядя на грязь. — Земля Баха удешевит ее стоимость.

— Но это ложь!

Аббан подмигнул:

— Друг мой, покупатель ничего не узнает.

— Зато я узнаю! — Джардир выхватил чашку и разбил о землю.

— Идиот, ты представляешь, сколько она стоила? — вскричал Аббан, но при виде ярости в глазах Джардира мудро поднял руки и отступил. — Разумеется, ты прав, друг мой.

В подтверждение своих слов он разбил еще одну, чистую чашку.

Джардир взглянул на осколки и вздохнул:

— Не посылай моей семье ничего. Я не хочу, чтобы род Джардиров выиграл от этой... низости. Лучше пусть мои сестры грызут жесткие зерна, чем едят порченное мясо.

Аббан недоверчиво посмотрел на него, но только пожал плечами:

— Как хочешь, друг мой. Но если ты передумаешь...

— Если этот день наступит и ты мне друг, то откажешь. И если я еще раз поймаю тебя на чем-то подобном, то лично выдам дама.

Аббан еще мгновение смотрел на него, затем кивнул.

На красийской стене была ночь, и вокруг Джардира бушевала битва. Он гордился, что однажды станет воином Каджи в Лабиринте.

— Алагай внизу! — крикнул дозорный Адай. — Северо-восточный квадрат! Второй уровень!

Джардир кивнул и повернулся к мальчишкам:

— Джурим, сообщи маджахам на третьем уровне, что слава близко. Шанджат, сообщи Анджха, что маджахи уходят с позиции.

— Я тоже могу сбегать, — вызвался Аббан.

Джардир с сомнением посмотрел на него. Он знал, что не делает другу чести, держа его при себе, но хромота Аббана не прошла за несколько недель по возвращении из Баха, а алагай'шарак — не игра.

— Не сейчас, — сказал он. Остальные мальчишки с ухмылками убежали.

Наставник Керан услышал разговор и с отвращением скривился, глядя на Аббана.

— Займись делом, парень, и распутай сети.

Аббан поплелся выполнять приказ. Джардир притворился, что не заметил хромоты друга, и вернулся к Керану.

— Ты не можешь щадить его вечно, — тихо сказал наставник, разглядывая небо в дальнор. — Лучше пусть умрет мужчиной в Лабиринте, чем вернется со стен опозоренным.

Джардир задумался над его словами. Как правильно поступить? Если отправить Аббана с поручением, он может не справиться и подвергнет воинов риску. Если не отправлять, Керан рано или поздно объявит Аббана хаффитом, а это намного хуже, чем смерть. Врата рая останутся закрытыми перед духом Аббана, он не познает объятий Эверамы и, может быть, прождет перед воротами перерождения целую тысячу лет.

С тех пор как Керан назначил Джардира най ка, на плечи юноши лег груз ответственности. Интересно, а Хасик, которому некогда выпала та же честь, чувствовал этот груз? Вряд ли. Хасик давным-давно убил бы Аббана или выгнал его из отряда.

Джардир вздохнул и решил послать Аббана со следующим же поручением.

— Лучше умереть, чем стать хаффитом, — пробормотал он. Слова оставили на языке горький привкус.

— Берегись! — крикнул Керан, когда на них спикировал воздушный демон. Керан и Джардир вовремя пригнулись, а Адай не успел. Он рухнул в Лабиринт, ударившись головой о стену рядом с Джардиром. Аббан ойкнул.

— Он заходит на второй круг! — предупредил Керан.

— Аббан! Сеть! — крикнул Джардир.

Аббан быстро подтащил сеть с грузилами к Керану, стараясь опираться на здоровую ногу. Джардир отметил, что сеть сложена для броска. И то хорошо.

Керан схватил сеть, не сводя взора с возвращающегося воздушного демона. Джардир наметанным глазом видел, что наставник прикидывает его скорость и траекторию. Керан был напряжен, как струна, и Джардир знал, что воин не промахнется.

Когда алагай приблизился на расстояние броска, Керан распрямылся, будто кобра, и ловко метнул сеть. Но та раскрылась слишком рано, и Джардир сразу увидел почему: Аббан случайно запутался ногой в веревке с грузилами и после мощного броска Керана упал.

Воздушный демон резко остановился перед раскрывшейся сетью и ударил ее и Керана крыльями. Алагай нырнул вниз, пропав из виду, а наставник упал, безнадежно запутавшись в сети.

— Най тебя побери, парень! — Керан пнул Аббана по ногам. Аббан с криком полетел со стены — на этот раз в Лабиринт, кишачий алагай.

Прежде чем Джардир успел что-то сделать, раздался визг, и мальчик понял, что алагай выправил полет и собирается напасть в третий раз. Керан запутался в сети, а других даль'шарумов поблизости не было.

— Беги, пока можешь! — крикнул Керан.

Не обращая на него внимания, Джардир бросился к сетям, которые сложил Аббан, и поднял ловушку, кряхтя от натуги. Мальчики тренировались с более легкими сетями.

Воздушный демон пролетел мимо, хлопая кожистыми крыльями, и развернулся на высоте, чтобы спикировать еще раз. На мгновение он заслонил луну и стал невидимым, но Джардир не поддался на уловку и хладнокровно наблюдал за приближением демона. Если он умрет, то с честью и заберет этого алагай с собой, чтобы заплатить за вход в рай.

Когда демон приблизился настолько, что можно было разглядеть его зубы, Джардир выполнил бросок. Грузила развернули сеть из конского волоса, и воздушный демон налетел на нее головой. Джардир дернул шнур, чтобы затянуть ловушку, ловко развернулся и проследил, как тварь падает в Лабиринт.

— Алагай внизу! — крикнул он. — Северо-восточный квадрат! Седьмой уровень!

Через мгновение донесся ответный крик.

Джардир собрался развернуться и освободить Керана, когда заметил движение в темноте. Аббан висел на краю стены, царапая камень окровавленными ногтями.

— Вытащи меня! — крикнул Аббан.

— Если ты упадешь, то умрешь мужчиной и очнешься в раю!

Джардир не стал добавлять, что для Аббана это единственный шанс на рай. Керан не позволит ему стать даль'шарумом, и тот будет для него закрыт. Сердце Джардира кровоточило, но он отвернулся от друга.

— Не надо! Пожалуйста! — Слезы струились по грязным щекам Аббана. — Ты поклялся! Поклялся под светом Эверам, что поймаешь меня. Я не хочу умирать!

— Лучше умереть, чем стать хаффитом! — прорычал Джардир.

— Я согласен стать хаффитом! Вытащи меня! Пожалуйста!

Джардир с отвращением рыкнул, но против воли лег плашмя на стену и вцепился в руку Аббана. Дергая ногами и извиваясь, Аббан в конце концов сумел взобраться на спину Джардира, а оттуда на стену. Он с рыданиями бросился на грудь другу.

— Благослови тебя Эверам, — рыдал Аббан. — Ты спас мне жизнь.

Джардир оттолкнул его:

— Ты отвратителен, трус. Убирайся с глаз моих, пока я не передумал и не швырнул тебя вниз.

Аббан потрясенно уставился на него, но поклонился и поспешил прочь, насколько позволяла больная нога.

Пока Джардир смотрел ему вслед, кто-то врезал ему кулаком по почкам и сбил с ног. Мука была нестерпимой, но юноша открылся ей, и боль схлынула. Он повернулся к противнику.

— Не надо было его вытаскивать, — изрек Керан. — Сегодня ночью ты оказал ему дурную услугу. Долг даль'шарума — поддерживать своих братьев не только в жизни, но и в смерти.

Он сплюнул Джардиру на плечо.

— Три дня без похлебки. И принеси мой дальнозор. Алагай'шарак не ждет трусов и дураков.

Спустя какое-то время Аббан с Джайаном и Асомом вернулись. Они притащили с собой несколько северных чинов и одного дама.

— Это дама Раджин из племени Мехдинг. — Джайан вывел священника вперед. — Он приказал сжечь склады с зерном.

Юноша с силой толкнул дама, и священник упал на колени.

— Сколько? — спросил Джардир.

— Три, прежде чем его успели остановить, — ответил Джайан, — но сжег бы и больше.

— Потери? — Джардир посмотрел на Аббана.

— Нужно время, чтобы точно подсчитать, Шар'Дама Ка. Около двухсот тонн. Достаточно, чтобы зимой прокормить тысячи людей.

Джардир взглянул на дама:

— Что ты скажешь в свое оправдание?

— В военном трактате Эведжаха велено жечь запасы врага, чтобы он не мог больше сражаться, — ответил дама Раджин. — Нашим людям с лихвой хватит оставшегося.

— Глупец! — Джардир ударил дама наотмашь. Все ахнули. — Северяне должны воевать на моей стороне, а не подыхать от голода! Ты забыл, что настоящие враги — алагай!

Он сорвал со священника белое одеяние.

— Ты больше не дама. Сожги эту белую одежду и с позором носи коричневую до конца своих дней.

Кричащего Раджина выволокли из дома и бросили в снег. Вероятно, он покончит с собой, если другие дама не убьют его раньше.

Джардир снова посмотрел на Аббана:

— Подсчитай потери и остаток.

— Еды на всех может не хватить, — предупредил Аббан.

Джардир кивнул:

— Если зерна не хватит, прикончим слишком старых или слабых чинов.

Аббан побелел:

— Я... постараюсь растянуть запасы.

Джардир холодно улыбнулся:

— Я так и думал. Теперь о чинах, которых ты привел... Я велел взять вождей, а это кто? Купцы? Хаффиты?

— Севером правят купцы, Избавитель.

— Какая мерзость, — хмыкнул Асом.

— И тем не менее это так. Эти люди помогут тебе завоевать север, Избавитель.

— Моему отцу ни к чему... — начал Джайан, но Джардир отмахнулся и жестом велел стражникам подвести к нему чинов.

— Кто из вас главный? — спросил Джардир на варварском наречии северян.

Пленники удивленно переглянулись. Затем один шагнул вперед, выпрямив спину и вздернув подбородок, и посмотрел Джардиру в глаза. Он был лысым, с проседью в бороде. Его шелковый наряд был испачкан и порван, лицо покрыто кровоподтеками, левая рука висела на перевязи из тряпки. Ростом он был почти на фут ниже Джардира, и все же у него был вид человека, привыкшего повелевать.

— Я — Идон Седьмой, герцог Форты Райзона, повелитель всех райзонцев.

— Форты Райзона больше нет. Отныне эти земли зовутся Дар Эверама и принадлежат мне.

— Черта с два! — прорычал герцог.

— Тебе известно, кто я такой, герцог Идон? — спокойно спросил Джардир.

— Герцог Форты Красии. Аббан уверяет, будто ты — Избавитель.

— Но ты в это не веришь?

— Избавитель не принес бы с собой смерть, насилие и мародерство, — сплюнул Идон.

Воины напряглись, ожидая вспышки ярости, но Джардир лишь кивнул:

— Неудивительно, что слабые жители севера верят в слабого Избавителя. Но это неважно. Мне не нужна твоя вера, мне нужна твоя преданность.

Герцог скептически посмотрел на него.

— Если ты падешь ниц предо мной и поклянешься во всем следовать воле Эверама, я пощажу тебя и твоих советников. Мы заберем твоих сыновей и воспитаем из них даль'шарумов. Они станут выше любого чина-северянина. Мы вернем тебе богатство, за исключением десятой вассальной доли. Все это я предлагаю в обмен на помощь в завоевании зеленых земель.

— А если я откажусь?

— Тогда все твое — мое. Ты увидишь, как заколют твоих сыновей, как заделают детей твоим женам и дочерям. Остаток жизни ты проведешь в лохмотьях, будешь есть дерьмо и пить мочу, пока кто-нибудь не сжалится и не прикончит тебя.

Так Идон Седьмой, герцог Форты Райзона и повелитель всех райзонцев, первым из северных герцогов преклонил колени и коснулся лбом пола перед Ахманом Джардиром.

Джардир сидел на троне, когда Аббан привел еще несколько чинов. Какая ирония! Жирный хаффит — самый незаменимый из его придворных! Очень немногие люди Джардира говорили на языке северян. Кое-кто из купцов знал пару слов, но лишь Аббан и Малый совет Джардира изъяснялись на местном наречии бегло. И только Аббан предпочитал беседовать с чинами, а не убивать их.

Как и все пленники, которых нашел Аббан, голодные, избитые чины были одеты в грязные лохмотья, несмотря на мороз.

— Очередные богатые купцы? — спросил Джардир.

Аббан покачал головой:

— Нет, Избавитель. Это метчики.

Глаза Джардира удивленно распахнулись, он быстро сел прямо:

— Почему с ними так дурно обращались?

— На севере метчиков считают ремесленниками вроде мельников или портных. Даль'шарумы, когда грабили город, приняли их за обычных чинов. Многие метчики убиты или бежали, захватив инструменты.

Джардир тихо выругался. В Красии метчиков считали отборными воинами, и в Эведжахе было написано, что они заслуживают всяческого почтения. Даже северные метчики кое-чего стоят, если он хочет выиграть Шарак Ка.

Он повернулся к чинам, поклонился и без труда перешел на их язык:

— Прощу прощения за недостойное обращение. Вас накормят, оденут, вернут вам земли и женщин. Если бы мы знали, что вы метчики, то обращались бы с вами уважительно, сообразно вашему званию.

— Вы убили моего сына, — закашлялся один из мужчин. — Изнасиловали мою жену и дочь, спалили мой дом. А теперь извиняетесь?

Он плюнул в Джардира и попал ему в щеку.

Стражники у дверей с криками опустили копья, но Джардир отмахнулся и спокойно вытер слюну со щеки.

— Я заплачу за смерть твоего сына, — пообещал он, — и возмещу остальные потери.

Он подошел к мученику, возвысившись над ним.

— Но предупреждаю, больше не испытывай мое терпение.

Он подал знак стражникам, и метчиков вывели.

— Как жаль, — он тяжело опустился на трон, — что наша первая победа на севере обернулась таким расточительством.

— Ахман, можно было с ними договориться, — тихо произнес Аббан и напрягся, готовый упасть на колени, если его слова будут встречены гневом, но Джардир лишь покачал головой:

— Чинов слишком много. Нас было в восемь раз меньше, чем райзонцев. Что толку, что мы прекрасные воины? Дай мы им время опомниться, и без потерь не обошлось бы, а мы не можем терять. Теперь, когда герцог принял Эверама, мы с легкостью захватим деревушки и выступим на город в оазисе.

— Лактон, — подсказал Аббан. — Только помни, это их «озеро» намного больше любого оазиса. Вестники рассказывали, что другого берега не видно даже в ясный день, а сам город стоит так далеко от воды, что даже из скорпиона^[2] не достанешь.

— Наверняка преувеличивают, — фыркнул Джардир. — Если эти... рыбоеды сражаются не лучше райзонцев, мы захватим их с легкостью.

В этот миг вошел даль'шарум и ударил копьем об пол.

— Прощу прощения за вторжение, Шар'Дама Ка! — Воин упал на колени, положил копье рядом и прижал ладони к полу. — Ты просил сообщить, когда придут твои жены.

Джардир нахмурился.

Джардира выпороли хвостом алагай за то, что он спас жизнь Аббану. Шипы разодрали спину до крови, и вытерпеть три дня без еды было непросто, но Джардир принял наказание и боль. Все это было неважно.

Он поймал алагай в сеть.

Другие воины обрубали воздушному демону крылья и привязали его в меченом круге ждать солнца, но сбил его Джардир, и все это знали. Най'шарумы смотрели на него с благоговением, даль'шарумы — с невольным уважением. Даже дама поглядывали на него, когда думали, что никто не видит.

На четвертый день ослабевший от голода Джардир встал в очередь за похлебкой. Он подозревал, что ему не хватит сил побить даже самого хилого мальчишку, но с расправленными плечами пошел к привычному месту в начале очереди. Най'шарумы попятнулись, почтительно опустив глаза.

Он протянул было миску, но Керан поймал его за руку.

— Сегодня похлебки не будет, — произнес наставник. — Идем.

Джардиру казалось, что в животе у него лютует песчаный демон, но он без единой жалобы отдал миску товарищу и пошел за наставником через лагерь.

К шатру Каджи.

Лицо Джардира похолодело. Не может быть.

— Три столетия мальчик твоего возраста не ступал в шатер воинов. — Керан словно прочел его мысли. — На мой взгляд, ты еще слишком молод, и твоя смерть может стать ужасным расточительством для Каджи, но закон есть закон. Когда мальчик сбивает своего первого демона на стене, его призывают на алагай'шарак.

Они вошли в шатер. Десятки фигур в черном повернулись к ним и снова принялись за еду. Блюда подавали женщины, но не такие, каких Джардир видел раньше — закутанных в плотную черную ткань с головы до пят. Разноцветные покрывала этих женщин просвечивали, воздушные одеяния подчеркивали крутые изгибы. Руки и животы были обнажены и украшены драгоценностями, длинные прорези по бокам шаровар открывали гладкие ноги.

Джардир зарделся при виде подобного зрелища, но остальные, похоже, не находили в нем ничего дурного. Один из воинов устался на женщину, которая его обслуживала, бросил кебаб, схватил красавицу и перекинул через плечо. Он потащил ее в комнату за ширмой, заваленную яркими подушками. Женщина смеялась.

— Переживешь эту ночь, и выбирай любую, — сообщил Керан. — Каджи нужны воины. Долг мужчин — рождать сыновей. Если хорошо себя покажешь, сможешь взять себе жену для хозяйства, но все даль'шарумы должны набивать животы дживах'шарум своего племени.

Вид множества женщин в откровенных одеждах волновал Джардира, и он жадно

разглядывал юные лица, отчасти опасаясь увидеть собственных сестер. Наставник подвел его к подушке за огромным столом, и мальчик лишился дара речи.

Он в жизни не видел столько еды! Изюм и финики, пряные шашлычки из барашка и рис! Кускус и исходящее паром мясо в виноградных листьях! У него заурчало в животе, он разрывался между голодом и похотью.

— Поешь как следует и отдохни, — посоветовал Керан. — Сегодня ты встанешь среди мужчин.

Он хлопнул Джардира по спине и вышел из шатра.

Джардир неуверенно потянулся к шашлычку, но кто-то выхватил мясо у него из-под носа. Он возмущенно обернулся и увидел Хасика.

— Тебе повезло той ночью, крыса, — процедил Хасик. — Молись Эвераму, ибо одной удачи мало, чтобы выжить в Лабиринте.

Джардир с другими воинами отправился в Шарик Хора, чтобы получить благословение Дамаджи на грядущую битву. Он ни разу не бывал в храме из костей героев, и его величие превзошло все ожидания.

Все в Шарик Хора было сделано из отбеленных и покрытых лаком костей даль'шарумов, павших на алагай'шарак. Двенадцать кресел Дамаджи на великом алтаре стояли на берцовых костях и опирались на стопы воинов. Подлокотники некогда держали копья и щиты. Отполированные грудные клетки, в которых прежде бились сердца героев, стали сиденьями. Спинки были сделаны из позвоночников, гордо противостоявших ночи. Подголовники — из черепов воинов, сидящих рядом с Эверамом на Небесах. Двенадцать кресел окружали трон Андраха из черепов кай'шарумов, капитанов на алагай'шарак.

Десятки огромных люстр были сделаны из сотен черепов и позвонков. На сотнях костяных скамей молились прихожане. Алтарь. Потиры. Величественный купол потолка. Бесчисленные воины защищали этот храм в жизни и пошли на его строительство в смерти.

Массивный неф был круглым в сечении, и в его стенах была сотня маленьких ниш с целыми скелетами на костяных пьедесталах. То были шарум ка, первые бойцы города.

На виду у дама воинами племен командовали кай'шарумы, но после заката солнца кай'шарумами руководил шарум ка, назначенный андрахом. Сейчас шарум ка был Каджи, как и Джардир, чем мальчик ужасно гордился.

Руки у Джардира тряслись, настолько его впечатлило убранство храма, где все было пропитано честью и славой воинов. Отец Джардира погиб во время набега Маджах, не на алагай'шарак, и здесь его не было, но мальчик мечтал, что когда-нибудь его собственные кости упокоятся в этом святом месте, тем самым почтив память отца через много лет после принесенной им жертвы. Ни в этом мире, ни в том нет большей чести, чем присоединиться к тем, кто отдал жизнь много лет назад, и тем, кому еще предстоит получить и отдать жизнь, быть может, через несколько столетий.

Даль'шарумы стояли навтыжку, пока Дамаджи молили о милости в грядущей битве Эверамы и Каджи, первого Избавителя.

— Каджи, — зывали они, — Копье Эверамы, Шар'Дама Ка, объединивший мир, избавивший нас от алагай в первую эпоху! Обрати свой взор на этих отважных воинов, которые сегодня ночью выйдут на вечную битву, чтобы сразиться с Гай на Ала, пока Эверам бьется с Най на небесах. Надели их мужеством и силой, чтобы они непреклонно стояли в ночи и увидали рассвет.

Керан выбрал для Джардира самые маленькие и легкие меченый щит и копье, но мальчик все равно чувствовал себя карликом. Ему было двенадцать, и самый младший из собравшихся воинов был на пять лет старше. Джардир встал рядом с ними, не подавая виду, будто его что-то смущает, хотя и самый низкорослый воин возвышался над ним.

— В первую ночь в Лабиринте най'шарума привязывают к воину, — объяснил Керан, — чтобы он не лишился присутствия духа при первой атаке алагай. В этот миг может дрогнуть даже самый отважный воин. Назначенный тебе воин станет твоим аджин'палом, побратимом. Ты должен подчиняться каждому его слову, и вы будете связаны до самой смерти.

Джардир кивнул.

— Если ты переживешь эту ночь, на рассвете к тебе придет дама'тинг, — продолжил Керан.

Джардир испуганно взглянул на наставника.

— Дама'тинг? — переспросил он. Алагай он не боялся, но дама'тинг до сих пор вселяли в него ужас.

Керан кивнул:

— Одна из них предскажет твою смерть. — Он невольно содрогнулся. — Лишь с ее благословения ты станешь даль'шарумом.

— Они говорят, когда ты умрешь? — перепугался Джардир. — Я не хочу это знать.

Керан фыркнул:

— Ничего они не говорят. Будущее известно только самим дама'тинг. Но если тебя ждет смерть труса или слава, они узнают это еще до того, как ты снимешь бидо.

— Смерть труса меня не ждет, — отрезал Джардир.

— Пожалуй, — согласился Керан. — Но тебя может ждать смерть глупца, если не будешь слушать аджин'пала, забудешь об осторожности.

— Я буду внимательно слушать, — пообещал Джардир.

— Хасик вызвался быть твоим аджин'палом. — Керан жестом подозвал воина.

За два года после прощания с бидо Хасик заметно подрос. В свои семнадцать, окрепший на доброй еде даль'шарумов, он был на фут с лишним выше Джардира и в два раза тяжелее.

— Не бойся, — улыбнулся Хасик. — Я позабочусь о верблюжьем ублюдке.

— Верблюжий ублюдок сбил своего первого алагай на три года раньше тебя, Свистун, — напомнил Керан. Улыбка Хасика стала немного натянутой.

— Он принесет славу племени Каджи, — согласился Хасик. — Если выживет.

Джардир вспомнил, как хрустнула рука и что пообещал ему Хасик. Он знал, что Хасик будет пристально следить за ним. Достаточно малейшего неповиновения, и воин убьет его, прежде чем он снимет бидо и станет равным.

Поэтому Джардир принял оскорбление, как принимал боль, и оно прошло насквозь, не причинив вреда. Он не позволит сбить себя с пути, когда слава совсем близко. Если он переживет эту ночь, то станет самым юным даль'шарумом на памяти поколений, и в Недра Хасика!

Их отряд ждал в засаде на втором уровне. Посреди небольшого просвета была замаскирована яма. Скоро алагай будут ждать в ней смертоносного рассвета. Джардир крепче сжал копье и поудобнее перехватил щит. Но тяжелее всего казался поводок.

Лодыжка мальчика и талия Хасика были связаны четырехфутовым ремешком. Джардир неловко переступил с ноги на ногу.

— Не будешь попевать — заколю и обрежу поводок, — пригрозил Хасик. — Ты не встанешь на моем пути к славе.

— Я буду твоей тенью, — пообещал Джардир.

Хасик хмыкнул, достал из-за пазухи фляжку, выдернул пробку и как следует приложился. Затем он сунул фляжку Джардиру.

— Выпей для смелости.

— Что это? — Джардир взял фляжку и принялся. Пахло корицей и еще чем-то едким.

— Кузи, — ответил Хасик. — Сброженное зерно и корица.

— Дама Хеват говорит, что употреблять сброженные зерна или фрукты запрещено Эведжахом! — удивился Джардир.

Хасик засмеялся:

— Даль шарумам в Лабиринте разрешено все! Ночь почти опустилась!

Джардир с сомнением посмотрел на него, но остальные воины в засаде пили из похожих фляжек. Мальчик пожал плечами, поднес фляжку к губам и сделал большой глоток.

Кузи обожгло горло, Джардир закашлялся, выплюнул часть едкой жидкости. Внутренности горели огнем, в желудке словно извивалась змея. Хасик засмеялся и хлопнул его по спине.

— Теперь ты готов к встрече с алагай, крыса!

Кузи подействовало быстро, взгляд Джардира остекленел. Солнце опускалось все ниже, Лабиринт утопал в тени. Джардир следил, как небо из красного становится пурпурным и черным. Он почувствовал, как алагай встают за стенами города, и содрогнулся.

«О Каджи, Копье Эверама, — взмолился он, — если я действительно твой потомок, надели меня отвагой, чтобы я почтил память твою и своих предков».

Вскоре прогудел Рог Шарак. Пращники на внешней стене осыпали демонов камнями. Крики алагай эхом загуляли по Лабиринту.

— Берегись! — крикнули наверху, и Джардиру показалось, что это голос Шанджата. — Наживки бегут! Демонов пять — четыре песчаных, один огненный!

Джардир с трудом сглотнул. До славы было рукой подать.

С криками «Ут!» наживки пронеслись сквозь засаду, ловко огибая ямы. Дозорные наверху зажгли масляные лампы перед отполированными металлическими зеркалами, и свет затопил Лабиринт.

Песчаные демоны бежали стаей, вывалив языки из зубастых пастей. Твари были ростом с человека, но казались меньше, поскольку передвигались на четвереньках. Они царапали песчаный и каменный пол Лабиринта длинными когтями, рассекали воздух шипастыми хвостами. В их шершавой броне почти не было уязвимых мест.

Огненный демон был ниже, с маленького мальчика. У него были острые когти, и передвигался он до ужаса быстро. Твердые, как алмаз, радужные чешуйки брони плотно прилегали друг к дружке. Глаза и пасть светились оранжевым, и Джардир припомнил, как на уроках рассказывали о смертоносных огненных плевках. За засадой был вырыт пруд, в котором воины попытаются утопить тварь.

И вновь при виде алагай Джардир исполнился невыразимого отвращения. Это поистине грязное пятно на лице Ала, чума Най, замаравшая его поверхность. И сегодня он поможет отправить визжащих демонов обратно в бездну!

— Погоди. — Хасик почувствовал, что мальчик напрягся.

Джардир кивнул и заставил себя расслабиться. Кузи грело изнутри, спасало от ночного холода.

Алагай пробежали мимо, преследуя воинов, играющих роль наживок. Два демона с визгом рухнули в яму, накрытую тканью. Остальные песчаные демоны резко остановились, а огненный обогнул яму и прыгнул на спину замешкавшемуся воину. Алагай вонзил когти в спину воина и цапнул его за плечо. Воин упал, но не закричал.

— Пора! — крикнул кай'шарум и вывел отряд из засады.

Из груди Джардира и его братьев в ночи вырвался боевой клич. Они дружно бросились вперед и сбили двух песчаных демонов в яму.

Кай'шарум развернулся и сбил копьём огненного демона со спины воина. Другой воин оттащил товарища в меченый круг и попытался остановить кровь.

Раздался крик, Джардир обернулся и увидел, что первый песчаный демон, упавший в яму, уцепился за край. Ткань закрывала метки и мешала им сработать. Алагай легко выпрыгнул из ямы и по колено откусил ногу ближайшему воину. Тот с криком упал на товарищю, пробив брешь в сомкнутых щитах. Демон заверещал и бросился в прореху, размахивая когтистыми лапами.

— Щит вверх! — крикнул Хасик, и Джардир едва успел выполнить приказ.

Демон налетел на него всем весом, сбив с ног, но метки вспыхнули, отбросив алагай. Демон пружинисто приземлился и снова прыгнул, но Джардир ударил его копьём, лежа на земле, и попал между чешуйчатыми пластинами на груди. Он оперся тупым концом копья о землю и воспользовался инерцией, чтобы отшвырнуть демона в сторону.

Пока демон был в воздухе, полдюжины воинов бросили в него бола, и на землю он упал, надежно стреноженный. Алагай принялся рвать веревки зубами, и Джардир слышал, как лопаются путы под стальными мышцами. Тварь вот-вот освободится.

По сигналу кай'шарума двое воинов направились к огненному демону, а остальные окружили песчаного стеной сомкнутых щитов. Демон бросался на воинов, и их товарищи кололи его со спины. Пробить броню копья не могли, но жалили больно. Демон поворачивался к обидчикам, но они закрывались щитами и снова кололи его в спину.

Метчик убрал ткань с меток, чтобы не выбрались другие алагай, и воины принялись толкать демона к яме стеной щитов. Когда тварь оказалась на краю, воины расступились.

Джардир вместе с прочими загонял демона за односторонние метки.

— Гори в огне Эверама! — крикнул он и ударил копьём. Демон попятился и упал в яму.

Джардир был счастлив, как никогда.

Мальчик огляделся по сторонам. Два даль'шарума загнали огненного демона в неглубокий пруд и держали его копьями под водой. Вода кипела и бурлила, демон бился, но воины не отпускали, пока он не затих.

Раненый воин-наживка выглядел неплохо, но бледный Мошкама — воин с отгрызенной ногой — лежал в луже крови и задыхался. Он поймал взгляд Джардира и поманил к себе его и Хасика.

— Прикончите меня, — выдохнул он. — Не хочу жить калекой.

Джардир посмотрел на Хасика.

— Убей его, — приказал Хасик. — Не заставляй бедолагу страдать.

Джардир немедленно подумал об Аббане. На какие страдания он обрек своего друга, не позволив ему умереть смертью воина?

«Долг даль'шарума — поддерживать своих братьев не только в жизни, но и в смерти», — сказал Керан.

— Я готов, — прохрипел Мошкама. Слабыми, дрожащими пальцами он развел одеяние на груди, сдвинув в сторону плашки брони из обожженной глины, вшитые в ткань.

Джардир заглянул ему в глаза и увидел в них отвагу и честь, которых так не хватало Аббану. И с гордостью вонзил в грудь раненому копьё.

— А ты неплохо справился, крыса, — похвалил Хасик, когда прогудели рога, возвещая, что в Лабиринте не осталось живых и свободных алагай. — Я думал, ты намочишь бидо, но ты вел себя как мужчина.

Он сделал еще глоток кузи и протянул фляжку Джардиру.

— Спасибо. — Джардир хорошенько приложился к фляжке, притворяясь, будто едкая жидкость не обжигает горло.

Он по-прежнему побаивался Хасика, но наставники были правы: кто пролил кровь в Лабиринте, тот никогда не будет прежним. Теперь они братья.

Хасик расхаживал взад и вперед.

— У меня кровь прямо бурлит после алагай'шарак. Най бы побрала Дамаджи, который запретил посещать великий гарем до рассвета!

Несколько воинов хмыкнули в знак согласия.

Джардир вспомнил, как утром воин нес дживах'шарум за занавеску, и покраснел.

Хасик заметил его смущение:

— Возбуждился, крыса? Верблюжьему ублюдку не терпится взять свою первую женщину?

Джардир промолчал.

— Снимут с него бидо или нет, мужчиной он не станет! — засмеялся другой воин, Маник. — Откуда такому малышу знать, для чего нужны постельные плясуньи!

Джардир открыл было рот, но промолчал. Они нарочно его дразнят. Что бы ни случилось в Лабиринте, он остается най'шарумом, пока дама'тинг не предскажет его судьбу, и любой воин может убить его за малейшую дерзость.

Как ни странно, Хасик пришел на помощь:

— Оставьте крысу в покое. Он мой аджин'пал. Кто смеется над ним, смеется надо мной.

Маник возмущенно выпятил грудь, но Хасик был молод и силен. Мужчины мгновение сверлили друг друга глазами, затем Маник сплюнул:

— Пфф. Не хватало еще вспороть тебе брюхо ради шутки над недоростком.

Он отвернулся и пошел прочь.

— Спасибо, — произнес Джардир.

— Ерунда. — Хасик положил руку ему на плечо. — Аджин'палы должны заботиться друг о друге, и ты не первый мальчуган, который боится постельных плясуний больше, чем алагай. Дама'тинг учат дживах'шарум постельному искусству, но наставники в шараджах таких уроков не дают.

Джардир снова покраснел. Что ждет его на подушках за занавеской, когда упадут покрывала?

— Не бойся! — Хасик хлопнул его по плечу. — Я научу тебя, как заставить женщину кричать.

Они допили кузи, и Хасик криво улыбнулся.

— Идем, крыса. Я знаю, чем скоротать ожидание.

— Куда мы идем? — Спотыкаясь, Джардир шел за Хасиком по Лабиринту. От кузи кружилась голова, подгибались ноги. Стены вели причудливый хоровод.

Хасик обернулся. При свете луны его широкая улыбка обозначила черную щель от зуба, выбитого Кераном в первую ночь Джардира в Каджи'шарадж.

— Идем? — переспросил Хасик. — Мы уже пришли.

Джардир непонимающе огляделся, и в этот миг перед его глазами вспыхнули цветные искры — Хасик ударил его с размаху в лицо.

Прежде чем мальчик успел дать отпор, Хасик сбил его на землю и навалился сверху.

— Я обещал научить тебя заставить женщину кричать и научу. Сегодня ты будешь женщиной.

— Нет! — забился Джардир, но Хасик так ударил его лицом о землю, что у мальчика зазвенело в ушах. Тяжелый воин заломил Джардиру руку за спину и сдернул с него бидо, придерживая мальчика одной рукой.

— Похоже, с тебя снимут бидо дважды за ночь, крыса! — засмеялся он.

Джардир чувствовал вкус крови и земли. Он попытался открыться боли, но умение его подвело, и крики эхом разнеслись по Лабиринту.

Он еще плакал, когда его нашла дама'тинг.

Она скользила, словно привидение, ее белые одежды едва касались земли. Джардир перестал рыдать и уставился во все глаза. Мир неожиданно вновь обрел резкость, и мальчик поспешно натянул бидо. Сгорая от стыда, он закрыл лицо руками.

Дама'тинг цокнула языком.

— Встань, мальчик! Ты не боишься алагай, но плачешь, как женщина, из-за такой ерунды? Эвераму нужен даль'шарум, а не хаффит!

Джардир мечтал, чтобы стены Лабиринта упали и раздавили его, но приказы дама'тинг не подлежали обсуждению. Он встал, смахнул слезы и высморкался.

— Сразу бы так. Я проделала этот путь не для того, чтобы предсказать судьбу трусу.

Ее слова уязвили Джардира. Он не был трусом.

— Как ты меня нашла?

Она фыркнула и махнула рукой:

— Я давным-давно знала, где тебя искать в эту ночь.

Джардир неверяще смотрел на нее, но по ее позе было ясно, что ей все равно, верит он или нет.

— Иди сюда, мальчик, я хочу на тебя посмотреть, — приказала она.

Джардир повиновался, и дама'тинг обхватила его лицо ладонями, поворачивая в разные стороны под лунным светом.

— Молодой и сильный, — заметила она. — Но таковы и все, кто зашел столь далеко. Моложе большинства, но хорошего в этом мало.

— Ты предскажешь мою смерть?

— И дерзкий, — пробормотала она. — Возможно, из тебя выйдет толк. На колени, мальчик.

Он повиновался, и дама'тинг опустилась рядом с ним, подстелив белый платок, чтобы не замарать свои безупречные одежды грязью Лабиринта.

— Какое мне дело до твоей смерти? Я пришла предсказать твою жизнь. Твоя смерть

касается только тебя и Эверам.

Она достала из складок одежды небольшой мешочек из плотного черного войлока, распустила завязки и высыпала содержимое в ладонь. Джардир увидел дюжину черных камешков, черных и гладких, как обсидиан. На камешках были вырезаны метки, которые горели алым в темноте.

— Алагай хора, — пояснила она и показала камешки ближе.

Джардир ахнул и отшатнулся. Дама'тинг держала многогранники, вырезанные из полированных костей демонов. Даже не прикасаясь к ним, Джардир чувствовал, как в камешках глухо пульсирует злобная магия.

— Снова струсил? — спокойно спросила дама'тинг. — На то и метки, чтобы обращать магию алагай себе на пользу.

Джардир собрался с духом и сел прямо.

— Вытяни руку, — приказала дама'тинг.

Она положила войлочный мешочек себе на колени и разложила на нем кости. Затем достала острый нож с кривым лезвием, покрытым метками.

Джардир протянул руку, стараясь унять в ней дрожь. Дама'тинг быстро взмахнула ножом и жала края раны, пачкаясь кровью. Она взяла алагай хора обеими руками и встряхнула.

— Эверам, дарующий свет и жизнь, молю, надели свою недостойную служанку знанием того, что грядет. Поведай мне об Ахмане, сыне Хошкамина, последнем из рода Джардира, седьмого сына Каджи.

Пока она трясла кости, метки разгорались все ярче, просвечивали сквозь пальцы, и казалось, что она держит раскаленные угли. Она бросила кости на землю.

Дама'тинг уперлась руками в колени и подалась вперед, изучая горящие узоры. Глаза ее широко распахнулись, она зашипела. Внезапно ей стало не до чистоты белых одежд. Она лихорадочно ползала по земле, изучая пульсирующие, медленно блекнущие метки.

— Должно быть, эти кости побывали на свету, — пробормотала она, собрав алагай хора.

Она снова взмахнула ножом, прочла заклинание и как следует встряхнула кости. Метки вспыхнули. Дама'тинг бросила алагай хора.

— Не может быть! — закричала она, сгребла кости и бросила в третий раз. Даже Джардир видел, что узор не изменился.

— В чем дело? — осмелился спросить он. — Что ты видишь?

Дама'тинг сощурилась и посмотрела на него:

— Будущее тебя не касается, мальчик.

Джардир отпрянул — столько злобы прозвучало в ее голосе. Она злится на его дерзость или на то, что увидела?

Или на то и другое? Что ей поведали кости? Он невольно вспомнил горшки, которые позволил украсть Аббану из Баха кад'Эверам. Могла ли она разглядеть этот грех?

Дама'тинг собрала кости, сложила в мешочек и встала. Она спрятала мешочек и отряхнула одежды.

— Возвращайся в шатер Каджи и молись до утра, — приказала она и растворилась в тени так быстро, что Джардир засомневался, не привиделась ли она ему.

Керан разбудил его пинком, пока другие воины еще спали.

— Просыпайся, крыса. Дама послал за тобой.

— С меня снимут бидо? — спросил Джардир.

— Мужчины говорят, ты неплохо сражался, но решать не мне. Только дама может позволить най'шаруму носить черное.

Наставник ввел его во внутренние покои Шарик Хора. Джардир с благоговением ступал босыми ногами по прохладному каменному полу.

— Наставник, можно вопрос?

— Быть может, это последний вопрос, на который я отвечу как твой наставник. Надеюсь, он того стоит.

— Когда дама'тинг пришла к тебе, сколько раз она бросила кости?

Наставник взглянул на него:

— Один. Они всегда бросают их один раз. Кости не лгут.

Джардир хотел сказать что-то еще, но они повернули за угол и увидели дама Хевата. Хеват был самым суровым из учителей Джардира, именно он назвал его верблюжьим ублюдком и швырнул в выгребную яму за дерзость.

Керан положил руку на плечо Джардира.

— Следи за языком, если не хочешь его лишиться, парень, — пробормотал он.

— Благослови вас Эверам, — произнес Хеват. Керан и Джардир поклонились. Дама кивком отпустил Керана.

Хеват провел Джардира в комнатку без окон, заваленную стопками бумаги. Пахло чернилами и светильным маслом. Такое место подошло бы скорее хаффиту или женщине, но даже здесь все было сделано из человеческих костей — стол, за который сел Хеват; стул, на который он указал Джардиру. Даже пресс-папье служили черепа.

— Ты продолжаешь меня удивлять, сын Хошкамина. Я не поверил, когда ты сказал, что прославишься за себя и за отца, но ты, похоже, решил доказать, что я ошибаюсь.

Джардир пожал плечами:

— Любой воин на моем месте сделал бы то же самое.

Хеват хмыкнул:

— Воины, которых я знаю, не столь скромны. Сколько демонов вы убили вшестером? Тринадцать?

— Двенадцать.

— Двенадцать, — повторил Хеват. — И еще ты помог Мошкаме умереть прошлой ночью. Немногим най'шарумам хватило бы мужества.

— Пришло его время.

— Пришло. У Мошкамы не было сыновей. Ты подарил ему смерть, а значит, должен отбелить его кости для Шарик Хора.

Джардир поклонился:

— Это большая честь.

— Дама'тинг пришла ко мне прошлой ночью.

Джардир с надеждой посмотрел на него:

— С меня снимут бидо?

Хеват покачал головой:

— Она говорит, ты слишком молод. Если ты вернешься на алагай'шарак, не успеешь выучиться и вырасти, Каджи останутся без доброго воина.

— Я не боюсь умереть, если это инэвера.

— Слова истинного шарума, но все не так просто. Она запретила тебе появляться в Лабиринте, пока не подрастешь.

Джардир нахмурился:

— Выходит, я должен вернуться в Каджи'шарадж с позором после того, как сражался бок о бок с мужчинами?

Дама покачал головой:

— Это невозможно по закону. Мальчик, побывавший в шатре шарумов, никогда не вернется в шарадж.

— Но если я не могу вернуться в шарадж и не могу остаться с мужчинами...

Внезапно Джардир понял, в каком затруднительном положении оказался.

— Я... стану хаффитом?

Впервые в жизни его охватил слепой ужас. Страх перед дама'тинг показался чепухой по сравнению с этим. Кровь отхлынула от лица Джардира, он вспомнил, как Аббан молил спасти ему жизнь.

«Ни за что, — подумал он. — Нападу на первого попавшегося даль'шарума, и ему придется меня убить. Лучше умереть, чем стать хаффитом».

— Нет, — произнес дама, и Джардир выдохнул. — Возможно, дама'тинг это не кажется важным, ведь даже худший из хаффитов выше женщины, но я не позволю воину, прошедшему все испытания, пасть так низко. Со времен Шар'Дама Ка ни одному юноше, пролившему кровь алагай в Лабиринте, не было отказано в черных одеждах. Запрет дама'тинг марает нас всех. Пусть она служанка Эверамы, но всего лишь женщина и не понимает, как это отразится на всех шарумах.

— Тогда что со мной будет?

— Тебя заберут в Шарик Хора. Я уже говорил с Дамаджи Амадэверамом и заручился его благословением. Даже дама'тинг не сможет ничего изменить.

— Я стану священником? — Джардир попытался скрыть недовольство, но тщетно — его выдал надломившийся голос.

Хеват хмыкнул:

— Нет, мальчик, твое призвание по-прежнему Лабиринт, но ты будешь тренироваться здесь, пока не придет время. Учись, старайся, и станешь кай'шарумом, прежде чем твои ровесники снимут бидо.

— Это твоя келья. — Хеват отвел Джардира в комнату в глубине переходов Шарик Хора. Комната — десять на десять футов — была вырезана в песчанике. В углу стояла жесткая койка. На тяжелой деревянной двери не было ни щеколды, ни засова. Сквозь зарешеченное дверное окошко проникали лучи коридорной лампы — единственного источника света. По сравнению с общей комнатой с каменным полом в Каджи'шарадж даже это могло показаться роскошью, если бы не позор, приведший сюда Джардира, и не удовольствия шатра Каджи, в которых ему было отказано.

— Постись и изгоняй своих демонов, — велел Хеват. — Обучение начнется завтра.

Священник вышел. Когда его шаги затихли, воцарилась тишина.

Джардир бросился ничком на койку, уткнувшись в скрещенные руки, но поза напомнила ему о Хасике, и стыд и ярость охватили его с новой силой. Он вскочил, схватил койку и с криком треснул о стену. Он швырнул ее на пол, пиная дерево и разрывая ткань. Вскоре он стоял посреди горы щепок и ниток, задыхаясь и охрипнув.

Внезапно осознав, что наделал, Джардир выпрямился, но никто не явился посмотреть, что за шум. Он смел обломки в угол и занялся шарукинами. Отточенная серия движений

шарусака помогла ему успокоиться лучше всякой молитвы.

События последней недели мелькали в памяти. Аббан стал хаффитом. Джардир стыдился этого, но открылся стыду и узрел скрытую за ним правду. Аббан с самого начала был хаффитом, и Ханну Паш просто выявил это. Джардир сумел отсрочить исполнение воли Эверама, но не отменить. Это неподвластно никому из живущих.

«Инэвера», — подумал он и открылся утрате.

Он вспомнил, с каким восторгом убивал демонов в Лабиринте, и смирился с тем, что могут пройти годы, прежде чем он снова испытает подобную радость. Кости сказали свое слово.

Инэвера.

Он снова подумал о Хасике, но случившееся не было инэвера. Он сам во всем виноват. Незачем было пить кузи в Лабиринте. Нечего было доверять Хасику и ослаблять бдительность.

Телесную боль и кровотечение он уже принял. И даже унижение. Он видел, как седлали других мальчиков в шарадж, и был в состоянии с этим смириться. Он не мог стерпеть того, что Хасик сейчас расхаживает среди даль'шарумов и думает, будто победил, сломил Джардира.

Джардир нахмурился. «Возможно, я и сломлен, — мысленно признал он, — но сросшиеся кости становятся крепче, и мой звездный час еще впереди».

Судя по тому, что лампу в коридоре потушили, оставив келью в полной темноте, наступила ночь. Джардир не боялся мрака. Метки Шарик Хора — самые надежные в мире, но даже без них храм охраняют бесчисленные души воинов. Любой алагай, ступивший в это святое место, сгорит дотла, как если бы увидел солнце.

Джардир не уснул бы, даже если бы захотел, а потому продолжил повторять шарукины, пока движения не стали естественными, как дыхание.

Когда дверь кельи со скрипом отворилась, Джардир мгновенно насторожился. Он вспомнил первую ночь в Каджи'шарадж и бесшумно скользнул к двери, приняв боевую стойку. Если най'дама решили оказать ему теплый прием, они об этом пожалеют.

— Если бы я хотела тебе навредить, то не отправила бы сюда, — произнес знакомый женский голос. Вспыхнул алый свет, и Джардир увидел дама'тинг, которая приходила прошлой ночью. Она держала маленький череп огненного демона с ярко пылавшими в темноте резными метками. Когда вспыхнул свет, дама'тинг посмотрела Джардиру в глаза, как будто заранее знала, где он стоит.

— Ты не отправляла меня сюда, — осмелился возразить Джардир. — Ты велела дама Хевату отправить меня с позором обратно в Каджи'шарадж!

— Я знала, что он этого не сделает. — Дама'тинг не обратила внимания на его обвинительный тон. — И не превратит тебя в хаффита. Ему оставалось одно — послать тебя сюда.

— С позором. — Джардир сжал кулаки.

— В безопасное место! — прошипела дама'тинг, подняв череп алагай. Метки вспыхнули ярче, из пасти вырвалось пламя. Джардир ощутил его жар на лице и отпрянул. — Не тебе меня судить, най'шарум. Я буду делать то, что сочту нужным, а твое дело повиноваться.

Джардир прижался спиной к стене и понял, что отступать дальше некуда. Он кивнул.

— Учись, пока есть время, — приказала дама'тинг, выходя. — Грядет Шарак Ка.

Джардира словно ударили кулаком. Шарак Ка. Последняя битва грядет, и он будет в ней

сражаться! В этот миг все мирские заботы перестали его волновать. Дама'тинг закрыла дверь и оставила его в темноте.

Через некоторое время коридорная лампа вновь зажглась и в дверь легонько постучали. Джардир открыл и увидел Ашана, младшего сына Хевата. Худенький мальчик был одет в бидо, край которого был переброшен через плечо, как у всех най'дама, будущих священников. Рот Ашана закрывала белая ткань. Джардир знал, что это означает первый год обучения, когда най'дама запрещено говорить.

Мальчик кивнул в знак приветствия и покосился на обломки койки в углу. Он подмигнул и чуть поклонился, как будто Джардир выдержал тайное испытание. Ашан мотнул головой и пошел по коридору. Джардир понял знак и направился следом.

Они вошли в просторный зал с полом из гладкого мрамора. Десятки дама и най'дама — быть может, все красийские священники — оттачивали шарукины, расставив ноги. Ашан махнул Джардиру, и мальчики встали среди най'дама. Они присоединились к медленному танцу, перетекая из стойки в стойку. Весь зал дышал в унисон.

Многие движения были незнакомы Джардиру. Он привык к грубым урокам, на которых Керан и Каваль осыпали мальчишек бранью, секли всех, кто не мог достичь совершенства, и требовали, чтобы они двигались все быстрее и быстрее. Дама тренировались молча и только посматривали на ведущего дама и друг на друга. Джардир решил, что священники — избалованные слабаки.

Через час тренировка закончилась. Дама разбились на кучки, оживленно болтая, и покинули зал. Ашан дал Джардиру знак остаться, и они подошли к другим най'дама.

— У вас новый брат, — сообщил дама Хеват мальчикам. — Джардиру, сыну Хошкамина, всего двенадцать лет, но на его руках кровь алагай. Он останется и будет учиться путям дама, пока дама'тинг не сочтет его достаточно взрослым, чтобы носить черное.

Мальчики молча кивнули и поклонились Джардиру.

— Ашан, — подозвал дама. — Джардиру нужна помощь с шарусаком. Ты будешь его учить.

Ашан кивнул.

Джардир фыркнул. Най'дама? Учить его? Ашан его ровесник, а Джардир стоял в очереди най'шарумов за похлебкой впереди мальчишек на несколько лет старше.

— Тебе нечему учиться? — спросил Хеват.

— Вовсе нет, почтенный дама, — поспешно ответил Джардир, кланяясь священнику.

— Но ты считаешь, что Ашан недостоин тебя учить? В конце концов, он всего лишь най'дама, новичок, который даже не заслужил право говорить, а ты сражался среди мужчин на алагай'шарак.

Джардир беспомощно пожал плечами. Он считал именно так, но подозревал, что это ловушка.

— Прекрасно. Сразись с Ашаном. Когда ты его победишь, я назначу тебе более достойного наставника.

Новички расступились кольцом на гладком мраморном полу. Ашан встал посередине и поклонился Джардиру.

Джардир в последний раз глянул на дама Хевата и поклонился в ответ.

— Ашан, извини, — сказал он, когда они сошлись, — но я должен тебя победить.

Ашан молча принял боевую стойку шарусака. Джардир тоже, и Хеват хлопнул в ладоши.

— Начинайте! — крикнул дама.

Джардир бросился вперед, направив растопыренные пальцы в горло Ашана. Прием быстро выведет мальчика из боя и не причинит серьезного вреда.

К удивлению Джардира, Ашан ловко увернулся и пнул его в бок. Джардир растянулся на полу.

Он поспешно вскочил и выругал себя за то, что недооценил мальчишку. Он снова бросился в атаку, держа оборону, и сделал ложный выпад в челюсть Ашана. Когда най'дама прикрылся, Джардир развернулся и сделал ложный выпад локтем в печень. Ашан снова принял защитную стойку, и Джардир повторил разворот, чтобы сделать подножку, ударить най'дама локтем в грудь и сбить с ног.

Но Джардир подсек лишь воздух. Ашан схватил его за ногу и обратил силу инерции против него самого, применив именно тот прием, на который рассчитывал Джардир. Мальчик упал, и Ашан врезал локтем ему в грудь, вышибив дух. Джардир грохнулся на мраморный пол, ударившись головой, но попытался встать еще прежде, чем почувствовал боль. Он не позволит себя победить!

Не успел он встать на четвереньки, как из-под него выбили опору. Он снова ударился об пол, и Ашан наступил ему на поясницу. Най'дама поймал его за взметнувшуюся ногу и правую руку и с силой дернул, едва не выломав конечности из суставов.

Джардир завопил, перед глазами все поплыло от боли. Он открылся страданию и, когда его взор прояснился, заметил, что дама'тинг наблюдает за ним из тени арочного входа в зал.

Она покачала головой и ушла.

В глубине переходов Шарик Хора Джардир не отличал ночь от дня. Он спал, когда велели дама, ел, когда кормили дама, а в промежутках исполнял приказы дама. В храме было несколько даль'шарумов, которые учились на кай'шарумов, но най'шарумов, кроме Джардира, не было. Он был никем и сгорал от стыда, вспоминая, как Шанджат, Джурим и другие некогда повиновались его приказам, а ныне, быть может, прощались с бидо.

Первый год он был тенью Ашана. Най'дама молча учил Джардира выживать среди священников. Вовремя молиться, вовремя вставать на колени, правильно кланяться, правильно сражаться.

Джардир серьезно недооценил воинские навыки дама. Да, копья для них были заказаны, но даже самый слабый превосходил в рукопашном бою двух даль'шарумов, вместе взятых.

Впрочем, бой был понятен Джардиру. Он погрузился в учебу, перетекая из стойки в стойку и забывая о стыде. Даже когда ночью гасили лампы, мальчик часами оттачивал шарукины в темноте своей крошечной кельи.

Когда дубильщики сняли кожу с Мошкамы, Джардир и Ашан забрали тело и сварили в масле. Затем они выловили все кости и отбелили под солнцем на костяных минаретах, которые пронзали небо пустыни. Дживах'шарум наполнили слезами три флакона, оплакивая Мошкаму. Мальчики смешали слезы с лаком и покрыли им кости, прежде чем передать их ремесленникам. Мощи Мошкамы и слезы плакальщиц приумножат великолепие Шарик Хора. Джардир мечтал о дне, когда сам станет частью великого храма.

Были и другие занятия, не столь приятные и почетные. Каждый день он несколько часов учился грамоте, читал вслух Эведжах и переписывал слова палочкой в коробке с песком. Казалось бы, бесполезное искусство, недостойное воина, но Джардир помнил слова дама'тинг и усердно трудился, быстро освоив письмо. Затем он выучился математике,

истории, философии и, наконец, рисованию меток. Последнее он изучал с особенным рвением. Его неодолимо тянуло все, что может навредить или помешать алагай.

Наставник Керан приходил несколько раз в неделю и часами учил Джардира сражаться копьём, а книжники дама — тактике и истории войны от Избавителя до наших дней.

— Война не просто доблесть на поле боя, — сказал дама Хеват. — Эведжах гласит, что война по своей сути обман.

— Обман? — переспросил Джардир.

Хеват кивнул:

— Как ты можешь сделать ложный выпад копьём, так и мудрый вождь в состоянии обмануть противника ещё до начала битвы. Будучи сильным, он должен казаться слабым. Будучи слабым — готовым воевать. Собираясь ударить — рассеянным и отрешённым. Перестраивая войска — заставить противника поверить, что вот-вот атакует. Тем самым он вынудит его растратить силы и сбережет свои.

Джардир склонил голову набок:

— Разве не почетнее атаковать противника в лоб?

— Мы построили Великий Лабиринт не для того, чтобы бросаться на алагай в лоб. Победа — величайшая честь, и чтобы победить, необходимо хвататься за любые преимущества, большие и малые. В этом суть войны, а война — суть всех вещей, от низкого хаффита, торгующегося на базаре, до андраха, выслушивающего прощения у себя во дворце.

— Я понимаю.

— Обман зависит от секретности, — продолжил Хеват. — Если шпионы узнают о нем, они отнимут твою силу. Великий вождь должен скрывать свой обман от всех, кроме ближайшего круга, а порой и от него тоже, пока не наступит пора ударить.

— Но зачем вообще воевать, дама? — осмелился спросить Джардир.

— Что?

— Все мы дети Эверама. Наши враги — алагай. Нам нужен каждый человек, который способен держать оружие, и все же мы постоянно убиваем друг друга под солнцем.

Хеват посмотрел на Джардира, но мальчик не понял, с раздражением или одобрением.

— Единство, — наконец ответил дама. — На войне люди сражаются бок о бок, тем и сильны. Как говорил сам Каджи, когда захватывал зеленые земли, за единство стоит заплатить любую кровавую цену. Против ночи и несметных легионов Най лучше выставить сто тысяч воинов, чем сто миллионов трусов. Всегда это помни, Ахман.

Джардир поклонился:

— Буду помнить, дама.

Глава 5

Дживах ка

313–316 П. В

Три най'дама наступали на него с разных сторон, и хотя Джардир не видел дама'тинг, он чувствовал, что она наблюдает. Так было всегда.

Он открылся мгновению, как открывался боли, и отбросил все мирские заботы. После пяти с лишним лет в Шарик Хора покой снисходил на него без усилий. Его нет. Их нет. Ее нет. Есть только танец.

Ашан напал первым, но Джардир притворился, будто блокирует удар, развернулся, отскочил в сторону и треснул Халвана в грудь. Ашан пнул только воздух. Джардир поймал Халвана за руку и с легкостью бросил на землю. Он мог бы вырвать ему руку из плеча, но настоящее искусство — не нанести противнику увечий.

Шевали подождал, пока Ашан придет в себя, и най'дама атаковали синхронно. Любой отряд даль'шарумов гордился бы таким единством.

Пусть! Руки и ноги Джардира мелькали в воздухе размытым пятном; он отражал удары, словно выбивал барабанную дробь, подводя схватку к неизбежному финалу. На пятом ударе Шевали на миг подставил незащитную шею, и Джардир и Ашан остались вдвоем, как и всегда в конце схватки.

Памятуя о проворстве Джардира, Ашан попытался выполнить захват, но с годами на костях най'шарумаросло мясо. В семнадцать лет он был выше большинства мужчин; постоянные тренировки сделали жилистое тело крепким и мускулистым. Едва они сошлись, как Ашан очутился на земле.

Ашан засмеялся, год молчания давно миновал.

— Рано или поздно мы тебя достанем, най'шарум!

Джардир подал ему руку, помогая встать:

— Этот день никогда не наступит.

— Верно, — произнес дама Хеват.

Джардир обернулся. Кольцо мальчиков и наставников разомкнулось, пропустив священника с дама'тинг. Джардир похолодел.

Дама'тинг несла черные одежды.

Дама'тинг отвела его в отдельную келью и собственными руками развернула и сняла с него бидо. Джардир попытался открыться прикосновению ее рук к голой коже, но еще ни одна женщина не прикасалась к нему столь интимно, и впервые за много лет он не сумел обрести покой. Его тело отозвалось на прикосновение, и он испугался, что она убьет его за непочтительность.

Но дама'тинг ни словом не обмолвилась о его возбуждении. Она обернула его бедра черной повязкой и надела на него свободные штаны, тяжелые сандалии и халат даль'шарума.

Джардир догадывался, что после восьми лет в бидо любое одеяние покажется

странным, но не был готов к тяжести черных доспехов даль'шарумов. В одежду были вшиты бляшки и полосы из обожженной глины. Джардир знал, что это отличная защита от удара, но бляшки трескались, и их приходилось менять после каждой схватки.

Он отвлекся и не сразу обнаружил, что дама'тинг намотала ему на шею белое покрывало, а когда заметил, ахнул вслух.

— По-твоему, ты зря учился у дама, сын Хошкамина? — спросила дама'тинг. — Ты присоединишься к своим братьям даль'шарумам как их командир, кай'шарум.

— Мне всего семнадцать!

Дама'тинг кивнула:

— Самый молодой кай'шарум в истории. А также самый молодой най'шарум, который сбил воздушного демона и выжил на алагай'шарак. Кто знает, чего еще ты способен достичь?

— Ты знаешь. Тебе поведали кости.

Дама'тинг покачала головой:

— Я видела участь, к которой стремится твой дух, но этот путь полон опасностей, и ты еще можешь отступить. — Она закрыла его лицо покрывалом. Ее прикосновение показалось почти лаской. — Тебе предстоит множество испытаний. Живи сегодняшним днем. Когда ты вернешься в шатер Каджи, кто-то из шарумов бросит тебе вызов. Ты должен...

Джардир оборвал ее, подняв руку. Глаза дама'тинг вспыхнули при виде подобной отваги.

— Прошу прощения за дерзость, — Джардир вспомнил очереди за похлебкой в Каджи'шарадж, — но мир шарумов мне понятен. Я публично накажу наглеца, прежде чем кто-либо осмелится последовать его примеру.

Дама'тинг внимательно посмотрела на него и пожала плечами. В глазах ее искрилось веселье.

Джардир с гордостью вышел на тренировочную площадку Каджи в сопровождении дама Хевата и дама'тинг. Даль'шарумы приостановили тренировку, раздались шепотки узнавания. Кто-то хохотнул.

— Смотрите! Крыса вернулась! — После стольких лет Хасик все еще присвистывал. Могучий воин с грохотом упер копьё в землю. — У нее ушло всего пять лет, чтобы снять бидо!

Несколько воинов засмеялись.

Джардир улыбнулся. Вполне естественно, что шарумы испытывают отвагу нового кай, и инэвера, что вызов бросил именно Хасик. Могучий воин все еще был крупнее Джардира, но юноша бесстрашно шагнул вперед.

Хасик холодно смерил его взглядом.

— Может, ты и намотал белое покрывало, но все равно ты верблюжий ублюдок, — тихо съязвил он, чтобы другие не слышали.

— А, Хасик, мой аджин'пал! — громко воскликнул Джардир. — Тебя по-прежнему кличут Свистуном? С удовольствием прорежу тебе зубы, чтобы излечить сей недуг.

Шарумы захохотали. Джардир огляделся и увидел много воинов, которые подчинялись ему, когда он был най ка.

Хасик зарычал и бросился на него, но Джардир шагнул в сторону, развернулся и врезал противнику ногой. Могучий воин упал навзничь. Джардир терпеливо подождал, пока невредимый, разъяренный Хасик поднимется на ноги.

— Я убью тебя за это, — пообещал Хасик.

Джардир улыбнулся. Он читал намерения Хасика так же легко, как начертания на песке. Хасик бросился на него с копьем, но Джардир развернулся, отвел копье, и Хасик пролетел мимо, пошатнувшись. Даль'шарум поворотился и ударил копьем, как посохом, но Джардир отклонился назад, подобно пальме на ветру, и удар не достиг цели, хотя он даже не двинулся с места. Прежде чем Хасик успел прийти в себя, Джардир резко выпрямился, схватил оружие обеими руками и переломил толстое древко о колено. Он продолжил движение коленом и врезал Хасику по лицу.

Челюсть Хасика треснула с приятным хрустом, но Джардир на этом не успокоился. Он отбросил наконечник копья и пошел на Хасика с обломком, пока тот пытался встать на ноги.

Хасик ударил его кулаком, и Джардир поразился, что когда-то ему казалось, будто Хасик осыпает его градом ударов. После нескольких лет среди дама Хасик казался медлительным, словно улитка. Джардир схватил запястье Хасика и вывернул. Плечо противника выскочило из сустава. Джардир взмахнул обломком копья, раздробив воину колено. Хасик с криком рухнул на землю, и Джардир пинком перевернул его на живот. Он был вправе убить Хасика, и собравшиеся, вероятно, именно этого и ждали, но Джардир не забыл, что Хасик сделал с ним в Лабиринте.

— Теперь, Хасик, — произнес он на виду у всех даль'шарумов племени Каджи, — я научу тебя быть женщиной.

Он вскинул над головой обломок копья.

— А это будет мужчиной.

— Проследи, чтобы он не бросился со стыда на копье, — велел Джардир Шанджату, когда воющего от боли и унижения Хасика утащили в шатер дама'тинг. — Я не хочу, чтобы с моим аджин'палом случилось непоправимое.

— Слушаюсь, мой кай'шарум. Правда, копье, чтобы на него броситься, придется сначала вытащить.

Шанджат ухмыльнулся, поклонился Джардиру и поспешил следом за раненым воином. Джардир проводил Шанджата взглядом. Как быстро они вернулись к прежним отношениям, хотя Шанджат заслужил право носить черное много лет назад, а Джардир — только сегодня!

Джардир годами вынашивал месть Хасику, танцуя шарусак в своей крошечной келье в Шарик Хора. Мало было просто победить; унижение Хасика должно было послужить уроком любому, кто посмеет бросить вызов Джардиру. Если бы Хасик побоялся его задирать, он бы сам его разыскал и вынудил бросить вызов.

Благодаря безграничной справедливости Эверамы все удалось разыграть как по нотам, и все же триумф принес не больше удовлетворения, чем драка с Шанджатом за место в очереди най'шарумов за похлебкой.

— Похоже, у тебя все схвачено. — Дама Хеват хлопнул Джардира по спине. — Иди в шатер Каджи и возьми женщину перед битвой.

Он засмеялся.

— Возьми двух! Дживах'шарум охотно лягут с самым молодым кай'шарумом за тысячу лет.

Джардир натужно рассмеялся и кивнул, хотя у него засосало под ложечкой. Он до сих пор не познал женщины. Не считая пары взглядов на дживах'шарум той ночью в шатре Каджи, он даже не видел раздетых женщин. Кай'шарум он или нет, ему предстоит еще одно

испытание мужества, и в отличие от мести Хасику или убийства алагай, тренировки тут ничем не помогут.

Хеват ушел. Джардир глубоко вдохнул и посмотрел на шатер Каджи.

«Они всего лишь женщины, — напомнил он себе и робко шагнул вперед. — Это они должны тебе угодить, а не наоборот». Второй шаг вышел более уверенным.

— На пару слов, — прошептала дама'тинг.

Джардира охватили облегчение и страх. Как он мог о ней забыть?

— Наедине, — добавила она. Джардир кивнул и подошел к краю тренировочной площадки, где даль'шарумы не могли их услышать.

Теперь он был намного выше, но все равно ее боялся. Он вспомнил, как вспышка пламени вырвалась из пасти черепа огненного демона, и попытался себя убедить, что магия алагай бессильна днем, под светом Эверама.

— Я бросила алагай хора, прежде чем принести тебе черную одежду, — сказала она. — Если ты ляжешь с дживах'шарум, одна из них убьет тебя.

Глаза Джардира широко распахнулись. Неслыханно!

— За что?

— Кости не говорят нам, «за что», сын Хошкамина. Они сообщают нам, что есть и что может случиться. Возможно, любовница Хасика захочет отомстить, а может, у кого-то из женщин кровная вражда с твоей семьей. — Она пожала плечами. — Берегись дживах'шарум, не то пожалеешь.

— Выходит, я никогда не познаю женщины? Ничего себе судьба для мужчины!

— Не преувеличивай, — фыркнула дама'тинг. — Жениться тебе ничто не мешает. Я брошу кости, чтобы подыскать тебе подходящих жен.

— Зачем тебе это?

— Не твое дело.

— И какова цена? — спросил Джардир. В Эведжахе не раз говорилось, что всякому, пожелавшему использовать магию хора не для шарак, придется заплатить.

— Ха! А ты уже не такой простачок, каким кажешься. Вот и славно. Цена — ты возьмешь меня в жены.

Джардир похолодел и застыл. Взять ее в жены? Немыслимо. Она пугала его.

— Я не знал, что дама'тинг могут выходить замуж. — Он попытался выиграть время. Голова пошла кругом.

— Можем, если захотим. Первые дама'тинг были женами Избавителя.

Джардир снова посмотрел на нее. Плотные белые одежды скрывали все изгибы ее тела. Из-под головного платка не выбивался ни один волосок, плотное покрывало было натянуто на нос, и даже голос ее звучал приглушенно. Видны были только глаза, ясные и горящие, как угли. Они казались странно знакомыми, но догадаться о ее возрасте и тем более о красоте было невозможно. Она девственница? Из хорошего рода? Кто знает... Дама'тинг забирали у матерей совсем девочками и воспитывали втайне.

— Мужчина вправе увидеть лицо женщины, прежде чем решить, жениться на ней или нет.

— Не в этот раз, — возразила дама'тинг. — Неважно, пленит ли тебя моя красота, плодovита ли я. В твоём будущем сверкают сотни ножей. Я буду твоей дживах ка, иначе тебе придется до конца своих дней пугливо озираться без моих предсказаний.

Дживах ка. Она не просто хочет выйти за него замуж, она желает быть первой среди его

жен. Дживах ка вправе выбрать ему дживах сен, младших жен, и все его дживах сен покорятся ее воле. Она будет единолично вести его дом и воспитывать его детей, подчиняясь только ему, и Джардир не дурак, чтобы верить, будто она не намерена подмять и его.

Но разве можно ей отказать? Схватки лицом к лицу ему не страшны, но война — это обман, как учит Хеват, и не все мужчины сражаются с врагами кулаком и копьем. Отравленный кубок, кинжал в спину — и он отправится к Эвераму, не успев заслужить права на рай, не поделившись славой с матерью и сестрами.

К тому же грядет Шарак Ка.

— Ты просишь отдать тебе все, — глухо произнес он, в горле у него пересохло.

Дама'тинг покачала головой:

— Я оставляю тебе шарак. Остальное шаруму ни к чему.

Джардир долго смотрел на нее. Наконец он кивнул в знак согласия.

Заручившись согласием, дама'тинг не стала мешкать. Не прошло и недели, а Джардир уже стоял перед дама Хеватом, глядя, как она приносит клятвы.

Джардир смотрел в глаза дама'тинг. Кто она? Не старше ли его матери? Достаточно ли молода, чтобы родить ему сыновей? Что он обнаружит на супружеском ложе?

— Я обещаю себя тебе в жены, как гласит Эведжах, как завещал Каджи, Копье Эверам, который сидит в изножье стола Эверам и возродится в пору Шарак Ка. С чистым сердцем и без обмана я клянусь быть тебе верной и покорной женой.

«Она говорит правду, — задумался Джардир, — или просто хочет и дальше управлять моей жизнью теперь, когда я ношу черное?»

Хеват повернулся к нему. Джардир запнулся, вспоминая слова клятвы.

— Клянусь перед Эверамом, — выдавил он, — Создателем всего сущего, и перед Каджи, Шар'Дама Ка, взять тебя в свой дом и быть справедливым и снисходительным мужем.

— Ты берешь эту дама'тинг в дживах ка? — спросил Хеват, и что-то в его голосе напомнило Джардиру вопрос, который задал дама, когда Джардир пришел просить его провести церемонию.

«Ты уверен? — спросил Хеват. — Дама'тинг — не обычная жена, которой можно приказывать и которую можно побить за неповиновение».

Джардир сглотнул. Уверен ли он?

— Беру, — глухо сказал он. Собравшиеся даль'шарумы радостно закричали, молотя копьями по щитам. Его мать, Кадживах, крепко обняла его младших сестер, и все они заплакали от гордости.

Сердце Джардира колотилось, и отчасти он жалел, что не танцует алагай'шарак в Лабиринте, а стоит в полумраке заваленной подушками комнаты, куда они удалились.

— Не переживай, алагай'шарак будет ждать тебя завтра! — хохотнул на прощание Шанджат. — Сегодня тебя ждет другая битва!

— Похоже, тебе не по себе, — заметила дама'тинг, задернув тяжелые занавеси.

— Еще бы, — скривился Джардир. — Ты моя дживах ка, а я даже не знаю, как тебя зовут.

Дама'тинг засмеялась. Он впервые услышал, как она смеется — словно звенят колокольчики.

— Неужели? — Она сняла головной платок и покрывало. Джардир изумленно уставился

на нее, но не потому, что она оказалась юна и прекрасна.

Он действительно знал, как ее зовут.

— Инэвера, — выдохнул он, вспомнив най'дама'тинг, которая заговорила с ним в шатре много лет назад.

Она с улыбкой кивнула, намного более прекрасная, чем он смел надеяться.

— В ночь, когда мы встретились, я закончила вырезать свои первые алагай хора. То была судьба, воля Эверема, как мое имя. Кости демона режут в полной темноте, на ощупь. Единственную кость вырезают неделями; весь набор — годами. И лишь когда набор готов, кости можно испытать. Если они подведут, их выставят на свет и все придется начать заново. Если поведают правду, най'дама'тинг станет дама'тинг и наденет покрывало. В ту ночь я закончила вырезать алагай хора и задумалась, о чем же спросить, чтобы проверить, обладают ли кости властью над судьбой. Я вспомнила дерзкого мальчишку с блестящими глазами, которого повстречала днем, встряхнула кости демонов и спросила: «Увижу ли я еще Ахмана Джардира?» С той ночи я знала, что найду тебя в Лабиринте после твоей первой алагай'шарак и, сверх того, выйду за тебя замуж и подарю тебе много детей.

С этими словами она повела плечами, и ее белые одежды соскользнули. Джардир страшился этого мгновения, но, увидев ее обнаженное тело в мерцающем свете, мгновенно отреагировал и понял, что пройдет это последнее испытание мужества, как прошел все предыдущие.

— Джардир, ты встанешь на десятом уровне, — приказал шарум ка.

Глупое решение. Прошло три года с тех пор, как Джардир надел белое покрывало, и все собравшиеся кай'шарумы знали, что его отряд — самый отчаянный и вышколенный во всей Красии. Джардир выжимал из своих людей все соки, но зато его даль'шарумы были овеяны славой и убивали втрое больше демонов, чем другие отряды. Ставить их на десятый уровень — пустая трата сил. Алагай никогда не забирались в Лабиринт так глубоко.

Шарум ка презрительно усмехнулся, ожидая возражений, но Джардир открылся бесчестьем и пропустил его сквозь себя.

— Как прикажет шарум ка. — Он низко поклонился, сидя на подушке, и коснулся лбом толстого ковра в приемном покое первого бойца.

Когда он выпрямился, лицо его было безмятежным, несмотря на отвращение, которое ему внушал этот человек. Шарум ка должен быть сильнейшим воином в городе. Этот был скорее слабейшим. Его волосы пронизывала седина, лицо избородили глубокие морщины, как у Дамаджи. Он уже много лет не сражался в Лабиринте, и это было видно по его толстому брюху. Первый боец должен возглавлять атаку на алагай'шарак и вести мужчин к славе, а не руководить сражением из дворца.

И все же, пока на нем белый тюрбан, его воля в ночи — закон.

Дама Ашан, священник отряда Джардира, и его первые помощники, Хасик и Шанджат, ждали командира у стен дворца шарум ка, чтобы проводить его обратно в шатер Каджи. Он был всего лишь кай'шарумом, но на его жизнь уже покушались ревнивые соперники, в том числе из собственного племени. Шарум ка не вечен, и поскольку андрах родом из племени Каджи, первым бойцом наверняка назначат одного из кай'шарумов Каджи. Джардир стоял на пути у многих кай'шарумов, мечтавших о возвышении.

Ашан, Хасик и Шанджат всегда были рядом с Джардиром с тех пор, как Инэвера женила их на сестрах Джардира. Аймисандра, Хошвах и Ханья ходили в лохмотьях, когда Джардир

вышел из Шарик Хора три года назад, но теперь они были дживах ка его доверенных лиц и рожали племянников и племянниц в подтверждение своей преданности.

— Приказ? — спросил Шанджат.

— Десятый уровень, — ответил Джардир.

Хасик сплюнул в пыль:

— Шарум ка тебя оскорбляет!

— Хасик, успокойся, — мягко произнес Джардир, и могучий воин немедленно затих. —

Прими оскорбление, и оно пройдет сквозь тебя, позволив узреть путь Эверамы.

Хасик кивнул и пошел за Джардиром прочь от дворца. Три года назад Хасик вернулся из шатра дама'тинг совсем другим человеком. Он оставался одним из самых свирепых воинов Каджи, но преданно служил Джардиру, как укрощенный волк. Это был единственный способ сохранить лицо после унижительного поражения.

— Шарум ка боится тебя, — рассудил Ашан. — И правильно делает. Если ты и дальше будешь столь славно биться, андраху надоест, что его войсками командует слабый старик, и он позволит тебе вызвать его на бой.

— И стоит ему крикнуть: «Начали!», как мы обретем нового первого бойца, — заключил Шанджат.

— Этому не бывать, — возразил Джардир. — Андрах и шарум ка — давние друзья. Андрах не предаст своего верного слугу, даже если этого потребуют Дамаджи.

— Что же нам делать? — спросил Хасик.

— Иди домой к моей сестре и поблагодари ее за вкусный обед, который она наверняка приготовила, — посоветовал Джардир. — А когда наступит ночь, мы отправимся на десятый уровень и будем молиться Эвераму, чтобы послал нам алагай, которому пора увидеть солнце.

Как обычно, Инэвера ждала Джардира в его покоях во дворце Каджи. Ее платье было приспущено — она кормила грудью их дочь Анджу. Сыновья Джардира Джайан и Асом, крепкие и сильные, цеплялись за юбку матери.

Джардир встал на колени и раскинул руки. Сыновья со смехом бросились к нему, и он поднял их высоко-высоко. Затем опустил на пол, и малыши побежали обратно к матери. При виде сыновей он не успел открыться неприятному чувству, и маска безмятежности на мгновение слетела. Шарум ка замарал не только его честь, но и честь его сыновей.

— Тебя что-то беспокоит, муж мой? — спросила Инэвера.

— Ерунда, — ответил Джардир, но Инэвера щелкнула языком.

— Я твоя дживах ка. Со мной не надо принимать свои чувства.

Джардир посмотрел на нее и позволил контролю ослабнуть.

— Шарум ка отправляет меня на десятый уровень, — сплюнул он. — Сколько воинов он потеряет, пока его лучшие бойцы сторожат пустоту?

— Это хороший знак, муж, — заметила Инэвера. — Очевидно, шарум ка боится тебя и твоего честолюбия.

— Что толку, если он лишает меня заслуженной славы?

— Это недопустимо, — согласилась Инэвера. — Ты должен искать славы в Лабиринте больше, чем когда-либо. Кости поведали мне, что первому бойцу недолго осталось. Когда он отправится к Эвераму, ты должен затмевать всех славой, если хочешь занять его место.

— Интересно как? Размахивая попусту копьем? — проворчал Джардир.

Инэвера пожала плечами:

— Шарак — твое дело. Найди способ.

Джардир хмыкнул и кивнул. Разумеется, она права. В иных делах даже дама'тинг не может ничего посоветовать.

— Солнце сядет только через несколько часов, — произнесла Инэвера. — Займись любовью, вздремни, и в голове прояснится.

Джардир с улыбкой направился к ней:

— Я позову свою мать присмотреть за детьми.

Но Инэвера покачала головой и отступила, не даваясь в руки.

— Не со мной. Кости говорят, что Эвералия созрела. Если ты мощно возьмешь ее сзади, она родит тебе крепкого сына.

Джардир нахмурился. Эвералия была его третьей женой. Инэвера даже не удосужилась показать ее до помолвки, заявив, что выбрала дживах сен за широкие бедра и удачу, которую сулят алагай хора, а не за красоту.

— Опять твои кости! — рявкнул Джардир. — Хоть раз я могу выбрать, с какой женой лечь?

Инэвера пожала плечами:

— Можешь взять Таладжу, если хочешь. — Таладжей звали его вгору, более красивую жену. — Она тоже созрела. Просто я подумала, что ты предпочтешь сына, а не очередную дочь.

Джардир скрипнул зубами. Он хотел Инэверу, но, как и предупреждал Хеват, она была дама'тинг, и он не мог просто взять ее, как любую другую женщину. Он открыл рот и снова захлопнул.

Она действительно бросает кости по любому поводу? Иногда казалось, что Инэвера выдумывает предсказания, чтобы он плясал под ее дудку, но она еще ни разу не ошиблась, и ему действительно нужны сыновья, чтобы вернуть роду Джардира былое величие. В конце концов, какая разница, которую жену взять? Со спины Эвералия довольно привлекательна.

Он направился в спальню, на ходу срывая одежду.

Они ждали.

Битва бушевала на внешних уровнях, воздушные демоны визжали в небе. Они ждали.

Другие воины отправлялись к Эвераму в блеске славы. Они ждали.

— Алагай не видно, — доложил Шанджат, дав ответный сигнал най'шарумам на стене.

— И не будет видно! — прорычал Хасик.

Люди Джардира заворчали в знак согласия. Пятьдесят лучших воинов Каджи скорчились в засаде. Без толку.

— Еще не поздно обрести славу, если присоединимся к другим отрядам, — заметил Джурим.

Джардир знал, что должен задушить идею в зародыше, пока она не укоренилась в умах его воинов. Он ударил Джурима тупым концом копья между глаз, сбив на землю.

— Я лично заколю любого, кто посмеет оставить пост без моего приказа, — громко произнес он. Джурим пытался встать, держась за окровавленное лицо. Воины закивали.

Джардир взглянул на свой отряд — лучших даль'шарумов Копья Пустыни — и испытал нестерпимый стыд. Шарум ка завидует ему, а страдают его люди. Воины, рожденные и обученные убивать алагай, не могут выполнять свой долг из-за цепляющегося за власть старика. Джардир в который уже раз представил, как убивает первого бойца, в честной

схватке или нет, но поступить так было недостойно и к тому же наверняка стоило бы ему жизни, а его сыновьям — наследства.

В этот миг прогудел рог, и Джардир встрепенулся. Сигнал означал зов на помощь.

— Дозорные! — крикнул он, и вперед вышли двое часовых из его отряда, Амкаджи и Колив.

Они мигом соединили концы своих двенадцатифутовых, подбитых железом лестниц и бросились к стене. Едва Амкаджи прислонил лестницу, как Колив уже взбирался по ней, перескакивая через две ступеньки. Казалось, он отрывает ноги от ступенек, не успевая толком опереться. Через мгновение он стоял на стене и озираал окрестности. Еще через миг подал знак, что Джардир может подниматься.

Джардир настороженно отнесся к дозорным, когда принял командование отрядом, поскольку они были из другого племени — Кревах. Но вскоре он узнал их ближе и понял, что Амкаджи и Колив верны ему и преданы алагай'шарак ничуть не меньше его соплеменников. Кревахи служили Каджи столь же верно, сколь их заклятые соперники, Нанджи, повиновались Маджах.

По закону два дозорных сопровождали отряд Джардира днем и ночью, поскольку их учили обращению с редкими видами оружия и редким боевым искусствам. Для любого кай'шарума их умения ценились на вес золота. Акробатика. Разведка. Молниеносная атака.

Убийство.

Пока Амкаджи держал лестницу, Джардир и Шанджат поднялись на стену. Колив протянул Джардиру свой дальнозор.

— Племя Шарах, четвертый уровень, — указал он.

— Разузнай, — велел Джардир, и Колив ловко убежал по узкой стене. Дозорных не обременяли ни копья, ни щиты, и вскоре Колив пропал из виду.

— Шарах — маленькое племя, — заметил Шанджат. — Они и двух дюжин воинов на алагай'шарак не выставляют. Только глупец мог отправить такой маленький отряд на четвертый уровень.

— Глупец вроде шарум ка, — согласился Джардир.

Через мгновение вернулся Колив:

— Несколько алагай добрались до них и миновали яму. Много воинов убито. Подкрепления ждать неоткуда, поблизости все слишком заняты. В считанные минуты все будет кончено.

Джардир скрипнул зубами:

— Нет, не будет. Собирай отряд.

Шанджат положил руку ему на плечо.

— Шарум ка велел охранять десятый уровень, — напомнил он. Джардир молча кивнул, и Шанджат расплылся в улыбке.

— Нам ни за что не добраться до четвертого уровня вовремя, кай'шарум, — предупредил Колив, пристально разглядывая Лабиринт. — Повсюду кипят схватки. Путь не свободен.

— Тогда спускай веревки, — приказал Джардир. — Всем подняться на стену!

Они бежали по стенам, как най'шарумы: пятьдесят взрослых воинов в полном боевом облачении. Рискованное занятие для босых гибких мальчишек, одетых только в бидо, и еще более опасное — для вооруженных мужчин в сандалиях и тяжелых доспехах.

Но это были даль'шарумы Каджи, отборные воины Джардира. Они мчались бесстрашно и ухали от восторга, прыгая со стены на стену. Ночной ветер хлестал им в лица, и казалось, они снова стали мальчишками, готовясь умереть как мужчины.

Джардир бежал впереди и чувствовал это особенно остро. Шарум ка будет вне себя, но, побери его Най, он не позволит умереть целому племени, чтобы потешить гордость первого бойца!

По стенам они достигли отряда Шарах за считанные минуты, в несколько раз быстрее, чем добирались бы по Лабиринту. В засаде оказалось больше дюжины алагай. Демоны отрезали все пути к спасению. Не меньше половины шарахов пали, а уцелевшие держали оборону спина к спине, щит к щиту. Демоны наступали со всех сторон.

Шарахи отважно противостояли превосходящим силам алагай, и сердце красийца наполнилось гневом. Сегодня больше не умрет ни один даль'шарум!

— Шарахи, мужайтесь! — крикнул Джардир. — Каджи пришли вам на помощь!

Он первым зацепил крюк, сбросил веревку в засаду и спустился на двадцать футов всего за два стремительных прыжка. Он даже не стал дожидаться своих людей, а ринулся на песчаного демона с меченым щитом и отбросил тварь от слабеющего круга шарахов.

Джардир не стал добивать оглушенного демона и пошел на следующего, осыпая его точными ударами копья в уязвимые места. Позади раздался рев пятидесяти доблестных воинов, посыпавшихся со стены, и Джардир понял, что может не опасаться за тыл.

— Эверам видел, как доблестно вы бились, брат мой! — крикнул Джардир кай'шаруму шарахов, белое покрывало которого покраснело от крови. — Позаботься о раненых! Мы довершим то, что вы доблестно начали, и проследим, чтобы шарахи вышли на бой следующей ночью!

Третий демон, на которого напал Джардир, повернулся к нему и цапнул зубами копые, расщепив дерево. От удара Джардир потерял равновесие, и тварь подцепила лапой край его щита. Алагай согнул жилистую руку, и лямки щита лопнули. Джардир грохнулся на землю и метнулся в сторону, увертываясь от чудовища. Мгновение преимущество было на стороне демона, но кай'шарум шарахов врезал твари в бок, отшвырнув ее в сторону.

— Шарахи будут биться до конца, брат! — крикнул кай'шарум, однако песчаный демон оправился от удара, хлестнул воина хвостом и присел перед смертоносным прыжком.

Джардир огляделся. Все его воины сражались, и оружия поблизости не было.

«Я рожден, чтобы умереть на когтях алагай», — напомнил он себе, с рычанием вскочил и перехватил песчаного демона в воздухе, когда тот прыгнул на кай'шарума шарахов.

Демон был намного сильнее, но сражался, повинуюсь инстинкту, не ведая о жестоком искусстве шарусака. Джардир схватил его за лапу и развернулся, направив силу прыжка в другую сторону. Тварь пролетела пятнадцать футов и с воем упала в яму посередине засады. Солнце сожжет ее дотла.

На него набросился еще один песчаный демон, но Джардир со всей силы ударил его в шею, подсек под колени и прижал к земле. Он обратил силу бьющегося алагай против него самого, уворачиваясь от клыков и когтей.

Шершавые плашки брони демона рвали ткань, резали кожу. Напряженные до предела мышцы изнемогали от боли, но Джардир дюйм за дюймом продвигался за спину демона, пока не завершил захват и не встал. Он был выше алагай и легко оторвал чудовище от земли, пропустив руки ему под мышки и сцепив на затылке. Демон бился и верещал, но Джардир, шатаясь и стараясь держаться подальше от задних лап, потащил его к яме.

Он с криком швырнул второго демона в яму и радостно отметил, что его воины уже загнали в нее большинство алагай. Дно превратилось в мешанину чешуи и когтей; вырезанные на стенах метки яростно сверкали от попыток тварей выбраться наружу.

— Я люблюю, как вас спалит солнце! — крикнул Джардир.

Лицо его горело победным румянцем. Он повернулся, чтобы броситься в бой, но оказалось, что сражаются всего несколько человек и помощь им не нужна.

Остальные воины смотрели на него во все глаза.

Остаток ночи Джардир и кай'шарум шарахов простояли дозором над ямой с алагай. Остальные воины сгрудились рядом, и когда лучи солнца упали в яму, все торжественно закричали. Демоны с визгом задымились и наконец вспыхнули жарким пламенем. Люди с радостью смотрели, как свет Эверама обращает их в ничто, из которого они явились.

Джардир и другие шарумы опустили покрывала, как полагалось с рассветом. Днем шарахи, вассалы маджахов, были кровными врагами Каджи. Джардир настороженно смотрел на кай'шарума. Обратиться друг против друга на нейтральной территории Лабиринта — позор для обоих, но подобное случалось не так уж и редко.

Однако командир шарахов поклонился:

— Мои люди перед тобой в кровном долгу.

Джардир покачал головой:

— Мы лишь повиновались воле Эверама. Ни один даль'шарум не оставит брата в беде, а ночью все мужчины — братья.

— Я видел, как шарум ка отправил тебя на десятый уровень вместо нас. Ты проделал немалый путь и многим рисковал.

Другие воины покидали горящие ямы и натыкались на них, выходя из Лабиринта. Два кровных врага стояли бок о бок. Начала собираться толпа, и Джардир слышал возбужденные разговоры. Его люди и шарахи захлеб рассказывали, как он сражался с алагай голыми руками. История обрастала все новыми подробностями, и вскоре уже утверждали, будто он убил пять демонов. Джардир и прежде видел, как воины преувеличивают заслуги. К вечеру окажется, что он отправил в яму дюжину алагай, а через месяц их станет полсотни.

К нему подошел кай'шарум маджахов:

— От имени Маджах благодарю тебя, что защитил шарахов. Шарум ка поступил... неосмотрительно, подвергнув их подобной опасности.

Слова воина граничили с изменой, но Джардир лишь кивнул:

— Шарахи были на высоте. Инэвера, они будут жить и сражаться.

— Инэвера. — Маджах поклонился ниже, чем одному кай'шаруму должно склоняться перед другим. — Ты правда бросил шесть демонов в яму голыми руками?

Джардир покачал головой и открыл было рот, чтобы ответить, но не успел. Элитная стража шарум ка ворвалась в Лабиринт, расчищая дорогу для первого бойца.

— Ты ослушался приказа и оставил пост! — Шарум ка указал на Джардира.

— Шарахи позвали на помощь, а мы были свободны, — ответил Джардир. — В Эведжахе сказано, что в первую очередь мы должны защищать своих братьев в ночи.

— Не цитируй мне священную книгу, — отрезал шарум ка. — Я читал ее своим сыновьям, когда твой отец ходил в бидо, и намного лучше тебя знаю великие истины! В Эведжахе не сказано лазить по стенам Лабиринта, бросать уровень без охраны и защищать другую половину Лабиринта.

— Без охраны! — хохотнул Джардир. — Демонов не было и на восьмом, не говоря уже о десятом!

— Надо выполнять приказы, а не искать чужой славы, кай'шарум! — крикнул шарум ка.

Джардир не сдержался:

— Надо сражаться, чтобы отдавать мудрые приказы, а не прятаться во дворце до рассвета! — Он прекрасно понимал, что с тем же успехом мог бы замахнуться копьем. Подобного оскорбления первый боец не потерпит. Если он хоть немного мужчина, то схватит копье, бросится на Джардира и убьет его у всех на виду.

Но шарум ка был стар, а вокруг шептались, как Джардир уложил полдюжины демонов одним шарусаком. Джардир не мог напасть на первого бойца, но если шарум ка бросится на него, Джардир сможет убить его и освободить место во дворце... быть может, для себя самого. Не эту ли судьбу предсказали кости Инэверы много лет назад?

Они смотрели друг другу в глаза, и Джардир знал, что шарум ка думает о том же и боится нападать. Джардир насмешливо хмыкнул.

— Арестовать его! — приказал шарум ка. Стражники немедленно повиновались.

Джардиру связали руки. Он не сопротивлялся унижению, лишь скалил зубы. Воины недовольно заворчали, даже маджахи. Они крепче ухватили копья и подняли щиты, многократно превосходя числом стражников первого бойца.

— Что такое? — крикнул шарум ка толпе. — Стоять!

Но ропот лишь усилился. Воины заблокировали выходы из Лабиринта. Шарум ка неуверенно шагнул назад. Джардир посмотрел ему в глаза и улыбнулся.

— Не надо, — громко произнес Джардир, не сводя глаз с шарум ка. — Шарум ка приказал, и шарумы должны подчиниться. Мою судьбу решит Эверам.

Ворчание немедленно стихло, воины расступились, но ярость шарум ка лишь удвоилась при виде власти Джардира над людьми. Джардир еще раз усмехнулся, пытаясь его раззадорить.

— Увести его! — крикнул шарум ка.

С гордо выпрямленной спиной Джардир пошел в сопровождении стражников через Лабиринт.

Во дворце андраха Джардира встретила Инэвера.

Неужели и об этом дне она знала заранее?

Когда Инэвера подошла, стражники усилили хватку, но не потому, что опасались сопротивления Джардира. Их пугала Инэвера.

— Оставьте нас, — приказала Инэвера. — Скажите своему хозяину, что мой муж встретится с ним в приемных покоях андраха через час.

Стражники немедленно отпустили Джардира и поклонились.

— Как прикажет дама'тинг, — пробормотал один, и стражники поспешно удалились. Инэвера фыркнула и достала меченый клинок, чтобы перерезать пути.

— Ты хорошо проявил себя ночью, — прошептала она на ходу. — Продолжай в том же духе. На приеме у андраха провоцируй шарум ка словом, но не делом. Разозли его, но не дай повода напасть на тебя.

— Как бы не так, — хмыкнул Джардир.

— В Лабиринте же получилось, — осадил его Инэвера. — Теперь это особенно важно.

— Ты все видишь, — признал Джардир, — но ничего не понимаешь, если думаешь, что

я склонюсь перед этим человеком. В Лабиринте я пытался вынудить его напасть.

Инэвера пожала плечами:

— Поступай как знаешь, но не сходи с места и не размахивай руками. Сам он напасть не посмеет, но если ты сделаешься опасен, его люди тебя прикончат.

— Считаешь меня дураком?

Инэвера фыркнула:

— Просто разозли его. Остальное инэвера.

— Как прикажет дама'тинг, — вздохнул Джардир.

Инэвера кивнула. Они дошли до заваленного подушками зала ожидания.

— Жди здесь, — приказала она. — Мне нужно встретиться с андрахом наедине перед твоим испытанием.

— Испытанием? — переспросил Джардир, но она уже выскользнула из комнаты.

Джардир никогда еще не видел андраха так близко. Его лицо оказалось старым и изборожденным морщинами, в бороде не было ни единого черного волоса. Складки жира выдавали обжору. Его тучность была отвратительна, и Джардиру пришлось напомнить себе, что когда-то этот человек был величайшим мастером шарусака и победил в бою самого искусного Дамаджи, чтобы сесть на Трон черепов. В дни, проведенные под храмом Шарик Хора, Джардир видел, как Дамаджи Каджи, Амадэверам, старик лет шестидесяти, уложил в круге шарусака с полдюжины молодых и искусных дама.

Он присмотрелся к движениям андраха, но не нашел никаких следов бывшего мастерства. Очевидно, он обленился, полагаясь на верных стражников и слуг. Даже сейчас рядом с ним стояло блюдо со сладкими финиками.

По правую руку от андраха высились двенадцать Дамаджи — лидеры племен Красии в белых одеяниях и черных тюрбанах. Они приглушенно ворчали, что их оторвали от дел и притащили во дворец, хотя едва рассвело. По левую руку от андраха, в двух шагах позади трона, стояли Дамаджи'тинг. Как и на Дамаджи, на них были черные платки и покрывала, резко контрастировавшие с белыми одеждами. В отличие от Дамаджи, они безмолвствовали, но взгляды их пронзали насквозь.

«Им тоже известна моя судьба? — Джардир покосился на свою дживах ка, стоявшую рядом. — Или они знают только то, что им говорит Инэвера?»

— Сын Хошкамина, — поприветствовал Джардира Дамаджи Амадэверам, — расскажи нам свою версию ночных событий.

Он был Каджи и первым министром андраха — возможно, самым могущественным священником Красии после андраха. Считалось, что андрах представляет все племена, но Джардир знал из уроков, что должности шарум ка и первого министра уже несколько столетий занимают соплеменники андраха. Иное расценили бы как слабость.

Шарум ка нахмурился. Он явно ожидал, что ему предложат изложить свою версию первым. Он бросился к накрытому для него чайному столику и схватил чашку. Пар выдавал, что руки старика дрожат.

— Вчера вечером на ужине с кай'шарумами шарум ка, как обычно, отдавал приказы, — начал Джардир. — Мои люди отважно сражались по ночам и рвались в бой, чтобы отправить пеплом к Най еще больше алагай.

Дамаджи кивнул.

— Ваши успехи не остались незамеченными, — заверил он. — Учителя из Шарик Хора

хорошо отзываются о тебе. Продолжай.

— Мы с немалым разочарованием узнали, что нас отправят на десятый уровень. Не так давно мы стояли на первом и показывали солнцу сотне алагай за каждого погибшего бойца. Затем нас перебросили на второй, а потом и на третий. Мы не сочли это позором: славы хватит на всех и на нижних уровнях. Но вместо того чтобы переставить нас на четвертый уровень, шарум ка отправил туда шарахов, а нам отдал их обычное место на десятом.

Джардир заметил, как напрягся Дамаджи Кэвера из племени Шарах. Его задело, что «обычное место» его племени столь малочетно, или просто испугала внезапная перемена?

Джардир взглянул на Дамаджи'тинг, но их лица были закрыты, и он не знал, кто из них представляет Шарах. Впрочем, неважно; все они смотрели совершенно равнодушно.

— Воины Шарах отважны. Они приняли свое назначение с гордостью. Но шарахи не могут выставить на алагай'шарак много воинов. Даже если бы каждый сражался за двоих, — Джардир покосился на Кэверу, — а это чистая правда, у них недостаточно воинов, чтобы полностью заполнить засаду на четвертом.

Дамаджи шарахов кивнул, и Джардир испытал прилив облегчения.

— И как ты поступил? — спросил Амадэверам.

Джардир пожал плечами:

— Шарум ка отдал приказ, и мы повиновались.

— Лжец! — закричал шарум ка. — Ты оставил свой пост, верблюжий ублюдок!

Никто не смел называть Джардира верблюжьим ублюдком с тех пор, как он сломал Хасика, и воин был глубоко оскорблен. Ему захотелось броситься через комнату и убить шарум ка на месте, хотя это сулило мгновенную смерть от рук стражников андраха. Вместо этого он открылся оскорблению, и оно прошло насквозь, оставив холодную, ясную ярость.

— Мы провели полночи на десятом. — Джардир даже не повернул голову в сторону шарум ка. — Дозорные не видели алагай ни на нашем уровне, ни на девятом, ни на восьмом. И все же мы ждали.

— Лжец! — снова крикнул шарум ка.

На этот раз Джардир повернулся к нему:

— Ты был там, первый боец, чтобы оспаривать мои слова? Ты вообще был в Лабиринте?

Глаза шарум ка широко распахнулись, лицо исказилось от ярости. Справедливое обвинение оказалось сильнее любого удара. Шарум ка открыл рот, чтобы возразить, но в этот миг раздалось шипение андраха. Все повернулись к нему.

— Спокойствие, друг мой, — посоветовал андрах шарум ка. — Пусть говорит. Последнее слово останется за тобой.

В этот миг Джардир понял, насколько близки эти люди. Оба удерживали свои должности почти четыре десятилетия. Джардир в глубине души надеялся, что андраху все-таки нужен сильный шарум ка, но при виде столь жирной туши его охватили сомнения. Если андрах забыл путь воина, то разве станет порицать за то же самое своего верного шарум ка?

— Рог позвал на помощь, — продолжил Джардир. — Мы были не заняты, и я взобрался на стену, чтобы посмотреть, нельзя ли откликнуться на призыв. Но рог прогудел на четвертом, и между ними и нами бушевало множество схваток. Я уже собирался спуститься в Лабиринт, когда вернулся дозорный и сообщил, что шарахи приняли неравный бой и скоро исчезнут с лица земли.

Он помолчал.

— Все даль'шарумы готовы умереть в Лабиринте. Дюжина воинов, две дюжины, даже

сотня за ночь — ничто, ведь мы сражаемся во имя Эверам. И все же есть разница — потерять людей и потерять целое племя. Разве мог я стоять сложа руки?

— Ты сказал, путь был закрыт, — заметил Амадэверам.

Джардир кивнул:

— Но дозорный добрался до четвертого, и я вспомнил, как бегал по стенам со своими людьми най'шарумом. Я спросил себя: что такое умеют делать мальчишки, чего не могут мужчины? И мы побежали по стенам, молясь Эвераму, чтобы успеть вовремя.

— И что вы увидели на четвертом? — спросил Амадэверам.

— Половина шарахов полегла. Осталось не больше дюжины, и те были ранены. Им противостояло столько же алагай, а яма была открыта, и демоны успешно огибали ее.

Джардир снова посмотрел на Дамаджи шарахов.

— Оставшиеся воины храбро сражались. Это поистине достойные потомки Шараха, соратника самого Шар'Дама Ка.

— А потом? — поднажал Дамаджи.

— Мы объединились со своими братьями шарахами, побросали алагай в яму и показали им солнце.

— Говорят, ты уничтожил несколько демонов при помощи одного шарусака, — с явной гордостью заметил Амадэверам.

— Только двух. — Джардир знал, что его жена хмурится под покрывалом, но ему было все равно.

Он не станет лгать своему Дамаджи и стяжать несправедную славу.

— И все же это настоящий подвиг, — возразил Амадэверам. — Песчаные демоны во много раз сильнее человека.

— В Шарик Хора меня научили, что «сила» — относительное понятие, — поклонился Джардир.

— Все равно он предатель! — огрызнулся шарум ка.

— Кого это я предал? — поинтересовался Джардир.

— Я отдал приказ!

— Идиотский приказ! Приказ впустую потратить силы лучших воинов и обречь Шарах на гибель! Но тем не менее я повиновался.

Дамаджи Маджах, Альэверак, шагнул вперед. Он был древним стариком, старше даже Амадэверам, но стройным, высоким и прямым, как копьё, хотя ему было почти семьдесят лет.

— Единственный предатель здесь — ты! — рявкнул Альэверак на шарум ка. — Твое дело — печься обо всех шарумах Краси, но ты готов был принести Шарах в жертву, лишь бы прижать соперника!

Шарум ка шагнул к Дамаджи, но Альэверак не испугался, а выступил вперед и принял стойку шарусака. В отличие от Джардира, простого кай'шарума, Дамаджи мог бросить вызов шарум ка и убить его, освободив место.

— Довольно! — крикнул андрах. — По местам!

Мужчины повиновались, в знак покорности опустив глаза.

— Я не потерплю, чтобы вы дрались в моем тронном зале, как... как...

— Мужчины? — подсказала Инэвера.

Джардир едва не задохнулся от такой дерзости, но андрах лишь нахмурился и промолчал.

Андрах устало вздохнул, и Джардир увидел, как давят на властителя годы. Он молча взмолился Эвераму, чтобы дал ему умереть молодым.

— Не вижу здесь преступления, — наконец произнес андрах и выразительно посмотрел на маджахов. — Ни с той ни с другой стороны. Шарум ка отдавал приказы, как и положено, а кай' шарум принял решение в гуще боя.

— Он оскорбил меня перед моими людьми! — крикнул шарум ка. — Уже за это я вправе требовать его смерти!

— Не совсем так, шарум ка, — возразил Амадэверам. — За оскорбление ты вправе убить его собственноручно, а не требовать его смерти. Никто бы слова поперек не сказал. Позволь спросить, почему ты его пощадил?

Шарум ка ловил воздух ртом, пытаясь придумать ответ. Инэвера незаметно подтолкнула Джардира.

Джардир взглянул на нее. «Разве мы не победили?» — молча спросил он, но ее взгляд был холоден.

— Потому что он трус, — объявил Джардир. — Он недостаточно силен, чтобы защищать белый тюрбан, и потому прячется во дворце, посылая других воевать. Он ждет смерти, как хаффит, вместо того чтобы искать ее в Лабиринте, как шарум.

Шарум ка выпучил глаза, заскрежетал зубами, на его лице и шее вздулись вены. Джардир напрягся, ожидая атаки. Перед его мысленным взором промелькнули сотни способов расправиться со стариком.

Но в этом не было нужды. Шарум ка схватился за грудь и упал. На его губах выступила пена, он несколько раз дернулся и застыл.

— Ты знала, что это случится, — упрекнул Джардир, когда они остались наедине. — Знала, что, если я хорошенько его разозлю, его сердце не выдержит.

Инэвера пожала плечами:

— А если и так?

— Дура! — крикнул Джардир. — Бесчестно убивать человека таким способом!

— Придержи язык, — воздела палец Инэвера. — Ты пока не шарум ка и без меня им не станешь.

Джардир нахмурился, размышляя над ее словами. Его судьба — стать шарум ка? И если да, то можно ли изменить судьбу?

— Я даже кай' шарумом вряд ли останусь. Я убил друга андраха.

— Пустое, — коварно улыбнулась Инэвера. — Андрах... сговорчив. Место освободилось, а твою доблесть признают даже маджахи. Я смогу его убедить, что твое назначение пойдет ему только на пользу.

— Как?

— Предоставь это мне. У тебя и без того хватает забот. Когда андрах наденет на тебя белый тюрбан, объяви первым делом, что в знак единства хочешь взять по плодови́той жене из каждого племени.

Джардир был шокирован.

— Смешать кровь Каджи, первого Избавителя, с низкими племенами?

Инэвера ткнула его пальцем в грудь:

— Ты станешь шарум ка, если прекратишь вести себя как дурак и последуешь моему совету. Если ты свяжешь себя кровными узами со всеми племенами...

— Красия станет единой, как никогда прежде, — сообразил Джардир. — Можно предложить Дамаджи выбрать для меня невест, чтобы заручиться их благоволением.

— Нет, — возразила Инэвера. — Оставь это мне. Дело Дамаджи — политика. За Эверам выберут алагай хора.

— Вечно твои кости, — пробормотал Джардир. — Им и Каджи подчинялся?

— Это Каджи дал нам метки прорицания, — ответила Инэвера.

На следующий день Джардир вновь оказался в тронном зале андраха. Дамаджи зашептались, когда он вошел, а Дамаджи'тинг не сводили с него глаз, непроницаемые, как всегда.

Андрах сидел на троне, теребя белый тюрбан шарум ка. Властитель щелкнул по нему длинным крашеным ногтем, и под тканью звякнула сталь.

— Шарум ка был великим воином. — Андрах словно прочел его мысли. Он встал с трона, и Джардир немедленно упал на колени и раскинул руки в знак покорности.

— Да, святейший владыко.

Андрах отмахнулся:

— Разумеется, ты не помнишь его таким. Когда ты надел бидо, он уже прожил дольше любого шарума и не мог сражаться с алагай лицом к лицу, как в юности.

Джардир склонил голову.

— Юнцы напрасно считают, что чего-то стоит лишь тот, кто силен, — заметил андрах. — Меня ты тоже осуждаешь?

— Прошу прощения, святейший владыко, но ты не шарум. Шарумы — твои руки в ночи, и эти руки должны быть сильными.

Андрах хмыкнул:

— А ты смел. Впрочем, иначе бы не женился на дама'тинг.

Джардир промолчал.

— Ты нарочно его злил, чтобы вызвать на бой, — упрекнул андрах. — Очевидно, ты считал, что это достойная мужчины смерть.

Джардир и тут ничего не сказал.

— Но на его месте напал бы лишь глупец. А Эверам не выносит глупцов.

— Да, святейший владыко.

— И вот он мертв. Мой друг, отважный воин, показавший солнце бесчисленным полчищам алагай, позорно лежит на полу, потому что ты не выказал ему заслуженного уважения!

Джардир с трудом сглотнул. Казалось, андрах вот-вот ударит. Все шло не так, как обещала Инэвера, и ее вдобавок почему-то не было в зале. Он огляделся в поисках поддержки, но все Дамаджи смотрели в пол, пока андрах говорил, а Дамаджи'тинг глядели на Джардира как на клопа.

Андрах вздохнул и словно сдулся. Он побрел обратно к трону и грузно опустился на него.

— Больно видеть, как человек, овеянный славой в жизни, умирает с таким позором. Сердце мое вопиет о мщении, но шарум ка мертв, и глупо было бы не обращать внимания, что впервые за несколько столетий Дамаджи сошлись во мнениях насчет его преемника.

Джардир снова посмотрел на Дамаджи. Возможно, ему показалось, но Амадэверам как будто слегка кивнул.

— Ты станешь шарум ка, — сухо произнес андрах. — Ночь будет принадлежать тебе.

Джардир раскинул руки, подался на коленях вперед и приложился лбом к толстому ковру перед троном.

— Я буду твоей сильной рукой в ночи, — пообещал он.

— Я объявлю о твоём назначении в Шарик Хора сегодня вечером. Можешь идти.

Джардир еще раз коснулся лбом пола, памятуя наставления Инэверы. Дамаджи уже начали переговариваться. Сейчас или никогда.

— Владыко... — начал он.

Андрах с раздражением вновь посмотрел на него.

— Прошу твоего благословения и благословения Дамаджи взять по плодови́той жене от каждого племени в знак единства шарумов.

Андрах и Дамаджи выпучили глаза. Даже Дамаджи'тинг пошевелились с внезапным интересом.

— Необычная просьба, — наконец произнес андрах.

— Необычная? — вспыхнул Амадэверам. — Неслыханная! Ты Каджи! Я не благословлю твой брак с какими-то...

— И не надо, — улыбнулся Альэверак. — Я охотно проведу церемонию, если шарум ка пожелает взять в жены Маджах.

— Конечно, ты с удовольствием разбавишь чистую кровь Каджи! — прорычал Амадэверам, но Альэверак не поддался на провокацию и широко ухмылялся.

— Я тоже охотно благословлю брак с дочерью Шарах, — произнес Дамаджи Кэвера. Остальные Дамаджи наперебой заверили Джардира в своем одобрении. Каждому хотелось заручиться поддержкой при дворе первого бойца.

— Откажи ему! — Амадэверам повернулся к андраху.

— Я андрах, а не ты, Амадэверам. Если шарум ка желает единства и Дамаджи согласны, не вижу повода отказывать. Как и я, первый боец покидает свое племя, надевая тюрбан.

Он впервые повернулся к Дамаджи'тинг.

— Этот вопрос скорее в ведении женщин, чем тех, кто носит первое копьё, — обратился он ко всем Дамаджи'тинг сразу. — Что вы ответите на это предложение?

Женщины повернулись к мужчинам спинами и сгрудились. Разобрать приглушенный жаркий шепот было невозможно. Они быстро договорились и снова поворотились к андраху.

— Дамаджи'тинг не возражают, — ответила одна.

Амадэверам нахмурился. Джардир понимал, что разозлил Дамаджи — быть может, непоправимо, но сейчас ничего не мог поделать. У него уже есть три жены Каджи, в том числе дживах ка. Хватит.

— В таком случае, договорились, — произнес Альэверак. — Моей внучке всего четырнадцать, шарум ка. Она прекрасна и не знает мужчин. Она родит тебе сильных сыновей.

Джардир низко поклонился:

— Прошу прощения, Дамаджи, но выбирать невест будет моя дживах ка. Она бросит алагай хора, чтобы заручиться благословением Эверама для каждого союза.

Дамаджи'тинг снова зашептались, и широкая ухмылка Альэварака, как и многих других Дамаджи, мгновенно увяла, но отказываться от своих слов было поздно. Амадэверам перестал хмуриться и самодовольно надулся.

— Довольно твердить о невестах! — рывкнул андрах. — Твоя просьба будет исполнена,

шарум ка. А теперь уходи, довольно баламутить мой двор!

Джардир поклонился и вышел.

— С ума сошел? — спросил Амадэверам. Джардир не успел покинуть дворец андраха, как старый Дамаджи догнал его и затащил в чьи-то личные покои.

— Разумеется, нет, мой Дамаджи.

— Похоже, «твоим» мне недолго осталось быть.

Джардир пожал плечами:

— Я все равно буду подчиняться совету Дамаджи, который говорит твоим голосом. Но шарум ка должен представлять воинов всех племен.

— Шарум ка не представляет воинов, он руководит ими! — крикнул Амадэверам. — То, что ты Каджи, доказывает, что Эверам хочет, чтобы Каджи правили! Тебе не удастся осуществить этот безумный план.

— Удастся, на благо всей Красии. Я не стану твоей марионеткой, как предыдущий шарум ка. Сила воинов — в единстве. Породниться с ними — только один способ заслужить их преданность.

— Ты отворачиваешься от собственного племени!

— Я поворачиваюсь к другим племенам. Заклинаю, повернись к ним со мной.

— К нашим кровным врагам? — ужаснулся Амадэверам. — Я лучше с позором умру!

— Во времена Каджи было только одно племя, — напомнил Джардир. — В жилах наших кровных врагов течет наша кровь.

— Ты не потомок Каджи. — Амадэверам сплюнул Джардиру под ноги. — Кровь Шар'Дама Ка превратилась в твоих жилах в верблюжью мочу.

Лицо Джардира потемнело. Быть может, напасть на Дамаджи? Амадэверам — великий мастер шарусака, но Джардир моложе, сильнее и быстрее. Он сможет убить старика.

Но он пока не шарум ка. Убить Амадэвераму — спутать планы Инэверы и лишиться Трона копий.

«Неужели я обречен вечно побеждать без чести?» — спросил он себя.

— Шарум ка мертв! — крикнул андрах воинам, собравшимся в Шарик Хора. Шарумы, заполнявшие скамьи великого храма, в ответ завывали, застучали копьями по щитам. Оглушительная какофония должна была возвестить Эвераму пришествие первого бойца.

— Но мы не покоримся ночи, как северяне! — крикнул андрах, когда шум стих. — Мы красийцы! Потомки самого Шар'Дама Ка! И мы будем воевать, пока не вернется Избавитель или пока копьё не выпадет из рук последнего най'шарума, а Красию не поглотят пески!

Воины с гиканьем затрясли копьями.

— И потому я выбрал нового шарум ка, который поведет вас на алагай'шарак, — продолжил андрах. — Будучи най'шарумом, он стал най ка и поднялся на стены в двенадцать — раньше всех за сотню лет! Не прошло и полугода, как он поймал сеть воздушного демона, который убил его дозорного и сбил с ног наставника. За это он ступил в шатер Каджи — самым юным со времен Возвращения! Он так отважно сражался в свою первую ночь на алагай'шарак, что его отправили в Шарик Хора, где он пять лет учился у дама, чтобы впервые надеть черное уже кай'шарумом, самым молодым со времен самого Избавителя!

Каджи зашептались. Они хорошо знали об успехах Джардира. Андрах мгновение помолчал, чтобы слушателей охватило возбуждение, и продолжил.

— Две ночи назад он отважно повел своих воинов на спасение шарахов, которым грозила неминуемая гибель. Он убивал алагай голыми руками, пока его воины еще готовили копья!

Шепотки превратились в гудение. Все мужчины, женщины и дети Красии уже слышали эту историю.

— Ахман асу Хошкамин ам'Джардир ам'Каджи, встань перед Троном черепов! — повелел андрах.

Джардир вышел в своем черном одеянии шарума, с обнаженной головой, под радостные крики воинов и грохот копий о щиты.

Инэвера молча встала рядом. Джардир подошел к Трону черепов, пал ниц, затем поспешно встал на колени, положил перед собой Эведжах андраха и вжался в него лбом. Священная книга была написана кровью даль'шарумов на пергаменте из кожи кай'шарумов и переплетена в кожу шарум ка. Если он солжет, она прожжет ему лоб.

— Ты служишь Эвераму во всем? — спросил андрах.

— Да, святейший владыко, — поклялся Джардир.

— Ты будешь Его сильной рукой в ночи? Обещаешь почитать троны Шарик Хора?

— Да, святейший владыко.

— Ты готов вести алагай'шарак, пока не вернется Шар'Дама Ка или сам не умрешь?

— Да, святейший владыко.

— Встань, — приказал андрах, высоко подняв белый тюрбан шарум ка, чтобы все его видели. — Ночь ждет своего первого бойца.

Джардир встал, и андрах повернулся к Инэвере. Он протянул ей тюрбан, и она возложила его на голову Джардира.

Шарумы взревели и застучали ногами, но Джардир не обращал на них внимания. Почему андрах сам не возложил тюрбан на его голову, как велит традиция? Почему уступил эту честь Инэвере?

— Хватит купаться в лучах славы, говори, — прошипела Инэвера.

Джардир вздрогнул, очнулся от размышлений и повернулся к собравшимся шарумам. Их было почти шесть тысяч копий. Не так давно было десять, но предыдущий шарум ка тратил жизни впустую. Джардир пообещал себе, что не станет этого делать.

— Мои братья в ночи, — начал Джардир. — Что за славное время для шарумов! Поодиночке племена Красии заставляют алагай дрожать от страха, а вместе мы покорим любые высоты!

Воины взревели, и Джардир подождал, пока воцарится тишина.

— Но я смотрю на вас и вижу разлад! — воскликнул он. — Маджахи сидят по другую сторону прохода от Каджи! Джама сторонятся Ханджинов! У каждого племени в этом зале найдутся враги! Мы должны быть братьями в ночи, но кто из вас вызвался помочь шарахам, которых становится все меньше?

Повисла тишина. Воины не знали, что отвечать. Они понимали, что шарум ка прав, но племенная вражда укоренилась слишком глубоко, чтобы легко от нее отказаться, даже если бы они хотели... а хотели не многие.

— Говорят, у шарум ка нет племени, но как по мне, это еще хуже! Кому хранит верность человек без племени? Эведжах учит, что единственная истинная верность — верность крови. И потому, — Джардир обвел рукой андраха и Дамаджи на их тронах, — я упробил наших вождей позволить разделить мою кровь с вами. С благословения андраха Дамаджи

согласились обвенчать меня с плодовитыми дочерьми всех племен. Они родят мне сыновей-шарумов, которым я буду верен до конца своих дней.

Воины потрясенно молчали. Затем зал взорвался одобрительным ревом всех племен, кроме Каджи. Очевидно, они думали, что Джардир не пренебрежет Эведжахом и останется верен родному племени, как все предыдущие шарум ка.

«Пусть обижаются, — подумал Джардир. — Я верну их любовь в Лабиринте».

— Итак, — провозгласил он, и в храме вновь воцарилась тишина, — как только моя дживах ка выберет невест, Дамаджи совершат свадебные обряды.

В этот миг Инэвера шагнула вперед, удивив Джардира не меньше, чем шарумов и их вождей. Она собирается заговорить? Еще ни одна женщина не открывала рот в Шарик Хора, даже дама'тинг.

Похоже, Инэвера любит нарушать устои.

— Ждать нечего, — громко произнесла она. — Невесты шарум ка, выйдите вперед!

У Джардира отвисла челюсть. Она уже выбрала его невест? Не может быть!

Но одиннадцать женщин взошли на великий алтарь Шарик Хора и опустились на колени перед изумленными Дамаджи своих племен. Джардир увидел их, и у него засосало под ложечкой.

Все они были дама'тинг.

Дворец шарум ка был меньше дворца Каджи, но во втором жили десятки кай'шарумов, дама и их семьи, а первый безраздельно принадлежал Джардиру. Он вспоминал годы, проведенные на грязной подстилке на каменном полу переполненной Каджи'шарадж, и с изумлением взирал на окружающую роскошь. Повсюду мягкие ковры, бархат, шелк! Он ел с фарфоровых тарелок, таких тонких, что страшно прикасаться, и пил из золоченых кубков, украшенных драгоценными камнями. А фонтаны! Превыше всего в Красии ценилась влага, но даже в спальне его матери текла свежая и вкусная вода.

Он опрокинул Кашу на гору подушек, восхищаясь колыханием мягких грудей под прозрачной блузой. Ноги Кашы были окутаны такой же невесомой тканью, а обнаженное естество было гладко выбрито и надушено. Джардира охватила похоть, он навалился на жену и подумал, что двенадцать дама'тинг в доме — не такая уж страшная участь.

Каша из племени Шарах была любимой новой женой Джардира. Она почти не уступала красотой Инэвере, но была намного покорнее и раздвигала ноги по первому требованию. Ее живот был еще плоским, но за шесть недель брака она успела зачать сына — первого от его новых жен. Джардир знал, что пора набивать животы другим, укрепляя связи с племенами, но положение Кашы лишь подогрело его страсть. Инэвере, похоже, было все равно. К дживах сен из дама'тинг она была куда снисходительнее и не мешала Джардиру ложиться с кем вздумается. Ему нравилось держать Кашу при себе, ибо она была послушна, как подобает хорошей жене.

Каша со смехом повалила его на подушки и оседлала.

— Кости Эверамы, женщина! — воскликнул Джардир, когда она опустилась на него.

— Разве можно притворяться застенчивой на подушках с шарум ка? — Каша энергично подскакивала на нем. — Не далее как прошлой ночью сам андрах говорил о славе, которую ты снискал в Лабиринте. Принимать твое копьё — огромная честь.

Она наклонилась к нему, размеренно двигаясь.

— Иногда женщины вынашивают двух детей сразу, — прошептала Каша между

ароматными поцелуями. — Возможно, ты сможешь посеять во мне еще одного сына.

Джардир попытался ответить, но она засмеялась и заткнула ему рот полной грудью. Несколько долгих минут они потели и сплетались в единственной схватке, способной сравниться с алагай'шарак.

Когда все закончилось, Каша скатилась с Джардира и подняла ноги, чтобы удержать его семя.

— Ты была во дворце вчера вечером, когда я ушел, — помолчав, произнес Джардир.

Каша взглянула на него. На ее хорошеньком личике промелькнул страх, сменившийся холодной маской дама'тинг, которую он привык видеть на лицах жен, когда заговаривал о чем-то помимо любви и детей.

— Была.

— И когда же ты виделась с андрахом? Непраздным женщинам, даже дама'тинг, запрещено выходить из дворца по ночам.

— Я оговорилась. Это было другой ночью.

— Которой? Которой ночью ты выносила моего нерожденного сына из безопасного дворца без разрешения?

Каша выпрямилась:

— Я дама'тинг и не должна тебе ничего...

— Ты моя дживах! — взревел Джардир, и Каша задрожала от страха. — В Эведжахе сказано, что жены должны подчиняться, и исключений для дама'тинг нет!

Довольно и того, что Инэвера то и дело нарушает священный закон. Будь он проклят, если предоставит всем женам такую же власть! Он — шарум ка!

— Я не выходила за метки! — вскричала Каша, протянув к нему руки. — Клянусь!

— Ты солгала о словах андраха? — Джардир сжал кулак.

— Нет!

— Значит, андрах был здесь, в моем дворце?

— Прошу, не надо, мне запрещено об этом говорить, — смиренно опустила взор Каша.

Джардир грубо схватил ее и заставил посмотреть себе в глаза.

— Никто не смеет запрещать тебе что-то у меня за спиной!

Каша забилась, вырвалась из его хватки, потеряла равновесие и упала на пол. Она разразилась слезами, дрожа и закрывая лицо руками. Она выглядела такой хрупкой и испуганной, что ярость Джардира улеглась. Он опустился на колени и ласково положил руки ей на плечи.

— Ты моя самая любимая жена. Я прошу тебя лишь о верности. Клянусь, ты не понесешь наказания, если ответишь.

Она взглянула на него круглыми мокрыми глазами, и он отвел волосы с ее лица, смахнул большим пальцем слезы. Она отстранилась, глядя в пол, и заговорила так тихо, что он едва разобрал слова.

— Во дворце шарум ка не всегда бывает тихо по ночам, когда хозяин уходит на алагай'шарак.

Джардир задохнулся от злости:

— И когда во дворце снова не будет тихо?

Каша покачала головой и шмыгнула носом:

— Я не знаю.

— Так брось кости и узнай, — приказал Джардир.

Она в ужасе взглянула на него:

— Ни за что!

Джардир зарычал, в нем снова вскипела ярость, и он молча проклял день, когда женился на дама'тинг. Даже если бы Каша не носила его ребенка, Джардир не мог ее ударить, и она это знала. В бездне Най есть особое место для тех, кто поднимет руку на дама'тинг.

Но Джардир не станет подчиняться женам только потому, что не может научить их уморазуму, как велит Эведжах. Есть и другие способы ее напугать.

— Мне надоела твоя непокорность, дживах. Бросай кости, или я отправлю Шарах на первый уровень, и ночь поглотит твое племя. Мальчики закончат Ханну Паш хаффитами, а женщины станут подстилками младших племен.

Разумеется, он бы не сделал ничего подобного, но ей было незачем об этом знать.

— Ты не посмеешь! — ахнула Каша.

— С чего бы мне беречь честь твоего племени, если ты не бережешь мою?

Каша зарыдала, но достала мешочек из плотного черного войлока, какие дама'тинг всегда носили с собой. Он был привязан к ее талии ниткой разноцветных бус.

Джардир давно привык к ритуалу и задернул тяжелые бархатные занавеси, чтобы ни один луч солнца не нарушил чары и не испортил кости.

Каша зажгла свечу и со страхом посмотрела на мужа.

— Поклянись, — взмолилась она. — Поклянись, что никогда не расскажешь дживах ка, что я сделала это для тебя.

Инэвера. Разумеется, Джардир подозревал, что его первая жена играет главную роль во всех дворцовых интригах, и все же у него сжалось сердце. Он стал шарум ка, и все же недостойн знать ее планы.

— Клянусь Эверамом и кровью моих сыновей.

Каша кивнула и бросила кости. Глядя на их злобный свет, Джардир впервые задумался, действительно ли они говорят голосом Эверамы.

— Сегодня, — прошептала Каша.

Джардир кивнул:

— Убери кости и забудем об этом.

— А Шарах?

— Я никогда бы не обрушился на племя моего сына. — Джардир положил руку на ее живот.

Каша вздохнула и склонила голову ему на плечо. Ее тело обмякло от облегчения.

Когда солнце подошло к концу дневного пути, Джардир оставил спящую Кашу на груде подушек и надел свое черное одеяние и белый тюрбан. Он взял любимые копье и щит и спустился на ужин с кай'шарумами.

Они запивали пряное мясо холодной водой. Блюда подавали мать, жены-дама'тинг и сестры Джардира. Жены-дама'тинг наверняка прятались в тени и подслушивали, хотя никогда бы не снизошли прислуживать за столом, несмотря на свой статус дживах. Напротив Джардира сидел Ашан, его духовный советник. Шанджат, сменивший Джардира на посту кай'шарума его отряда, сидел по правую руку, Хасик, личный телохранитель, — по левую.

— Сколько мы потеряли прошлой ночью? — спросил Джардир за чаем.

— Четырех, первый боец, — ответил Ашан.

— Каджи потеряли четырех? — удивился Джардир.

Ашан улыбнулся:

— Нет, мой друг. Красия потеряла четырех. Двух воинов-наживок и двух дозорных. Все даль'шарумы увидели рассвет в блеске славы.

Джардир улыбнулся. С тех пор как он стал шарум ка, еженощные потери сократились, а демоны гибли сотнями.

— А алагай? Многие ли увидели солнце?

— Больше пяти сотен, — ответил Ашан.

Джардир засмеялся. В действительности и две набралось бы с трудом, поскольку каждое племя преувеличивало свои заслуги, но и это было прекрасным результатом, даже не снисвшимся предыдущему шарум ка.

— Племена на восьмом уровне так и не обрели славы, — сообщил Ашан. — Мы подумываем оставить ворота Лабиринта открытыми дольше, чтобы алагай хватило на всех.

Джардир кивнул:

— На десять минут. Если не хватит, завтра добавьте еще десять. Сегодня я буду осматривать новые скорпионы и камнеметы на стенах.

Ашан поклонился:

— Как прикажет шарум ка.

После ужина они отправились в Шарик Хора, где Дамаджи превознесли их успехи и даровали благословение на грядущую битву. Воины выступили в Лабиринт. Джардир задержал двоих своих помощников.

— Хасик, сегодня ночью ты наденешь белый тюрбан, — велел Джардир.

Глаза Хасика вспыхнули.

— Как прикажет шарум ка, — поклонился он.

— Ты, верно, шутишь! — воскликнул Ашан. — Позволить даль'шаруму изображать шарум ка значит нарушить наши священные клятвы!

— Вздор. В Эведжахе говорится, что Каджи часто играл в подобные игры, когда не хотел, чтобы о его передвижениях стало известно.

— Прошу прощения, первый боец, но ты не Избавитель, — заметил Ашан.

Джардир улыбнулся:

— Возможно. Но разве Шар'Дама Ка оставил нам Эведжах не в назидание?

Ашан нахмурился:

— А если Хасика разоблачат?

— Не разоблачат. В ночном покрывале пращники его не узнают, поскольку редко видят меня вблизи. Зато все увидят Хасика на стенах, и шарумы не заподозрят, что меня не было ночью в Лабиринте.

— Если ты ошибаешься, его казнят, — предостерег Ашан.

Джардир пожал плечами:

— Хасик убил сотни алагай. Если такова его судьба, он откроет глаза в раю.

— Я не боюсь, шарум ка, — заверил Хасик.

Ашан фыркнул.

— Только дураки ничего не боятся, — пробормотал он. — И куда ты пойдешь, пока все думают, будто ты на стене?

— А это мое дело. — Джардир забрал у Хасика черный тюрбан и повязал покрывало.

По ночам на улицах Форты Красии царил тишина. Все настоящие мужчины сражались,

а жалкие хаффиты, женщины и дети запирались в Подземном городе. Как и у других городских дворцов, у дворца шарум ка были собственные стены и метки, его нижние уровни в нескольких местах соединялись с Подземным городом. Ни один алагай не мог проникнуть во дворец, даже если бы прорвался сквозь внешние стены Красии, чего, насколько знал Джардир, никогда не случилось.

Джардир держался в тени, невидимый в своем черном одеянии даль'шарума. Если бы кто-то и оказался на улице, то не заметил бы его.

Ворота дворца были закрыты, но за годы в най'шарумах Джардир выучился лазать по стенам. Через мгновение он уже спрыгнул в темноту на другой стороне.

Он шел через двор. Казалось, все в порядке. Окна не горят, во дворце тишина. И все же слова Каши не давали ему покоя. «Во дворце шарум ка не всегда бывает тихо по ночам».

Джардир, как вор, крался по безмолвным темным коридорам собственного дома. Вот когда емугодились навыки преследования алагай в Лабиринте! Не шевельнулась даже занавеска, пока он одну за другой проверял приемные и залы, где могли собраться дерзкие нарушительницы условного часа... и никого не находил.

«Так и должно быть, — размышлял он. — Все на нижних уровнях и заперлись изнутри, как велит закон. Напрасно я пришел. Ашан прав. Я играю со своим долгом, чтобы удовлетворить любопытство. Мужчины умирают в ночи, пока я крадусь по собственному дому».

Он уже собирался уйти и вернуться в Лабиринт, когда услышал звуки в своей спальне. С каждым шагом шум становился все громче. Джардир заглянул за занавеску и увидел перед дверьми двух кай'шарумов в белых кушаках личной охраны андраха. Звуки усилились, и он узнал их.

Крики Инэверы.

В нем вспыхнула ярость, какой он и представить не мог. Он раскрошил кулаком позвоночник одному из кай'шарумов, прежде чем понял, что делает. Воин захрипел и упал на пол. Джардир раздавил ему горло пяткой, заставив замолчать.

Второй воин проворно развернулся. Подобным изяществом движений отличались скорее шарумы, обучавшиеся в Шарик Хора, но ярость Джардира не знала границ. Воин попытался схватить его, но Джардир поднырнул под раскинутые руки, зашел со спины, схватил кай'шарума одной рукой за подбородок, другой за затылок и свернул ему шею. Мертвец рухнул на ковер.

Джардир повернулся и с силой пнул дверь. Она была заперта изнутри, но он лишь скрипнул зубами и ударил еще раз, сбив засов. Дверь рухнула в комнату.

Увиденное поразило Джардира в самое сердце, он застыл как вкопанный. Он думал, что андрах удерживает Инэверу силой, навалившись на нее, но обнаженная распутница, напротив, скакала на толстяке, как Каша с утра — на Джардире. Андрах в ужасе вскинул взгляд, но не смог пошевелиться под сладостной тяжестью Инэверы. Она повернулась к Джардиру, и ему показалось, что уголки ее губ растянулись в ухмылке, пока она лишала его последних капель чести. Или у него просто помутнело перед глазами от ярости?

До сих пор его гнев пылал как раскаленная печь, но теперь разгорелся жарче пятого уровня бездны Най. Джардир бросился к стене и схватил короткое копьё. Когда он обернулся, андрах уже выбрался из-под Инэверы. Он стоял нагишом в спальне Джардира, его вялый член терялся в тени огромного живота. Джардир исполнился отвращения.

— Стой! Это приказ! — крикнул андрах, когда Джардир бросился на него, но воин не

обратил внимания и врезал толстяку по челюсти тупым концом копья.

— Даже ты не можешь отказать мужу в его законном праве! — крикнул Джардир, когда андрах грянулся об пол. — Сегодня ночью я окажу Красиисе услугу!

Он занес копьё, чтобы пронзить противника.

Инэвера схватила его за руку:

— Глупец! Ты все испортишь!

Джардир развернулся и врезал Инэвере по лицу. Женщина отлетела.

— Не переживай, неверная дживах. — Он снова повернулся к андраху. — Мое копьё найдет и тебя.

Он снова поднял копьё, и андрах заголосил, но в этот миг все стало оранжевым и алым. Неведомая сила ударила Джардира и отшвырнула от жертвы к стене. Пластинки из обожженной глины, вшитые в тяжелый боевой доспех, смягчили удар, но когда Джардир пришел в себя, его одежда горела. Он с криком сорвал ее.

Он посмотрел на Инэверу. В ее руках мерцал череп огненного демона, который она принесла на их первую встречу в Шарик Хора. Обнаженная, она бесстыдно стояла меж двоих мужчин, зная, что даже в такой миг ее красоте нет равных. В Джардире боролись ненависть и возбуждение.

— Хватит глупостей! — рявкнула она.

— Ты мне больше не указ, — огрызнулся Джардир. — Можешь спалить весь дворец, если хочешь, я все равно прикончу этого жирного борова и возьму тебя на его трупе!

Андрах заскулил, но Джардир львиным рыком заставил его замолчать.

Инэвера даже не вздрогнула. В другой руке она держала небольшой уголек. На нем вспыхнула метка, и Джардир понял, что это тоже алагай хора. Обугленный кусочек кости затрещал, с него слетела серебристая молния магии и поразила Джардира.

Джардир взмыл в воздух и ударился о стену. Его тело терзала невообразимая боль. Он попытался принять ее, но боль утихла так же быстро, как началась, оставив только слепой ужас. Он снова повернулся к Инэвере, но она опять воздела камень, и молния ударила во второй раз, а затем и в третий, прежде чем он успел встать. Он пытался подняться, но руки и ноги не слушались, мышцы сводили неукротимые судороги.

— Наконец-то мы друг друга поняли, — произнесла Инэвера. — Я — воля Эверам, и даже не пытайся со мной бороться. Если я легла в постель с жирным боровом, чтобы раздобыть тебе белый тюрбан, ты должен благодарить меня за принесенную жертву, а не пытаться все испортить.

— С жирным боровом? — возмущенно повторил андрах, с трудом вскарабкавшись на ноги. — Я...

— ...жив только благодаря мне. — Инэвера подняла череп демона. Из его пасти вырвались языки пламени, и андрах побледнел. — Мне было нужно, чтобы ты поддерживал Джардира, пока он не завоюет сердца шарумов и Дамаджи других племен, но Каша в тяжести, и шарумы увидят, что он брат им не только ночью, но и днем. Теперь ты от него не избавишься.

— Я — андрах! — крикнул толстяк. — Этот дворец сровняют с землей по мановению моей руки!

Инэвера засмеялась:

— Хочешь устроить гражданскую войну? И даже если ты убьешь Ахмана, как насчет его жен-дама'тинг? Изнасилуешь и убьешь их, как велит обычай? В Эведжахе ясно сказано, что

случится с любимым, кто осмелится причинить вред дама'тинг.

Андрах нахмурился, не зная, что ответить.

— Врата рая закрылись. — Инэвера прикрыла наготу шелковым покрывалом. — Возможно, они откроются еще раз, когда мне понадобится, чтобы ты сделал объявление, а может, я отправлю Ахмана написать его твоей кровью. Но до тех пор держи свое сморщенное старое копьё у себя во дворце.

Андрах сгреб свою одежду и гольшом выбежал из комнаты.

Инэвера подошла к Джардиру и встала рядом с ним на колени. Кусочек кости демона, с помощью которого она метала молнии, рассыпался, и она задумчиво смахнула пепел с руки.

— Ты сильный, — заметила она. — Немногие способны встать после одного такого удара, не говоря уже о трех. Сегодня вырежу кусок побольше.

Она погладила мужа по волосам и щеке.

— Любовь моя, — печально сказала она. — Как жаль, что ты это видел.

Джардир боролся с языком, который распух и едва помещался во рту.

— Зачем? — наконец прохрипел он.

Инэвера вздохнула:

— Андрах собирался казнить тебя за позорную гибель друга. Я сделала то, что нужно, чтобы спасти тебе жизнь и наделить тебя властью. Не переживай. Скоро ты сядешь на его трон и тогда отрежешь ему мужские принадлежности собственными руками, если пожелаешь.

— Ты... — захрипел Джардир и с трудом сглотнул, чтобы смочить язык, но даже это было выше его сил.

Инэвера встала, принесла ему воды, полила на губы и растерла шею, помогая сглотнуть. Она промокнула ему рот своим шелковым покрывалом, обнажив одну грудь. Джардир поразился, что по-прежнему желает ее, но сомнений быть не могло.

— Ты знала, что до этого дойдет, когда заставила меня убить шарум ка? — Он снова попытался пошевелить руками и ногами, но безуспешно.

Инэвера вздохнула:

— Ты прожил всего двадцать зим, любовь моя, но даже ты помнишь времена, когда у Красии было десять тысяч даль'шарумов. Самый старый Дамаджи помнит, как их было в десять раз больше, а в древних свитках говорится, что до Возвращения нас были миллионы. Наш народ умирает, Ахман, потому что у него нет вождя. Ему нужен не просто сильный шарум ка, не просто могущественный андрах. Ему нужен Шар'Дама Ка, пока Най не развеяла над песками прах последнего красийца.

Инэвера умолкла и отвела глаза. Похоже, она тщательно подбирала слова.

— Я не спрашивала кости, увижу ли тебя еще раз, той первой ночью, — призналась она. — Я спросила, есть ли во всей Красии мужчина, который способен спасти нас от прозябания и повести обратно к славе, и кости указали на мальчика, которого я найду плачущим в Лабиринте через много лет.

— Я — Избавитель? — хрипло и недоверчиво спросил Джардир.

Инэвера пожала плечами:

— Кости никогда не лгут, но ничего не обещают. Я видела будущее, в котором люди будут считать тебя Избавителем и сплотятся под твоей рукой, и будущее, в котором они пойдут за кем-то другим или вовсе не объединятся.

— Тогда что в них толку? Если это инэвера, покоримся судьбе.

— Судьбы в твоём понимании не существует, не считая того, что скоро грянет Шарак Ка, последняя битва. Нельзя пускать будущее на самотек. Я наблюдала за тобой с тех пор, как ты впервые надел бидо, дорогой. Ты единственная надежда Красии на спасение, и ради тебя я пожертвую своей честью... или твоей.

Джардир удивленно смотрел на нее. Язык не слушался его, как не слушались руки и ноги. Инэвера наклонилась и поцеловала его в лоб мягкими прохладными губами. Она встала и печально посмотрела на мужа, продолжавшего беспомощно дергаться на полу.

— Все, что я делаю, я совершаю ради тебя и Шарак Ка. — С этими словами она вышла из комнаты.

Глава 6

Ложное пророчество

333 П. В., зима

— Чины оказались идеальными рабами, — заметил Джайан. — Даже самые жалкие из них ценят свою жизнь так высоко, что никогда не наберутся мужества на бунт. Это поистине великая победа, отец. Твоя слава не имеет границ.

Джардир покачал головой:

— Сдвинуть пару песчинок — не признак великой силы, как увидеть солнце — не признак острого зрения. Победа над слабыми не приносит славы.

— И все же это великое благо, — настоял Джайан. — Мы одержали сокрушительную победу, и нам это ничего не стоило.

Аббан, сидевший напротив за крошечным письменным столом, фыркнул.

— Тебе есть что добавить, хаффит? — надменно осведомился Джайан.

— Ничего, мой принц, — поспешно ответил Аббан, подняв взгляд от гробсбуха. Хаффит встал, оперся на костыль с ручкой в виде верблюжьей головы и низко поклонился. — Я просто закашлялся.

— Нет уж, — возразил Джайан. — Говори, что тебя так развеселило.

Аббан взглянул на Джардира. Тот кивнул.

— Пусть мы не потеряли ни одного даль'шарума, мой принц, но цена победы высока. Еда, одежда, кров, перевозка... Такая огромная армия, как наша, в походе стоит неизмеримо дорого. Твой отец владеет сокровищами всех двенадцати племен и Даром Эверам в придачу, но даже его богатство не безгранично.

Асом кивнул:

— В Эведжахе сказано: когда кошелек пустеет, противники смелеют.

Джайан засмеялся:

— Кто дерзнет бросить вызов отцу? Да и с какой стати Шар'Дама Ка станет платить? Мы завоевали эту землю и можем брать, что захотим.

Аббан кивнул:

— Верно, но ограбленному купцу не на что пополнить запасы. Можно забрать у торговца все свечи, но если не заплатить хотя бы их стоимость, придется сидеть в темноте, когда догорит последняя.

Джайан фыркнул:

— Свечи нужны слабым хаффитам, бумажным крысам. Воины в ночи прекрасно обойдутся без них.

— А как насчет дерева и стали для копий? — терпеливо спросил Аббан, как будто разговаривал с ребенком. — Ткани для формы и обожженной глины для доспехов? Кожи и масла для упряжи? Они берутся не из воздуха, и если сейчас отнять все зерно и всех коз, через год мы умрем от голода.

— Мне не нравится твой тон, пожиратель свинины, — прорычал Джайан.

— Молчи и слушай, — прикрикнул Джардир. — Хаффит делится с тобой своей мудростью, сын мой, и отвергать ее глупо.

Джайан потрясенно посмотрел на отца, но поспешно поклонился:

— Разумеется, отец.

Глаза его метали молнии в Аббана.

Джардир взглянул на Асома, который пока помалкивал:

— А ты, сын мой? Что ты ответишь на слова хаффита?

— Презренный прав, — признал Асом. — Некоторые Дамаджи до сих пор не смирились с твоим возвышением и воспользуются любой нуждой своих соплеменников, чтобы посеять рознь.

Джардир кивнул:

— И как бы ты решил эту проблему?

Асом пожал плечами:

— Убил и заменил вероломных Дамаджи, пока они не осмелели.

— Это само по себе посеет рознь, — заметил Джардир и перевел взгляд на Аббана.

— Держать армию в городе слишком накладно, — сказал Аббан. — Ее надо рассеять по весям.

Сыновья Джардира недоверчиво уставились на толстого купца.

— Распустить нашу армию? Вот так глупость! — воскликнул Джайан. — Отец, этот хаффит — трус и дурак! Молю, позволь мне его убить!

— Глупый мальчишка! По-твоему, я не знаю того, что говорит хаффит?

Джайан потрясенно уставился на него.

— Когда-нибудь, дети мои, — Джардир перевел взгляд с Джайана на Асома и обратно, — я умру. Если вы хотите пережить меня, не пренебрегайте мудрыми советами, кто бы их ни изрекал.

Джайан повернулся к Аббану и поклонился. Вернее, едва заметно кивнул, пронзив толстого купца взглядом за свой позор.

— Пожалуйста, хаффит, поделись со мной мудростью.

Аббан поклонился в ответ, хотя мог бы согнуться и ниже, даже несмотря на костыль.

— Зерно пропало, и главный город не может прокормить всех красийцев, мой принц. Но вокруг сотни деревушек, словно спицы у колеса. Мы заставим герцога землепашцев составить списки и поделим веси между племенами.

— Такую обширную территорию нелегко удержать, — заметил Асом.

Аббан пожал плечами:

— Кто посмеет на нее покушаться? Нам никто не угрожает, и мой принц прав, чины — идеальные рабы. Лучше распустить армии Шар'Дама Ка до поры до времени, чтобы не кормить их. Пусть каждое племя добывает продовольствие на своем клочке земли, собирает с него дань и охотится по ночам на алагай. Они могут построить шараджи для юных землепашцев на своих территориях, а женщины и старики засеют весной поля. Через год племена разбогатеют, как никогда, и у них будут тысячи най'шарумов-землепашцев. Дай племенам изобилие вместо лишений, и когда новички войдут в возраст, Шар'Дама Ка возглавит армию, каких еще не знал мир, — огромную, фанатично преданную, и самое замечательное — ее не надо будет кормить.

Джардир взглянул на сыновей:

— Теперь вы видите прок в хаффите?

— Да, отец. — И мальчики дружно поклонились.

Дамаджи Ашан вполз на четвереньках в тронный зал и коснулся лбом пола. Его белые одежды были забрызганы кровью, глаза под черным тюрбаном смотрели угрюмо.

— Встань, друг мой, — произнес Джардир.

Ашан всегда был самым верным его советником, даже до возвышения. Теперь он говорил от лица всех Каджи, самого могущественного племени Красии, и назначил своим наследником старшего сына, Асукаджи — племянника Джардира, сына его сестры Аймисандры. Он был самым могущественным человеком на свете после Джардира.

— Шар'дама ка, у меня важная новость, — сообщил Ашан.

Джардир кивнул:

— Я ценю твои советы, друг мой. Говори.

Ашан покачал головой:

— Лучше тебе услышать это своими ушами, Избавитель.

Джардир поднял бровь, но кивнул и вместе с Ашаном вышел из особняка на промерзшие улицы. Недалеко от дворца Джардира стоял один из городских храмов. Он был жалким и аскетичным по сравнению с великим Шарик Хора, но довольно впечатляющим по меркам северян — трехэтажное здание с толстыми каменными стенами, сверху донизу покрытыми метками.

Ашан завел его в храм, и Джардир увидел, что дама не просто присвоили Праведный дом. Они уже начали украшать его отбеленными и лакированными костями даль'шарумов, павших на поле боя с тех пор, как армия покинула Копье Пустыни. Под охраной духов доблестных воинов это здание станет самым защищенным на севере.

Они спустились в лабиринт холодных коридоров под храмом.

— Чины хоронили здесь своих почитаемых жителей, — пояснил Ашан, заметив, что Джардир разглядывает пустые ниши в стенах. — Мы выбросили из тоннелей нечестивый мусор и приспособили их для более полезной цели.

Будто в ответ на его слова подземные коридоры огласились криками смертной муки. Ашан не обратил на них внимания и провел Джардира в нужное помещение. На потолочной балке посреди комнаты висели северные священники — так называемые рачители, — привязанные за запястья. Их торсы были обнажены, плоть глубоко иссечена хвостом алагай — плеткой, способной сломить волю самых сильных мужчин.

Ашан жестом велел палачам-даль'шарумам отойти и подошел к одному из пленников:

— Повтори Шар'Дама Ка то, что сказал мне, если осмелишься.

Рачитель с трудом поднял голову. Один его глаз распух и заплыл, из другого текли слезы, оставляя полосы на покрытом кровью и грязью лице.

— Иди ты в Недра, — пробормотал он и попытался плюнуть в Ашана, но кровавая слюна повисла на губе.

Палач шагнул вперед с щипцами в руке. Он ухватил рачителя за подбородок, принудил открыть рот и сомкнул их на переднем зубе. Комната наполнилась воплями.

— Довольно, — произнес Джардир через мгновение. Палач немедленно прекратил, поклонился и отошел к стене. Рачитель безвольно повис на веревках. Джардир приблизился и с грустью посмотрел на него:

— Я — Шар'Дама Ка, посланник Эверама, милосердие коего не знает границ. Скажи правду, и я положу конец твоим страданиям.

Рачитель поднял взгляд и, похоже, собрался с силами.

— Я тебя знаю, — прохрипел он. — Ты называешь себя Избавителем, но ты не Избавитель.

— Почему? — спросил Джардир.

— Потому что Избавитель уже явился, — ответил рачитель. — Меченый не боится ночи, и подземники бегут при его виде. Он спас Лощину Избавителя, когда ей угрожала гибель, и с тобой тоже разберется.

Джардир удивленно взглянул на Ашана.

— Я слышал об этом меченом неверном и от другого чина, Шар'Дама Ка, — сказал Дамаджи. — Нужно развеять это ложное пророчество, и поскорее, чтобы защитить твое законное место.

Джардир покачал головой:

— Ты говоришь, как моя жена, старый друг.

— Однажды шарум ка стану я! — Джайан вонзил копьё в набитое тряпками чучело, которое для него изготовил Джардир. Чучело лениво покачивалось на веревке, привязанной к потолочной балке.

Джардир засмеялся, радуясь живости сына. В свои двенадцать лет Джайан уже носил бидо, а за похлебкой стоял в первых рядах. Джардир начал обучать сыновей шарукинам, едва они научились ходить.

— Я тоже хочу быть шарум ка, — заканючил Асом, одиннадцати лет. — Я не хочу быть дурацким дама. — Он дернул белую ткань у себя на плече.

— Зато ты будешь посредником между шарум ка и Эверамом, — утешил Джардир. — А со временем, возможно, Дамаджи всего племени Каджи. Или даже андрахом.

Он улыбнулся, хотя в глубине души был согласен с мальчиком. Ему хотелось, чтобы его сыновья стали воинами, а не священниками. Грядет Шарак Ка.

Сперва Инэвера предложила, чтобы белое надел Джайан, но Джардир отказал наотрез. Это была одна из его редких побед над женой, хотя он сомневался, что действительно победил. С тем же успехом Инэвера могла изначально хотеть, чтобы белое надел Асом.

Подбежали остальные мальчики, с благоговением глядя на старших братьев. Большинство сыновей Джардира были слишком малы для Ханну Паш. Им еще предстояло отыскать свой путь в жизни. Вторые сыновья станут дама, остальные шарумами. Надвигалась первая ночь Ущерба, когда полчища Най особенно грозны и Алагай Ка рыщет в ночи. Ничто так не придает воину сил, как вид его сыновей.

«И дочерей», — подумал Джардир и повернулся к Инэвере.

— Хорошо бы мои дочери тоже возвращались домой каждый Ущерб.

Инэвера покачала головой:

— Нельзя мешать их обучению, муж мой. Ханну Паш най'дама'тинг... тернист.

И действительно, девочек забрали намного раньше, чем мальчиков. Старших дочерей он не видел несколько лет.

— Не могут же все они стать дама'тинг, — заметил Джардир. — Кого-то нужно выдать за моих верных людей.

— Выдавай, — согласилась Инэвера. — Но только дочерей, на которых не осмелится поднять руку ни один мужчина; дочерей, которые верны тебе больше, чем своим мужьям.

— И верны Эвераму больше, чем своему отцу, — пробормотал Джардир.

— Разумеется, — согласилась Инэвера, и он почувствовал, что жена улыбается под покрывалом. Он собрался возразить, но в комнату вошел Ашан. За ним плелся его сын Асукаджи, ровесник Асома, в бидо най'дама.

Ашан поклонился Джардиру:

— Шарум ка, кай'шарумы просят тебя уладить один вопрос.

— Ашан, я давно не видел сыновей. Это не может подождать?

— Боюсь, не может, первый боец.

— Ладно, — вздохнул Джардир. — Что случилось?

Ашан снова поклонился:

— Лучше пусть шарум ка сам посмотрит.

Джардир поднял бровь. Ашан всегда с готовностью высказывал свое мнение, даже если знал, что Джардир с ним не согласится.

— Джайан! — окликнул Джардир. — Принеси мои копье и щит! Асом! Одежду мне!

Мальчишки поспешно повиновались. Джардир встал. К его удивлению, Инэвера тоже встала:

— Я пойду с мужем.

Ашан поклонился:

— Разумеется, дама'тинг.

Джардир пристально взглянул на нее. Что ей известно? Что рассказали ей о нынешней ночи проклятые кости?

Они оставили детей и втроем спустились по широкой каменной лестнице дворца шарум ка, стоявшего напротив тренировочных площадок шарумов. В дальнем конце возвышался Шарик Хора, по бокам располагались шатры племен.

У подножия лестницы, во внутреннем дворе, шарумы и дама теснились вокруг пары хаффитов. Джардир озлился. Кто позволил хаффитам осквернить землю цитадели шарум ка? Он было открыл рот, чтобы возмутиться, когда узнал одного из хаффитов.

Аббан.

Джардир много лет не вспоминал о старом друге, как будто Аббан действительно погиб в ночь, когда Джардир нарушил свои клятвы. Прошло больше пятнадцати лет, и если низкорослый костлявый мальчишка в бидо превратился в шарум ка, то Аббан изменился еще сильнее.

Бывший най'шарум невероятно разжирел, почти сравнявшись размерами с андрахом. На нем по-прежнему были бурая безрукавка и шапочка хаффита, но ближе к телу — яркая рубашка и штаны из разноцветного шелка, а на коричневую коническую шапочку он намотал тюрбан из алого шелка с драгоценным камнем посередине. Пояс и шлепанцы у него были из змеиной кожи. Аббан опирался на костыль из слоновой кости с ложем в форме верблюда. Подмышка приходилась как раз между горбов.

— С чего ты взял, что вправе стоять здесь среди мужчин? — осведомился Джардир.

— Прошу прощения, о великий. — Аббан упал на четвереньки и прижался лбом к земле.

Шанджат, ставший кай'шарумом, засмеялся и пнул его под зад.

— Погляди на себя! — громыхнул Джардир. — Одеваешься как женщина и выставляешь напоказ свое грязное богатство, словно оно не оскорбляет всего, во что мы верим. Напрасно я тебя вытащил.

— Нижайше прошу меня простить, повелитель. Я не хотел тебя оскорбить. Я всего лишь переводчик.

— Переводчик? — Джардир взглянул на второго хаффита, пришедшего с Аббаном.

Но это был не хаффит. Это было ясно любому по его светлой коже и волосам, по одежде и особенно по выдавшему виды копыю в руках. Чин. Чужак из зеленых земель на севере.

— Чин? — Джардир повернулся к своему дама. — Ты позвал меня сюда, чтобы поговорить с чином?

— Выслушай его, — настаивал Ашан. — Сам поймешь.

Джардир взглянул на землепашца. Он никогда еще не видел чина так близко. Он знал, что вестники-северяне иногда посещают Великий базар, но это не место для мужчин, а детские воспоминания были смутными, отравленными голодом и стыдом.

Джардир не так представлял себе чинов. Чужак был молод — не старше Джардира, когда тот впервые надел черное, — и не слишком могуч, но в нем угадывался несокрушимый дух. Он стоял и двигался, как воин, и смело смотрел в глаза Джардиру, как должно мужчине.

Джардир знал, что северяне отказались от алагай'шарак и прячутся за метками, как женщины, но пески Красии тянутся на сотни миль без всяких укрытий. Этот человек преодолел их, а значит, смотрел в лицо алагай ночь за ночью. Он не шарум, но и не трус.

Джардир опустил взгляд на поскуливавшего Аббана и проглотил отвращение.

— Говори, и поскорее. Твое присутствие меня оскорбляет.

Аббан кивнул, повернулся к северянину и произнес несколько слов на грубом гортанном языке. Северянин ответил грозно и ударил копьем оземь, чтобы подчеркнуть свои слова.

— Это Арлен асу Джеф ам'Тюк ам'Брук. — Аббан снова повернулся к Джардиру, не отрывая глаз от земли. — Он прибыл из Форта Райзона, что на севере, приветствует тебя и просит дозволения сражаться сегодня ночью на алагай'шарак вместе с мужами Красии.

Джардир был потрясен. Северянин желает сражаться? Неслыханно!

— Это чин, первый боец, — прорычал Хасик. — Его народ — трусы. Он не заслуживает права сражаться!

— Трус не пришел бы сюда, — заметил Ашан. — Многие вестники добирались до Красии, но только один явился в твой дворец. Мы оскорбим Эверама, не допустив сражаться тому, кто этого хочет.

— Я не доверю в бою свою спину землепашцу! — Хасик сплюнул под ноги вестнику. Многие шарумы закивали и согласно заворчали, несмотря на слова дама. Похоже, даже власти священников существовал предел.

Джардир размышлял. Теперь он понял, почему Ашан хотел, чтобы он сам принял решение. Любой ответ повлечет за собой серьезные последствия.

Он снова посмотрел на землепашца. Любопытно испытать его отвагу в бою! Инэвера предсказала, что однажды Джардир захватит зеленые земли, а Эведжах учит: познай врага, прежде чем сражаться с ним.

— Муж мой. — Инэвера коснулась его руки. — Если чин хочет сражаться в Лабиринте как шарум, нужно предсказать его судьбу.

Вот зачем она пошла с ним! Она знала, что чин не простой человек, и хотела погадать на крови. Джардир сощурился, размышляя, о чем она умолчала, но жена предложила ему выход из непростой ситуации, и только дурак им не воспользуется. Джардир снова повернулся к Аббану, скорчившемуся в пыли:

— Скажи чину, что дама'тинг бросит для него кости. Если расклад окажется благосклонным, ему будет дозволено сражаться.

Аббан кивнул, повернулся к землепашцу и заговорил на грубом языке северян. На лице чина мелькнуло раздражение. Знакомое чувство! Джардир был рабом костей больше половины жизни. Хаффит и чужак некоторое время переговаривались, затем чин скрипнул зубами и согласно кивнул.

— Я заберу его во дворец, чтобы предсказать судьбу, — постановила Инэвера.

Джардир кивнул:

— Я буду охранять тебя во время ритуала.

— Это ни к чему. Ни один мужчина не посмеет причинить вред дама'тинг.

— Ни один красиец, — поправил Джардир. — Кто знает, на что способны эти северные варвары?

Он ухмыльнулся.

— Я не могу рисковать твоей несокрушимой добродетелью, оставив тебя наедине с чужаком.

Джардир знал, что она злится под покрывалом, но ему было все равно. Он должен увидеть, что произойдет между ней и землепашцем! Джардир взял с собой Хасика и Ашана. При свидетелях Инэвера не посмеет прогнать его из дворца. Аббан поплелся следом, хотя его присутствие осквернило полы дворца. Придется смыть скверну кровью.

Вскоре Джардир, Инэвера и чин остались втроем в темной комнате. Джардир взглянул на землепашца:

— Протяни руку, Арлен, сын Джефа.

Чин с любопытством смотрел на него.

Джардир вытянул руку, изобразил неглубокий порез и поднес ладонь к алагай хора.

Чин нахмурился, но без промедления закатал рукав и шагнул вперед, вытянув руку.

«Я был не столь отважен в первый раз», — подумал Джардир.

Инэвера рассекла чужаку ладонь, и вскоре кости ярко запылали в ее руках. Чин пристально наблюдал за ней широко распахнутыми глазами. Она бросила кости, и Джардир окинул взглядом расклад. Он не проходил обучения дама'тинг, но на уроках в Шарик Хора узнал немало костных символов. На каждой кости демона была только одна метка — метка прорицания. Остальные символы были просто словами. Слова и их узор слагались в будущее... неизбежное или всего лишь возможное.

Джардир разобрал слова «шарум», «дама» и «один», прежде чем Инэвера сгребла кости. Шар'Дама Ка. Что это значит? Разумеется, чин не может быть Избавителем. Возможно, он как-то связан с Джардиром?

К удивлению Джардира, Инэвера снова встряхнула и бросила кости. Он не видел ничего подобного с той первой ночи в Лабиринте. Инэвера оставалась совершенно спокойна, как и положено дама'тинг, но ее выдало уже то, что она метнула кости во второй раз.

И в третий.

«Не знаю, что она видит, — подумал Джардир, — но ей хочется в этом увериться».

Он посмотрел на землепашца. Тот пристально наблюдал за происходящим, но было ясно, что он воспринимает его как примитивный ритуал, необходимый, чтобы попасть в Лабиринт.

«Ах, сын Джефа, если бы все было так просто!»

— Пусть сражается. — Инэвера достала из складок одежды глиняный горшочек, смазала рану чина вонючей мазью и перевязала чистой тряпицей.

Джардир кивнул. Он так и думал, что она ограничится простым «да» или «нет». Он вывел чина из комнаты.

— Хаффит, — окликнул он Аббана. — Скажи сыну Джефа, пусть начнет на стене. Поймает сетью алагай — сможет ступить в Лабиринт.

— Еще чего! — возмутился Хасик.

— Хасик, Эверам сказал свое слово, — отрезал Джардир, и воин умолк.

Аббан торопливо перевел. Чин фыркнул, как будто поймать воздушного демона сетью —

невелика заслуга. Джардир улыбнулся. Похоже, он поладит с этим парнем.

— Возвращайся в дыру, из которой выполз, — велел он Аббану. — Сын Джефа, может, и достоин стоять на стене, но ты потерял это право. Ему придется говорить на языке копья.

Аббан поклонился и повернулся к землепашцу, объясняя. Чин посмотрел на Джардира и кивнул в знак того, что понял. Лицо его было мрачным, но глаза горели нетерпением. Он выглядел как даль'шарум на закате.

Джардир направился было на учебную площадку с остальными, но Инэвера придержала его за руку. Ашан и Хасик остановились и обернулись.

— Идите и попытайтесь научить чина нашим сигналам, — приказал Джардир. — Я скоро приду.

— Этот чин поможет тебе стать Шар'Дама Ка, — сказала Инэвера без обвиняков, едва они остались одни. — Прими его как брата, но держи на расстоянии копья. Однажды тебе придется убить его, чтобы тебя признали Избавителем.

Джардир пристально смотрел в непроницаемые глаза жены. «О чем ты умалчиваешь?» — думал он.

На закате землепашец не выказал ни страха, ни трепета. Он стоял на стене во весь рост и с нетерпением смотрел на пустыню, ожидая появления врагов.

Поистине, он ничуть не походил на слабых недомужей севера, о которых Джардиру рассказывали на уроках. Как давно красийцы посещали зеленые земли и видели их жителей своими глазами? Сто лет назад? Двести? Кто-нибудь вообще покидал Копье Пустыни после Возвращения?

Два воина пересмеивались у него за спиной. Они были из племени Мехндинг, самого могущественного после Маджах. Мехндинги посвящали все свое время оружию дальнего боя. Они строили камнеметы и скорпионы, добывали камень для катапульта и изготавливали жала скорпионов — огромные копья, способные пробить броню песчаного демона с тысячи футов. С копьем они обращались не так искусно, как другие племена, но их слава не знала границ, поскольку мехндинги убивали больше алагай, чем Каджи и Маджах, вместе взятые.

— Интересно, сколько он протянет, прежде чем его прикончит алагай, — заметил один мехндинг.

— Наверняка обгадится и пустится наутек, едва они встанут, — засмеялся другой.

Землепашец посмотрел на них. По его лицу было ясно — он понял, что над ним смеются, но северянин снова впери́л взгляд в колышущиеся пески, не обращая на воинов внимания.

«Он принимает боль, когда видит цель», — подумал Джардир, вспомнив, как над ним издевались в первую ночь в Лабиринте.

Джардир подошел к насмешникам.

— Солнце садится, а вам больше нечего делать, кроме как высмеивать собрата по оружию? — громко спросил он. Все на стене повернулись к ним.

— Но, шарум ка, — возразил один воин, — он же всего лишь дикарь!

— Дикарь, который смотрит на врага, в то время как ты потешаешься у него за спиной, как хаффит! — возразил Джардир. — Еще одно слово, и я отправлю тебя в шатер дама'тинг учиться вежливости.

Он говорил спокойно, но даль'шарум отпрянул, как от удара.

Внимание Джардира привлек крик землепашца. Чужак стучал копьем по стене и что-то

вопил на своем гортанном наречии. Он указал на пески, и Джардир внезапно понял, в чем дело.

Вставали алагай.

— По местам! — приказал он, и мехндинги снова повернулись к скорпионам.

Поле боя озарили огни масляных факелов, многократно отраженные в зеркалах. Для смертоносного искусства мехндингам требовался свет.

Землепашец внимательно наблюдал за расчетом скорпиона. Один воин заводил пружины, другой устанавливал жало на место. Третий целился и стрелял. На все про все у мехндингов уходили секунды.

Первое жало пронзило песчаного демона. Землепашец закричал от радости и выбросил кулак в воздух, совсем как Джардир, когда впервые увидел гибель демона най'шарумом.

«На севере нет скорпионов», — запомнил на будущее Джардир.

Гудели жала. Пращники таскали огромные камни, обрезали веревки противовесов и металы снаряды в растущие ряды алагай, убивая тварей поодиночке и скопом.

Но, как всегда, они словно изымали песчинки из бархана. Огненные и воздушные демоны исчислялись десятками, зато песчаные накатывали сокрушительным шквалом, который мог стереть с лица земли целую гору.

Мехндинги встали широкой дугой у великих ворот Лабиринта, готовясь распахнуть их. Когда алагай заняли нужные позиции, Джардир махнул най'шаруму, и тот извлек из Рога Шарак долгую чистую ноту. Ворота отворились почти в тот же миг. Самые старые воины племен стояли перед воротами, колотили в щиты и насмехались над демонами, подстрекая их пуститься в погоню.

Их слава не знала границ. Даже землепашец что-то выдохнул с благоговением.

Алагай завизжали и бросились в Лабиринт. Наживки улюлюкали и бежали, заводили демонов все глубже в извивы Лабиринта, где поджидали в засаде соплеменники воинов.

Через несколько минут Джардир дал сигнал закрыть ворота. Скорпионы очистили путь, и створки захлопнулись с оглушительным грохотом.

— Неси сети, — велел Джардир най'шаруму. — Мы пройдем в Лабиринт и испытаем землепашца в деле.

Но мальчик не пошевелился. Джардир с раздражением взглянул на него. На лице най'шарума был написан неприкрытый страх. Джардир обернулся и увидел, что многие из его воинов тоже застыли на месте.

— Что вы... — Он осекся, увидев в свете масляных факелов алагай, скачущего по дюнам к городу.

Но то был не обычный демон. Даже издали Джардир видел, насколько он огромен. Песчаные демоны были крупнее своих огненных и воздушных собратьев, если не считать крыльев последних, но даже песчаные демоны не превосходили размером человека и бегали на четвереньках, как собаки, достигая не больше трех футов в холке.

Незванный гость стоял на задних лапах, соединенных костным гребнем, и был более чем вдвое выше самого рослого мужчины. Даже его шипастый хвост был, похоже, длиннее человеческого роста. Рога его походили на копыта, когти — на ножи мясника, черный панцирь был толстым и прочным. Одна его лапа была обрублена по локоть — такой дубинкой легко раздробить череп воину.

Джардир не подозревал, что демоны бывают такими большими. Его люди застыли на месте то ли от страха, то ли от удивления. Только землепашец, похоже, не удивился.

Северянин с неприкрытой ненавистью пристально смотрел на великана.

Но почему? Вряд ли чудовище случайно пришло в ту же ночь, когда чин явился на порог его дворца, умоляя позволить ему воевать. Чем он связан с этим демоном?

Джардир горько пожалел, что не знает варварского языка землепашца.

— Чего ждете? — рыкнул он расчетам скорпионов. — Алагай есть алагай! Убейте его!

Воины стряхнули оцепенение и поспешно повиновались. Землепашец сжимал кулак, пока они целились и стреляли в великана скорпионьими жалами — массивными копьями с тяжелыми металлическими наконечниками. Копья взмывали высоко в небо и с сокрушительной силой поражали цель по дуге.

В великана попало с десятков копий, но все они расщепились о броню, а тварь даже ухом не повела. Демон яростно взревел и продолжил наступать.

Внезапно город показался беззащитным. Джардир выучился рисовать метки в Шарик Хора и знал, что каждая метка по-настоящему сильна только против одного вида демонов. Древние метки, вырезанные на стенах Красии, ни разу не подвели, но доводилось ли им выдерживать натиск подобного чудовища?

Он схватил землепашца за плечи и развернул к себе:

— Что ты знаешь? Что это за тварь, побори тебя Най?!

Землепашец кивнул, как будто понял, и осмотрелся. Он подошел к камнemetу и коснулся камня в праще. Затем указал на демона.

— Алагай, — произнес чин.

Джардир кивнул и подошел к мехндингу, командиру расчета:

— Можешь попасть в него?

Даль шарум фыркнул:

— В такую здоровенную тварь? Могу попасть ему в рабочую руку, если хочешь.

Джардир хлопнул его по спине:

— Стреляй в голову. Сварим в дегте на память.

— Ставь котел, — хмыкнул воин, регулируя натяжение и угол.

Землепашец бросился к Джардиру, тараторя на своем безобразном языке. Он размахивал руками и все больше волновался, потому что его никто не понимал. Он вновь и вновь указывал на пращу, выкрикивая, похоже, единственное красийское слово, которое знал:

— Алагай!

— Вопит, как верблюд, — фыркнул Хасик.

— Помолчи, — отрезал Джардир.

Он сощурился, но пращник крикнул:

— Готов!

— Пли! — скомандовал Джардир. Землепашец прыгнул на воина, который собирался перерезать веревку, но Хасик схватил его и оттащил в сторону.

— Я же говорил, что чину нельзя доверять, первый боец, — прохрипел он. — Он защищает демона!

Джардир не был в этом уверен и пристально смотрел на чужака, который отчаянно бился в руках Хасика. Чин снова ткнул пальцем, на этот раз вниз, и крикнул:

— Алагай!

Внезапно Джардир вспомнил истории, которые давно стали легендами, — рассказы о гигантских демонах, осаждавших стены Красии во времена первого Избавителя. Все стало предельно ясно. Землепашец указывал не на пращу; он имел в виду камень.

«Скальный демон», — холодея, понял Джардир.

— Скальный демон! — крикнул он, но было уже слишком поздно. Противовес ухнул вниз, и Джардиру оставалось лишь беспомощно наблюдать. За спиной взвыл землепашец.

Камень взмыл в воздух, человек и алагай как бы вместе затаили дыхание. Однорукий скальный демон взглянул на валун, который три воина с трудом взвалили на катапульту.

Невероятно, но демон поймал камень сгибом здоровой руки и с сокрушительной силой швырнул обратно.

Валун ударил по великим воротам, пробив дыру. Во все стороны побежала сеть трещин. Скальный демон принялся колотить по тому же месту. Магия вспыхивала и искрилась, но поврежденные метки не действовали в полную силу. Ворота шатались с каждым ударом. Одна створка слетела с петель и рухнула внутрь.

Скальный демон ворвался в пролом и с ревом бросился в Лабиринт. Демоны рекой потекли через брешь.

Джардира окатило жаром, затем холодом. На памяти живущих в великих воротах Красии не было брешей. Демоны примутся за даль'шарумов в Лабиринте, и Джардир сам виноват, что не послушал землепашца.

«Я привел своих людей к гибели», — подумал он.

Мгновение Джардир оцепенело глядел, как алагай затопят Лабиринт.

«Откройся страху, глупец! — велел он себе. — Ночь еще можно спасти!»

— Скорпионы! — крикнул он. — Развернуться и прикрывать нас огнем, пока мы латаем брешь! Пращники! Бросать камни на головы алагай, чтобы больше ни один не прорвался!

— Мы не можем стрелять так близко, — возразил один пращник. Другие закивали, и Джардир увидел на их лицах тот же ужас, какой мигом раньше испытывал сам. Нужно вырвать их из оцепенения большей угрозой.

Он ударил пращника в лицо. Воин растянулся на стене.

— Мне плевать, хоть руками кидай! Делай, что я сказал!

Ночное покрывало пращника намокло от крови, и ответ прозвучал неразборчиво, но он ударил себя кулаком в грудь, кое-как встал и повиновался. Остальные мехдинги последовали его примеру, страх забылся в гуще сражения.

Джардир взглянул на най'шарума:

— Сигналь прорыв.

Мальчик поднес рог к губам, и Джардира окатила волна досады и стыда за то, что подобная команда будет отдана в его дежурство.

Но он быстро стряхнул это чувство. Слишком много нужно сделать. Он повернулся к Хасику:

— Собери как можно больше воинов и метчиков и встречай нас у ворот. Надо залатать брешь.

Хасик с гиканьем помчался выполнять приказ. Похоже, его возбуждала перспектива ворваться в самую гущу самума алагай. Джардир побежал по стенам туда, где его личный отряд сражался под началом Шанджата. Ему нужно было опереться на верных людей. Пусть другие Каджи обижаются на Джардира за то, что он предал родное племя, но воины, которые сражались с ним годами плечом к плечу, верны ему до мозга костей.

Землепашец бежал рядом, и Джардир жалел, что не знает слов, чтобы отослать его. Времени на объяснения тоже не было. Даже если чужак хочет помочь, необученный воин будет только мешаться под ногами у сплоченного отряда Джардира.

В небе раздался визг, и землепашец крикнул:

— Алагай!

Чужак налетел на Джардира, и оба покатались по стене. Кожистые крылья прошли совсем близко, Джардир ощутил дуновение ветра.

Джардир подался в сторону и выругался, пошарил в поисках сети, но, разумеется, ничего не нашел. Землепашец вскочил быстрее и, когда воздушный демон заложил вираж и вернулся, уже стоял, полуприсев и с копьём наготове.

«Дурак, но смелый, — подумал Джардир. — Что он может без сети?»

Демон спикировал, землепашец внезапно упал на колени и с силой ударил своим длинным копьём. Зазубренное острие пробило тонкую перепонку крыла алагай у самого плечевого сустава. Чужак повернул копьё и воспользовался им как рычагом, чтобы обратить силу инерции против демона. Тварь растянулась на спине.

Демон не был серьезно ранен, но землепашец проворно перехватил ремни щита, висевшего у него на руке, и прижал меченую поверхность к груди демона.

Ударил вспышка, тварь отчаянно заверещала и забилась. Джардир, не мешкая, всадил копьё в глаз оглушенному алагай. Чудовище извивалось и кричало. Джардир выдернул наконечник, вонзил его в другой глаз и проворачивал, пока тварь не затихла.

Землепашец взглянул на него сверкающими от возбуждения глазами и что-то произнес на северном наречии.

Джардир рассмеялся и хлопнул его по спине:

— Ты удивляешь меня, Арлен, сын Джефа!

Они побежали по стенам к отряду Джардира.

Воины сражались в Лабиринте не на жизнь, а на смерть, но Джардир не мог задержаться и помочь им. Если не залатать брешь, к рассвету все шарумы в Лабиринте будут разорваны в клочья.

— Продавайте свои жизни как можно дороже! — кричал он, пробегая мимо со своим отрядом. — Эверам смотрит на вас!

В Лабиринте эхом гуляли крики и рев. Казалось, сами стены дрожат. Где-то позади скальный демон сеял смерть среди людей Джардира.

«Займись своим делом, — мысленно велел он. — Если не запечатать брешь, все остальное неважно».

Двор перед великими воротами лежал в развалинах. Алагай и даль'шарумы умирали бок о бок, сраженные копьями скорпионов или разорванные зубами и когтями. Мехндинги смогли навалить груду камней перед разбитыми воротами, но проворные алагай легко перебирались через нее.

— Дорогу! — крикнул Джардир, и несколько измученных даль'шарумов, которые еще сражались во дворе, поспешно убрались с пути.

Воины Джардира сомкнули щиты и на полной скорости бросились к брешу — десять рядов по десять воинов. Рядом с ним в первом ряду бежал землепашец. Он поспевал без труда, как будто всю жизнь упражнялся с даль'шарумами. Что ж, он умеет обращаться с копьём и щитом, хоть и чин.

Воины по краям прибавили ходу. Отряд выстроился тупым углом и погнал песчаных демонов за ворота.

Они налетели на поток алагай и дрогнули, но метки на щитах зажглись, отбросив

чудовищ. Воины взревели, встретив сопротивление; задние ряды напирали, между людьми и демонами сверкали вспышки магии. Сотня Джардира медленно теснила демонов за ворота.

— Задние ряды! — крикнул Джардир, и воины резко развернулись, сомкнули щиты и шагнули вперед, освободив широкое пространство между передними и задними рядами для работы метчиков. Элитные даль'шарумы побросали копья, повесили щиты за спину и достали из походных сумок лакированные керамические плашки. Два метчика разложили их в определенном порядке во дворе перед брешью. Другие два выверили расстояние между плашками при помощи копий.

Джардир вонзил копьё в глаз песчаного демона — одно из немногих уязвимых мест алагай. Землепашец рядом с ним нашел еще одно, пронзив глотку ревущего демона. Когтистые лапы то и дело пробивали стену щитов между вспышками магии, и воины еле успевали уворачиваться.

Они приблизились к воротам, и глаза Джардира широко распахнулись при виде собравшихся снаружи полчищ. Барханы кишели песчаными демонами, которым не терпелось прорваться в цитадель заклятых врагов. Жала и каменные глыбы сыпались на алагай, но быстро тонули, словно галька в луже воды.

Метчики подали сигнал к отступлению отряда Джардира.

— В другой раз, — пообещал Джардир демонам, которые отпрянули при вспышках керамических меток. — Завтра ночью Красия вновь выйдет на бой.

Он повернулся и увидел, что сражение во дворе прекратилось. Оставшиеся демоны бежали в Лабиринт.

— Дозорный! — крикнул Джардир, отойдя от отряда. Через пару секунд Колив спустился по лестнице со стены и подбежал с отчетом:

— Дурные вести, первый боец. Маджахы собрались на шестом и взяли на себя большинство песчаных демонов, но разрозненные племена ведут бои по всему Лабиринту и мало где побеждают. Великан забрался еще глубже и отрезает целые отряды, пробиваясь к главным воротам. Его только что заметили на восьмом.

— Откуда ему знать извивы Лабиринта? — удивился Джардир.

— Похоже, он идет по следу, первый боец. Останавливается, нюхает воздух и каждый раз сворачивает правильно. Под ногами у него крутятся песчаные и огненные демоны, но он не обращает на мелюзгу внимания.

Джардир приподнял покрывало, чтобы сплюнуть пыль.

— Возвращайся на стену, и пусть дозорные составят маршрут. Мы соберем разрозненные племена, пробиваясь к Маджах.

Колив ударил себя кулаком в грудь, подбежал к лестнице и взобрался на стену. Джардир повернулся к отряду и обратил внимание, что землепашец пытается что-то втолковать одному из метчиков, бешено размахивая руками, а воин недоуменно глядит на него.

— Най сильна сегодня ночью, — крикнул Джардир, и все взгляды обратились к нему, — но Эверам сильнее! Доверимся Ему и доживем до рассвета, или тьма Най поглотит весь Ала! Покажите алагай, чего стоят воины Копья Пустыни, и помните, что Небеса ждут вас!

Он потряс копьем. Шарумы повторили его жест и с диким криком последовали за Джардиром в Лабиринт.

Всю ночь люди Джардира сражались с полчищами демонов, загоняя их в меченые ямы и спасая разрозненные отряды. Когда они соединились с маджахами, оборонявшими узкий

проход на шестой уровень, за его спиной собралось больше тысячи воинов.

Воины Джардира врезались в ряды алагай со спины, закрываясь мечеными щитами, чтобы вбить в них клин. Маджахи разомкнули стену щитов, и подкрепление потекло на шестой уровень — плавно, как на тренировке в шарадж.

— Отчет, — бросил Джардир одному из кай'шарумов маджахов.

— Пока держимся, первый боец, — ответил капитан, — но загнать алагай в ямы не можем.

— И не надо. Пусть метчики запечатают уровень. Оставьте сотню лучших воинов сторожить алагай и отправляйтесь на восток седьмого помогать Баджин.

— А ты куда? — спросил кай'шарум.

— Найду великана и отправлю его в бездну Най.

Джардир взял столько людей, сколько смогли выделить маджахи, и отправился к городским воротам, молясь Эвераму, чтобы не опоздать.

Однорукий демон стоял перед главными воротами города и молотил по меткам. Яркие вспышки магии озаряли ночь, и грохот разносился по улицам, но древние начертания держались. Демон выл в бессильной ярости.

Воины бросались на него с копьями из прочной пустынной стали, но уколы были демону нипочем. Пока Джардир наблюдал, великан небрежно махнул хвостом, сокрушая щиты, расщепляя копья, раскидывая отважных воинов.

— Да защитит нас Эверам, — прошептал Джардир.

— Хотя бы ворота держатся, — заметил Шанджат.

Джардир хмыкнул:

— До рассвета еще далеко. Вдруг метки не устоят?

— А что еще можно сделать? — возразил Шанджат. — Даже скорпионы не могут пробить его шкуру, и в яму он не поместится — голова будет торчать над землей!

— Пфф, это просто большой демон! — фыркнул Хасик. — Навалимся толпой и свяжем ему руки.

— Руку, — поправил Шанджат. — Так мы потеряем много воинов, и не факт, что его получится связать. В жизни не видел такого сильного алагай. Уж не сам ли Алагай Ка явился в Ущерб?

— Чепуха. — Джардир не сводил глаз с демона, пока его помощники спорили.

«Видит Эверам, я найду способ тебя убить», — молча поклялся он.

Он уже собирался отдать приказ, надеясь взять чудовище числом, когда подбежал один из метчиков.

— Прошу прощения, первый боец, но у чина есть план, — произнес он. Джардир обернулся и увидел, что землепашец оживленно беседует с его метчиками, изображая, что хочет сделать.

— Какой?

— Разве можно ему доверять? — возмутился Хасик.

— У тебя есть план, как победить эту мерзость из бездны и не погубить множество людей?

Хасик промолчал, и Джардир вновь повернулся к метчику.

— Какой план?

— Чин неплохо разбирается в метках, — начал метчик.

— Ну конечно, — пробормотал Хасик. — Чины только и умеют, что прятаться за метками.

— Заткнись, — огрызнулся Джардир.

Метчик не обратил внимания на перепалку:

— У землепашца есть меченые камни, которые помогут поймать тварь. Надо только заманить алагай в тупик и отбросить ткань с меток. Метка для скальных демонов такая же, как для песчаных. Стены Лабиринта послужат ямой до рассвета.

Джардир забрал и осмотрел меченые камни. Метки действительно напоминали песчаные, но были крупнее и располагались под другими углами, с разрывом в одной из линий. Он провел по ним пальцем.

— На десятом есть тупик за вторым поворотом, — произнес он.

— Я знаю, первый боец, — поклонился метчик.

Джардир повернулся к Хасику и Шанджату:

— Следите за демоном. Ничего не предпринимайте, если не заметите, что метки ворот слабеют. Тогда пусть все воины в Лабиринте навалятся на чудовище.

Шарумы ударили себя кулаками в грудь и поклонились. Джардир выбрал трех лучших метчиков, и они проводили землепашца в нишу. Когда все пятеро убедились, что метки на стенах и у входа устоят, они положили меченые камни на место и накрыли песочного цвета тканью, которую легко было сдернуть.

И вновь северянин удивил Джардира! Искусство рисовать метки высоко ценилось в Красии. Его знали только дама и горстка избранных ими воинов.

— Кто ты? — спросил он, но землепашец лишь пожал плечами, не понимая вопроса.

Они вернулись к демону, который продолжал методично бросаться на ворота в поисках слабого места.

Джардир взглянул на огромного алагай и испытал укол страха. И все-таки он первый боец, а значит, сам заманит чудовище в ловушку.

«Или я Избавитель, или нет», — сказал он себе, пытаясь поверить в свое предназначение. Но Инэвера часто и легко лгала, могла солгать и в этом.

Он собрался с духом, начертил в воздухе метку и шагнул вперед.

— Нет, шарум ка! — крикнул Хасик. — Я твой телохранитель! Позволь мне завлечь демона в ловушку!

Джардир покачал головой:

— Отвага делает тебе честь, но это я не доверю никому.

Землепашец что-то произнес и рубанул воздух рукой, но времени на расшифровку его загадочных сообщений не осталось. Джардир отбросил страх и зашагал к демону, крича и стуча копьём по щиту.

Демон не обращал на него внимания, продолжая бросаться на ворота.

Джардир попытался пробить броню демона под коленом, но чудовище лишь взмахнуло хвостом, словно отгоняло муху.

Джардир отскочил и пригнулся. Шипастый отросток просвистел над головой. Он посмотрел на копьё и увидел, что наконечник отломан.

— Верблюжья моча, — пробормотал он и вернулся к Хасику за новым копьём.

— Первый боец, смотри! — крикнул его телохранитель. Джардир обернулся и увидел, что землепашец направляется к демону.

— Глупец! — крикнул он. — Что ты делаешь?

Но землепашец, похоже, даже не услышал, не говоря уже о том, чтобы понять. Он встал совсем рядом с чудовищем и крикнул.

Демон оставил ворота в покое, наклонил голову и принялся. Он повернулся к землепашцу, и змеиные глаза вспыхнули узнаванием.

— Кровь Най, — выдохнул Хасик. — Он его знает.

Чудовище оглушительно взревело и взмахнуло когтистой лапой, но землепашец проворно отскочил и бросился к меченой нише.

— Дорогу! — крикнул Джардир, и его люди быстро убрались с пути. Джардир побежал за демоном во главе своих воинов.

Топот демона сотрясал Лабиринт, за тварью клубилась пыль, и землепашца почти не было видно. Но демон продолжал реветь и бежать, так что погоня, вероятно, длилась.

Два резких поворота, и Джардир увидел в тусклом свете масляных ламп, что землепашец нырнул в нишу. Демон последовал за ним, и метчики выскочили из укрытия, чтобы открыть метки.

Скальный демон победно взревел, увидев добычу в ловушке, и бросился на землепашца. Тот повернулся и ринулся на чудовище.

Вспыхнула магия, и когти великана отскочили от щита землепашца. Воин полетел на землю, но вскочил, как кошка, и пробежал мимо демона, прежде чем тот успел наброситься.

Метки были открыты, но Джардир тут же увидел, что скальный демон наступил на один из центральных камней и разбил его вдребезги.

Землепашец тоже это увидел. Джардир думал, что он выскочит из ниши, пока демон не развернулся, но северянин снова удивил. Он указал копьем на разбитую метку, что-то крикнул на своем гортанном языке и повернулся обратно к алагай.

— Почините метку! — крикнул Джардир, но метчики и без приказа уже рисовали новый символ на сланце. Они закончат быстрее чем за минуту.

Демон снова ударил, и землепашец опять отскочил. Удар пришелся по щиту по касательной. Но на этот раз демон был наготове и врезал обрубком лапы, словно дубиной. Землепашец сумел броситься на землю и уклониться от удара, но демон занес ногу, чтобы раздавить его, и Джардир понял, что встать смельчак не успеет.

Метчики почти закончили. Землепашец умрет смертью героя, и Красия будет спасена. Джардиру осталось забыть о тайне отважного северянина и повернуться спиной.

Вместо этого он с криком бросился в нишу.

Глава 8

Пар'чин

326–328 П. В

Скальный демон взревел, опуская когтистую лапу. Джардир на коленях скользнул под удар и подставил плечо с меченым щитом.

От удара его зубы выбили дробь, позвоночник пронзила боль. Плечо выскочило из сустава, и рука со щитом бессильно повисла.

Но магия вспыхнула, и огромный алагай отлетел, потеряв равновесие. Он ударился о стену. Метки зажглись и отшвырнули демона к противоположной стене, которая тоже вспыхнула. Великан яростно взревел, отскакивая от стен, словно детский мячик.

Землепашец проворно вскочил, схватил Джардира за здоровую руку и рывком поднял на ноги. Метчики уже закончили работу, и воины, шатаясь, покинули нишу, пока демон колотился о стены.

Через мгновение скальный демон выправился и бросился на них, но метки землепашца озарили ночь, и тварь отлетела. Северянин что-то крикнул чудовищу и сделал жест, вероятно столь же неприличный на севере, как в Красии. Он снова засмеялся.

— Что говорят дозорные? — спросил Джардир Шанджата.

— Половина Лабиринта захвачена. Некоторые воины прячутся за метками в засадах, но большинство отправилось в объятия Эверам. Маджахи держатся на шестом; алагай не смог пока прорваться за метки.

— Сколько воинов мы потеряли? — спросил Джардир, страшась услышать ответ.

Шанджат пожал плечами:

— Узнаем на рассвете, когда люди выйдут из укрытий и кай'шарумы подсчитают потери.

— Примерно.

Шанджат нахмурился:

— Не меньше трети. Возможно, половину.

Джардир помрачнел. Таких потерь за одну ночь не бывало со времен Возвращения. Андрах отрубит ему голову.

— Если во внутреннем Лабиринте чисто, начинайте носить раненых в шатер дама'тинг, — приказал он.

— Тебе тоже надо показаться, первый боец, — заметил Шанджат. — Твое плечо...

Джардир покосился на бессильно висящую руку. Он принял боль и забыл о ней. При напоминании она пронзила его, но он снова ее подавил.

Он покачал головой:

— Рука подождет. Пусть дозорные явятся с отчетами сюда. Скоро рассветет, и я хочу видеть, как горит этот алагай.

Шанджат кивнул и оставил его, выкрикивая приказы. Джардир повернулся к скальному демону, который драл когтями метки и яростно ревел, пытаясь добраться до землепашца. Тот

спокойно стоял перед тварью, и в глазах человека и алагай плескалась одинаковая ненависть.

— Что вас связывает? — спросил Джардир, хотя знал, что землепашец его не поймет.

Но чужак, как ни странно, повернулся к нему — наверное, догадался о смысле вопроса — и снова рубанул воздух ладонью. Он вытянул правую руку и рубанул по ней левой под локтем.

Джардир с изумлением понял, о чем идет речь.

— Ты отсекаешь ему руку?!

Все уставились на них. Когда землепашец кивнул, по толпе разлетелся шепот, как разносится ветром по городу песок.

— Я недооценил тебя, друг мой, — произнес Джардир. — Для меня честь быть твоим аджин'палом.

Землепашец пожал плечами и улыбнулся, не поняв его слов.

Вскоре ночное небо потемнело, предвещая рассвет. Скальный демон тоже это почувствовал и сосредоточенно выпрямился. Джардир тысячу раз видел это зрелище, но не уставал им наслаждаться. Через мгновение демон обнаружит, что не может вернуться в бездну Най в центре Ала из-за тесаного камня под ногами. Тварь будет визжать, колотиться, драть когтями метки, затем вспыхнет солнце, и свет Эверамы сожжет чудовище дотла.

Алагай и впрямь завыл, но поступил неслыханным образом. Он разрыл грязь и песок на полу Лабиринта, обнажив гигантские каменные блоки, уложенные столетия назад. Когтистой лапой великан пробил камень, расшвыривая здоровенные глыбы во все стороны.

— Нет! — завопил Джардир. Землепашец тоже возмущенно кричал, но что толку? Солнце не успело подняться достаточно высоко, и тварь вернулась в бездну.

Инэвера ждала их, когда они, хромя, вернулись на учебную площадку. Увидев, что рука Джардира безжизненно висит, дама'тинг повернулась к Хасику.

— Отведи его во дворец, — велела она. — Хоть силком.

Хасик склонил голову:

— Как прикажет дама'тинг.

Хасик потянул Джардира во дворец, но первый боец повернулся к Шанджату:

— Разыщи Аббана. Проводи их с землепашцем в мой приемный зал.

[Купить полную версию книги](#)

Бола — охотничье метательное оружие из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны круглые камни. — *Здесь и далее — прим. перев.*

Скорпион — разновидность катапульты.